

ПРАВО

№ 26.

1911 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„П Р А В О“.

С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, д. № 19. Телефонъ 41—61.

Комиссіонеръ Государственной типографіи.

Вышли изъ печати и поступили на складъ **НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:**

Баронъ А. М. Нолькенъ.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО. Изданіе ПЯТОЕ, пересмотрѣнное и дополненное разъясненіями
Правит. Сената.
СПБ. 1911 г. Стр. 8+395. Цѣна 2 руб. въ перепл.

Я. М. Гессенъ.

УСТАВЪ ТОРГОВЫЙ.

ДОПОЛНЕНИЕ. Новыя узаконенія, включенныя въ продолженіе 1909 г. и опубликованныя по Іюнь 1911 г. I. Статьи по Продолженію 1909 г. II. О договорѣ торговой комиссіи. III. О биржевомъ контролѣ за вывозимымъ за границу хлѣбомъ. IV. Объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о товарныхъ складахъ. V. Объ измѣненіи въ дѣйствующемъ положеніи о сѣздахъ представителей промышленности и торговли и VI. Новыя узаконенія, касающіяся торговаго мореплаванія.

СПБ. 1911 г. Стр. 51. Цѣна 30 коп. При покупкѣ „УСТАВА ТОРГОВАГО“, дополненіе—**бесплатно.**

Андреевскій, С. Защитительныя рѣчи. 1909 г. Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Балабановъ, М. Фабричныя законы. 1909 г. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

✻ **Валишевскій, К.** Первые Романовы. 1911 г. Ц. 3 р.

Войтинскій, В. Заработная плата. 1910 г. Ц. 60 к.

I. Стачка и рабочій договоръ. 1910 г. Ц. 50 к.

„Вѣстникъ Европы“. Іюль 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жеребцовъ, В. Предварительное слѣдствіе. 1911 г. 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Змирловъ, К. Общій уставъ Рос. дор. 1911 г. Ц. 6 р. 50 к. въ пер.

Канторовичъ, Я. Авторское право. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Максимовъ, В. Законы о товариществахъ. 1911 г. Ц. 4 р.

Нольде, Б. бар. Очерки русск. госуд. права. 1911 г. Ц. 3 р.

Нолькенъ, А. бар. Законы о вознагражденіи за увѣчья и смерть въ промышл. завед. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

Побѣдинскій, Г. Гражд. Судопроизв. въ окр. судахъ. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

„Современный Міръ“. Іюнь 1911 г. Ц. 85 к.

✻ **Туганъ Барановскій, М.** Основы политич. экономіи. 1911 г. Ц. 2 р. 75 к., въ перепл. 3 р.

Шимановскій, Н. Охрана лѣса. Ц. 80 к.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1911 г.

93417

№ 26.

Воскресенье 3 Юля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, І. В. Гессена, профессоръ А. А. Жижиленко и А. Н. Каминка, В. Д. Набокова, профессоръ бар. Б. Э. Нольде, М. Я. Перамента и Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Акты 10 декабря и 11 января съ юридической точки зрѣнія. Э. Понтовичъ. 2) Оскорбленіе чести съ точки зрѣнія сравнительнаго законодательства. Е. Кулишеръ. 3) Залогъ движимости. А. Гойхбаргъ. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) С.-Петербургскій окружный судъ. (Дѣло о подлогѣ духовнаго завѣщанія). б) Одесская судебная палата. (Дѣло о призывѣ къ студенческой забастовкѣ). 6) Хроника. 7) Библиографія: И. А. Горбачевъ. Товарищества полныя, на вѣрѣ, кредитныя, ссудо-сберегательныя, трудовыя и съ переменнымъ капиталомъ, акціонерныя и паевыя компаніи. Законъ и практика. А. К. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1911 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ рассылаются 7-й и 8-й листы рѣш. гражд. касс. деп. за 1910 г. (бесплатное приложеніе).

Акты 10 декабря и 11 января съ юридической точки зрѣнія.

10 декабря минувшаго и 11 января текущаго года совѣтомъ министровъ были вынесены постановленія, сыгравшія огромную роль въ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Значеніе этихъ постановленій далеко, однако, не исчерпывается ихъ непосредственными «бытовыми» послѣдствіями. Являясь нарушеніемъ основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 года, Высочайшаго указа 27 августа 1905 года и Высочайше утвержденнаго положенія совѣта министровъ 11 юня 1907 года, упомянутые акты даютъ въ высшей степени интересный и важный матеріалъ для оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія юридической. Посильный анализъ ихъ съ этой точки зрѣнія и составляетъ предметъ настоящей работы.

I.

«...Озабочиваясь скорѣйшимъ возобновленіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ правильныхъ занятій,—гласило правительственное сообщеніе о постановленіи 10 декабря,—совѣтъ министровъ на основаніи ст. 158 учр. мин. (св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1892 г. и по

продолж.) призналъ необходимымъ поручить главнымъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ, независимо отъ общеустановленной отвѣтственности отдѣльных лицъ изъ среды учащихъ за учиненные ими преступленія и проступки, безотлагательно распорядиться исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній тѣхъ изъ нихъ, которые... обнаружили упорное нежеланіе подчиняться закону и установленнымъ для учебныхъ заведеній правиламъ».

Какъ видимъ, журнальное постановленіе совѣта министровъ объ исключеніи опредѣленныхъ категорій студентовъ изъ учебныхъ заведеній основывается на ст. 158 учрежд. мин. Статья эта въ кодификаціонномъ изд. 1892 г. гласила: «въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, требующихъ высшаго разрѣшенія, когда не можетъ оно быть отлагемо безъ важнаго вреда или государственнаго ущерба, министры уполномочиваются дѣйствовать всѣми ввѣренными имъ способами, не ожидая сего разрѣшенія; но они обязаны доносить въ то же время о принятыхъ ими мѣрахъ и о причинахъ ихъ настоятельности».

Обращаясь къ юридической оцѣнкѣ приведеннаго правительственнаго акта, необходимо, прежде всего, отмѣтить, что въ настоящее время трудно найти

юриста, который бы считалъ нашъ «сводъ законовъ» закономъ въ общеустановленномъ смыслѣ этого слова. И въ литературѣ и въ судебной практикѣ теперь уже окончательно утвердилось (да и не могло не утвердиться) то мнѣніе, что для признанія за опредѣленнымъ положеніемъ силы закона далеко не достаточна ссылка на фактъ нахождения его въ сводѣ¹⁾. Поэтому и намъ, примѣнительно къ данному случаю, позволительно провѣрить, сохранила ли ст. 158 силу закона, не отмѣнена ли она позднѣйшими узаконеніями согласно правилу «*lex posterior derogat priori*», имѣлъ ли дѣйствительно совѣтъ министровъ юридическое основаніе ссылаться на упомянутую статью.

158 статья сохранилась въ нашей сводѣ вплоть до послѣдняго кодификаціоннаго изданія 1909 года, будучи взятой въ первое его изданіе изъ составленныхъ М. М. Сперанскимъ учрежденій министерствъ 25 іюня 1811 года. Несмотря, однако, на столь давнее свое происхожденіе, она не получила въ русской юридической литературѣ надлежащаго, соответствующаго ея значенію, освѣщенія. Наши писатели по вопросамъ государственнаго и административнаго права касались названной статьи по большей части лишь мимоходомъ. Проф. Коркуновъ²⁾ ограничивается по отношенію къ статьѣ 158 замѣчаніемъ, что этою статьею предоставлялись министрамъ «особенныя полномочія». Проф. Лазаревскій³⁾ не распространяется дальше совершенно, по нашему мнѣнію, правильнаго указанія, что 158 ст. сообщала власти министровъ «до нѣкоторой степени надзаконный характеръ». Необходимость болѣе точной квалификаціи юридическаго содержанія цитированной статьи не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію.

На нашъ взглядъ, текстъ статьи 158, при всей его неуклюжести, упрека въ неясности или неопредѣленности не заслуживаетъ. Въ опредѣленномъ рода случаяхъ (чрезвычайныя обстоятельства) министры уполномочиваются дѣйствовать, не ожидая «высшаго разрѣшенія». Подъ этимъ «высшимъ разрѣшеніемъ» нужно, разумѣется, понимать не что иное, какъ разрѣшеніе закона, который при нашемъ старомъ государственномъ порядкѣ сводился къ простому волеизъявленію Монарха.

Нельзя, такимъ образомъ, не придти къ заключенію, что 158 ст. вмѣстѣ со своими сосѣдками по учр. мин. (ст.ст. 210, 213, 314) предоставляла органамъ подчиненнаго управленія, министрамъ, право изданія чрезвычайныхъ

указовъ⁴⁾, т. е. указовъ, которыми въ порядкѣ не законодательства, а управленія создается норма, обладающая временной силой закона.

Не приходится, разумѣется, говорить о томъ, что въ нашемъ государственномъ строѣ эпохи до 27 апрѣля 1906 года правомъ изданія чрезвычайныхъ указовъ могъ быть надѣленъ Монархъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое бы опредѣленіе понятія закона въ дореформенномъ періодѣ русской исторіи ни признать правильнымъ, — мнѣніе ли Градовскаго, считавшаго существеннымъ признакомъ закона подпись Государя, или мнѣніе Коркунова, заявлявшаго, что «отличительнымъ признакомъ закона служить у насъ предварительное обсужденіе въ государственномъ совѣтѣ»⁵⁾, Энгельмана⁶⁾, принявшаго извѣстное официальное опредѣленіе закона (правила 5 ноября 1885 года), Лазаревскаго⁷⁾, признающаго необходимымъ признакомъ закона Высочайшее утвержденіе, или, наконецъ, Романовича-Словатинскаго, Ренненкампафа, Мейера, Алексѣева и др., всякое послѣніе Государя разсматривавшихъ какъ законъ, — къ какому бы, говоримъ, изъ этихъ разнообразныхъ мнѣній ни присоединиться⁸⁾, несомнѣнно одно: при старомъ порядкѣ вся полнота законодательной и административной власти сосредоточивалась въ рукахъ одного лица — Монарха. Согласно ст. 70 старыхъ основныхъ законовъ, Высочайшій указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой-либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ. Такимъ образомъ, воля Монарха во всѣхъ случаяхъ ея проявленія могла отмѣнять законъ. Не вызываетъ, поэтому, никакого сомнѣнія то положеніе, что предоставленіе въ доконституціонную эпоху Монарху особымъ постановленіемъ закона права издавать чрезвычайные указы стало бы въ непримиримое противорѣчіе съ цитированной сейчасъ ст. 70 осн. зак., изд. 1892 года.

Но если при дореформенномъ порядкѣ Государь не нуждался въ правѣ издавать чрезвычайные указы, то въ немъ нуждались министры. На этотъ счетъ и существовала среди ряда другихъ статья 158 учред. минист., предоставлявшая министрамъ право въ чрезвычайныхъ случаяхъ поступать по своему усмотрѣнію, не сообразуясь съ закономъ и не испрашивая акта, могущаго «по сему именно дѣлу или роду дѣлъ» отмѣнить законъ. Сохранились ли, однако, за министрами такіе «особенныя полномочія» и нынѣ, при существованіи новыхъ основныхъ законовъ, въ корнѣ измѣнившихъ нашъ старый строй? Двухъ отвѣ-

¹⁾ См. объ этомъ: Коркуновъ, «Значеніе свода законовъ», Журналъ Мин. Нар. Просв., 1894 г., сент.; Лозинко-Лозинскій, «Кодификація законовъ по русск. гос. праву», Ж. М. Юст., 1897 г., №№ 4 и 5; Лазаревскій, «Законъ и сводъ», Право, 1899 г., стр. 1681; Каминка, «Право», 1908 г., № 1. Остальная литература о кодификаціи указана въ статьѣ у Э. Понтовича, «Основные законы и кодификація», Русская Мысль, 1910 г., июль.

²⁾ Русское государственное право, т. II, стр. 253, изд. 1903 года.

³⁾ «Лекція по русскому государств. праву», т. II, стр. 161, изд. 1910 г.

⁴⁾ По поводу употребленія термина «указъ» въ отношеніи къ полномочіямъ министровъ см. Коркуновъ, «Указъ и законъ», 1894 г., предисловіе, а также В. М. Гессенъ, «Лекціи по полиц. праву», вып. I, 1908 г., стр. 28 и слѣд.

⁵⁾ «Указъ и законъ», стр. 327. То же въ Русск. Госуд. Правѣ.

⁶⁾ У Marquardsen'a: «Das Staatsrecht des Kaiserth. Russland», 1889 г., стр. 145.

⁷⁾ «Лекція», т. I, стр. 409.

⁸⁾ См. по этому вопросу замѣчанія Г. Б-та, Журналъ Минист. Юстиціи, №№ 1—2.

товъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, быть не можетъ.

Насколько мало матеріала для разграниченія между собой актовъ законодательства и актовъ управленія давалось въ основныхъ законахъ изд. 1892 года, настолько же категоричны и опредѣленны въ этомъ отношеніи постановленія основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 г. «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ» (ст. 84). «Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія государственнаго совѣта и государственной думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора» (ст. 86). «Законъ не можетъ быть отмененъ иначе, какъ только силою закона. Посему, доколѣ новымъ закономъ положительно не отмененъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу» (ст. 94). «Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, въ соотвѣтствіи съ законами, указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ» (ст. 11). Такимъ образомъ, указы Монарха въполнѣ подчинены нынѣ закону; они не могутъ находиться съ нимъ въ несоотвѣтствіи или—тѣмъ болѣе—противорѣчіи. Правда, въ чрезвычайныхъ случаяхъ Государь Императоръ можетъ принять представленную ему совѣтомъ министровъ мѣру, вообще требующую «обсужденія въ порядкѣ законодательномъ», но эти случаи, составляя исключеніе изъ общаго правила, точно обозначены въ законѣ (ст. 87).

Но коль скоро указная дѣятельность органа верховнаго управленія—Монарха,—въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ ст. 11, подчинена въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ закону, коль скоро право изданія Монархомъ чрезвычайныхъ указовъ ограничивается нынѣ случаями, особо предусмотрѣнными ст. 87, то едва ли у кого можетъ явиться сомнѣніе въ томъ, что новыми основными законами уничтожено право органовъ управленія подчиненнаго—министровъ—издавать чрезвычайные указы, о которыхъ говоритъ 158 и другія упомянутыя нами выше, статьи. Въ статьѣ 122 зак. осн., къ тому же, съ полной категоричностью устанавливается: «обязательныя постановленія, инструкціи и распоряженія, издаваемыя совѣтомъ министровъ, министрами и главноуправляющими, а также другими, на то закономъ уполномоченными установленіями, не должны противорѣчить законамъ». Нельзя, слѣдовательно, не признать, что основные законы 23 апрѣля 1906 года, какъ законы позднѣйшіе, сравнительно съ учрежденіями министерствъ 25 іюня 1811 года, своими постановленіями отменили ст. 158, 210 и друг., и эти статьи находятся нынѣ въ сводѣ лишь по недоразумѣнію¹⁾. Отсюда же въ свою очередь

съ полною несомнѣнностью вытекаетъ то положеніе, что совѣтъ министровъ, основываясь въ своемъ постановленіи отъ 10 декабря на ст. 158, основывался на отмененномъ законѣ.

Мы настаиваемъ на этомъ выводѣ независимо отъ того, въ какомъ смыслѣ можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о законности или незаконности упомянутыхъ постановленій по ихъ содержанію¹⁾. Мы не можемъ не сказать, вслѣдъ за проф. В. М. Гессеномъ²⁾, что «категорическое констатированіе существа нашего государственнаго строя, его догматическая (а не политическая) конструкція, является величайшей потребностью переживаемой нами эпохи». Съ той же точки зрѣнія пріобрѣтаетъ весьма большое, на нашъ взглядъ, значеніе установленіе того положенія, что право изданія органами управленія подчиненнаго чрезвычайныхъ указовъ находится въ полной дисгармоніи съ основными принципами акта 23 апрѣля 1906 года, что, слѣдовательно, статьи 158, 210, 213 и 314 учр. мин. должны быть, въ устраненіе возможныхъ неправильностей толкованія законовъ, исключены изъ свода.

II.

Какъ видимъ, ссылка на 158 статью въ настоящее время не можетъ быть ни въ какой мѣрѣ признана юридически терпимой. Но предположимъ, что ссылка эта допущена случайно, ошибочно. Удовлетворяетъ ли постановленіе совѣта министровъ отъ 10 декабря требованіямъ закона по своему содержанію?

Для того, чтобы такъ или иначе отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо предварительно очертить хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ общее правовое положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Какъ извѣстно, уставомъ 23 августа 1884 года наши университеты и другія высшія учебныя заведенія были лишены тѣхъ правъ самоуправленія, которыми они пользовались прежде. Согласно ст. 404, т. XI, ч. 1 свода законовъ, изд. 1893 г., «каждый университетъ, состоя подъ главнымъ вѣдѣніемъ ми-

нѣмъ лишаящее ихъ всякаго содержанія. Наряду съ этимъ ст. 209 учр. мин., по которой не считалось «превышеніемъ власти, когда министръ особенно на какой-либо случай былъ верховной властью уполномоченъ», въ согласіи со ст. 11 зак. осн. совершенно справедливо исключена изъ свода; соотвѣтствующая же 209, статья 340 улож. о наказ. по непостижимому основанію опять таки сохраниена въ сводѣ. Вообще послѣднія кодификаціонныя изданія—море несообразностей. См. объ этомъ: I. В. Гессенъ, «Право», 1909 г., № 9, и Э. Понтовичъ, «Русская Мысль», 1910 г., июль.

¹⁾ Думская комиссія по запросамъ въ своемъ докладѣ № 274 полагаетъ, наоборотъ, что постановленія, изданныя въ порядкѣ 158 ст., будутъ законны, если они по своему содержанію не противорѣчатъ законамъ. «Само собой разумѣется», говорится въ докладѣ комиссіи, «что подобныя чрезвычайныя постановленія министровъ должны быть подзаконными». При такомъ взглядѣ понятіе чрезвычайныхъ постановленій лишается, несомнѣнно, всякаго содержанія. Такую же ошибку допускаетъ и проф. А. И. Елистратовъ, «Учебникъ русскаго администр. права», вып. II, 1911 г., стр. 114.

²⁾ «Запросъ о ст. 96 съ юридической точки зрѣнія», «Русская Мысль», 1910 г., июнь.

¹⁾ Нужно, однако, замѣтить, что отдѣленіе свода законовъ госуд. канцеляріи, повидимому, почувствовало всю несообразность сохраненія въ сводѣ упомянутыхъ статей, почему въ продолженіи 1906 года къ нимъ было пристегнуто примѣчаніе, приводящее цѣликомъ цитированную нами ст. 122 зак. осн. и

министра народного просвещения, вверяется начальству попечителя мѣстнаго учебнаго округа». «Непосредственное управленіе университетомъ принадлежитъ ректору, при участіи въ подлежащихъ случаяхъ: 1) совѣта; 2) правленія; 3) собраній и декановъ факультетовъ и 4) инспектора студентовъ съ его помощниками» (ст. 405). «На попечителя лежитъ обязанность высшаго руководства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ... Въ случаяхъ чрезвычайныхъ попечитель принимаетъ всѣ необходимыя для порядка мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть, немедленно доводя о сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, до свѣдѣнія министра народного просвещения» (ст. 408). Такимъ образомъ, въ «чрезвычайныхъ случаяхъ» распоряженія попечителя могли идти вразрѣзъ съ требованіями закона. Статьею 417 такое же право предоставляется и ректору университета.

«Ректоръ избирается министромъ народного просвещения изъ ординарныхъ профессоровъ университета и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года» (ст. 410). Вѣдомство совѣта ограничивается дѣлами учебнаго характера (ст. 430) и предварительнымъ обсужденіемъ проектовъ: инструкцій для инспекціи надъ студентами, а также правилъ: о приѣмѣ студентовъ въ университетъ, допущеніи въ него постороннихъ слушателей, объ обязанностяхъ учащихся, порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ ими въ университетскихъ зданіяхъ, о взысканіяхъ за нарушенія этихъ обязанностей и порядка (п. 13 ст. 430). Къ вѣдомству правленія уставомъ 1884 года отнесены дѣла по управленію хозяйственными и финансовыми частями (ст. 441 и сл.), а также «дѣла о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей, о переходѣ студентовъ изъ одного факультета или университета въ другой и объ увольненіи изъ университета, разрѣшаемыя на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ министромъ народного просвещения» (п. 6 ст. 441), и «разбирательство по студенческимъ дѣламъ, равно какъ наложеніе взысканій на виновныхъ въ порядкѣ, опредѣленномъ статьями 524 и 525» (п. 7 ст. 441).

Вся эта система въ корнѣ своемъ измѣняется именнымъ Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г., въ категорическихъ выраженіяхъ постановившимъ: «Въ университетахъ совѣту и факультетамъ предоставляется избирать: первому—ректора, вторымъ—декана и секретарей факультетовъ»... (§ 1). «Заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ возлагаются на обязанность и отвѣтственность совѣта. Въ этихъ видахъ: а) совѣту предоставляется принимать соотвѣтственные мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или черезъ избранную для сей цѣли комиссію; б) въ томъ случаѣ, если, несмотря на принятые мѣры, въ университетѣ произойдутъ нарушающіе правильное теченіе академической жизни безпорядки, совѣту предоставляется ходатайствовать о пріостановленіи занятій, вполнѣ или частію, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; в) начальство надъ инспекціей вверяется ректору, который о поддержаніи въ

университетѣ порядка и о надлежащихъ въ семъ смыслѣ указаніяхъ инспектору предлагаетъ, если сочтетъ это необходимымъ, на обсужденіе совѣта или избранной послѣднимъ комиссіи; г) разбирательство по студенческимъ дѣламъ вверяется профессорскому дисциплинарному суду на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 24 августа 1902 г. правилъ» (§ 2).

10 декабря 1905 года приведенныя правила были именнымъ указомъ распространены и на учебныя заведенія, не относящіяся къ вѣдомству министерства народного просвещения.

Такимъ образомъ, 27 августа 1905 года утратили всю свою силу два основныхъ положенія устава 1884 г.: принципъ назначенія должностныхъ лицъ былъ замѣненъ принципомъ ихъ выборности; принципъ широкихъ полномочій министра, попечителя и ректора уступилъ свое мѣсто принципу автономности совѣтовъ въ дѣлѣ «поддержанія правильнаго хода учебной жизни».

Предѣлы этой автономности ограничиваются цитированнымъ п. «б» § 2, предоставляющимъ совѣтамъ «ходатайствовать о пріостановленіи занятій», и тѣмъ лишающимъ ихъ права пріостанавливать занятія собственной властію, а равно и пунктомъ «г» того же параграфа, вверяющимъ «разбирательство по студенческимъ дѣламъ» профессорскому дисциплинарному суду. Въ остальномъ же, не выходящемъ за указанные въ законѣ предѣлы, правила 27 августа предоставляютъ совѣтамъ въ дѣлѣ поддержанія правильнаго хода учебной жизни вполнѣ дискреціонныя, на нашъ взглядъ, полномочія.

Послѣ ряда извѣстныхъ столкновеній университетскихъ совѣтовъ съ министерств. правила 27 авг. получаютъ свое толкованіе въ указѣ сен. 27 ноября 1908 г.

Интерпретируя § 2 временныхъ правилъ 27 августа, сенатъ, прежде всего, находитъ, что, уполномочивая совѣты университетовъ принимать соотвѣтственные мѣры для поддержанія правильнаго хода учебной жизни, Высочайшій указъ 27 августа 1905 г., очевидно (!), могъ имѣть въ виду только мѣропріятія, которыя основываются на существующихъ законахъ или изданныхъ въ развитіе сихъ послѣднихъ, въ установленномъ въ отдѣлѣ III п. 13 ст. 430, т. XI ч. 1 св. зак. изд. 1893 г. порядкѣ, правилахъ¹⁾, такъ какъ въ указѣ 27 августа 1905 г. не содержится какихъ-либо постановленій о предоставленіи совѣтамъ университетовъ права устанавливать новыя, непредусмотрѣнныя въ законѣ нормы учебной жизни».

«Насовѣты университетовъ,—продолжаетъ указъ,—возлагается поддержаніе правильнаго хода учебной жизни посредствомъ примѣненія дѣйствующихъ законовъ и правилъ, подъ ихъ отвѣтственностью, въ томъ случаѣ, если бы правильный ходъ учебной жизни былъ нарушенъ вслѣдствіе непринятія совѣтомъ надлежащихъ мѣръ въ предѣлахъ, означенными законами и правилами опредѣленныхъ».

¹⁾ Изъ предыдущаго изложенія читатель знаетъ, что п. 13 ст. 430 относитъ къ вѣдѣнію совѣтовъ

Насколько приведенное рѣшеніе сената юридически несостоятельно, видно уже изъ одного того, что если стать на его точку зрѣнія, то дѣлается непонятнымъ, о примѣненіи какихъ законовъ и правилъ съ цѣлью поддержанія правильного хода учебной жизни могутъ подѣ угрозой отвѣтственности заботиться совѣты профессоровъ? Развѣ только о примѣненіи уже не одинъ разъ нами упомянутого пункта «б» § 2 прав. 27 августа? Но пунктъ этотъ начинается словами: «въ томъ случаѣ, если, несмотря на принятыя совѣтомъ мѣры, въ университетѣ произойдутъ... безпорядки совѣту предоставляется ходатайствовать о приостановленіи занятій». Очевидно, кромѣ и предварительнаго ходатайствованія о приостановленіи занятій, совѣтомъ могутъ быть приняты еще какія-то мѣры. Такъ неужели законъ разумѣетъ подѣ ними предусмотрѣнное п. 13 ст. 430 «предварительное обсужденіе проектовъ» различныхъ инструкцій?..

Ясно, что при такой его интерпретаціи § 2 прав. 27 августа теряетъ всякій смыслъ и значеніе.

Но правит. сенатъ проводитъ развѣ принятую имъ точку зрѣнія послѣдовательно до конца. Онъ указываетъ, далѣе, также и на то, что «§ 2 указа 27 августа 1905 года не ограничиваетъ правъ министра народнаго просвѣщенія въ отношеніи университетовъ, принадлежащихъ ему, какъ по уставу ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, т. XI, ч. I св. зак., изд. 1893 г., такъ и въ силу общихъ постановленій, опредѣляющихъ власть министра по отношенію къ учрежденіямъ и мѣстамъ, ему подчиненнымъ, заключающихся въ учр. мин., т. I, ч. 2 св. зак., изд. 1892 г.». Э. Понтовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Оскорбленіе чести съ точки зрѣнія сравнительнаго законодательства.

Настоящей статьѣ дано заглавіе по аналогіи съ заглавіями ранѣе уже появившихся на страницахъ «Правъ» статей, задача которыхъ—какъ и этой статьи—ознакомить читателя съ новѣйшей литературой даннаго вопроса и, прежде всего, съ матеріаломъ, содержащимся въ новомъ монументальномъ трудѣ германской науки—«Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts». Не можемъ, однако, не признать, что въ области оскорбленій чести собственно сравнительно-правовой матеріалъ представляетъ второстепенное значеніе. Ибо наибольшее значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшую трудность представляетъ въ этой области опредѣленіе того блага—честь, прогнѣвъ котораго направляются различные виды оскорбленія. Между тѣмъ законодательства такого опредѣленія не даютъ,

профессоровъ предварительное обсужденіе проектовъ инструкцій для инспекціи надѣ студентами и проч.

обходя въ своихъ постановленіяхъ часто даже самое слово «честь». Но именно въ этомъ пунктѣ новѣйшія попытки описать кругъ явленій, входящихъ въ понятіе чести, представляютъ много интереснаго. Мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе кильскаго проф. Липмана, помѣщенное въ четвертомъ томѣ «Vergleichende Darstellung»¹⁾, и монографію томскаго профессора Розина «Объ оскорбленіи чести»—двѣ чрезвычайно интересныя и оригинальныя работы.

Отмѣчая большое разнообразіе въ томъ, что принято включать въ понятіе чести разныхъ лицъ (въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, пола, профессіи), Липманъ указываетъ, что это разнообразіе перестаетъ быть загадочнымъ, если принять во вниманіе, что къ инвентарю чьей-либо чести мы относимъ тѣ свойства, которыя считаются необходимыми для выполненія имъ лежащихъ на немъ специальныхъ функций. Эта зависимость понятія чести отъ специальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ данной категоріи лицъ, опредѣляетъ собою еще другое отличіе оцѣниванія чести отъ нравственной оцѣнки. Здѣсь имѣютъ значеніе не только помыслы и желанія даннаго лица, но и его способности. «Тотъ, кто хорошій человекъ, но плохой музыкантъ, сохраняетъ, конечно, право на уваженіе въ качествѣ человека, но онъ не можетъ имѣть притязаній на честь музыканта. Кастратъ или импотентъ не имѣютъ качествъ, необходимыхъ для проявленія «мужественности», и поэтому, хотя они и обладаютъ честью, но не тою специальной мужскою честью, которая связана со свойствами мужчины, какъ субъекта половыхъ отношеній».

Но наряду съ указанными специальными задачами, у насъ существуетъ представленіе объ общей всѣмъ людямъ задачѣ, и въ связи съ этимъ—объ общечеловѣческой чести. Согласно современнымъ воззрѣніямъ, «каждый человекъ, не только по принадлежности къ опредѣленной соціальной группѣ, не только какъ половой субъектъ, не только въ связи со своей профессіей, но и какъ человекъ, имѣетъ свою специфическую цѣнность: все, что носитъ обликъ человѣческой, можетъ притязать на честь въ этомъ смыслѣ». Общую же всѣмъ людямъ задачу (которая и создаетъ представленіе объ общечеловѣческой цѣнности) Липманъ усматриваетъ въ осуществленіи нравственныхъ требованій. «Быть человекомъ значитъ (съ точки зрѣнія идеи общечеловѣческой чести) имѣть нравственныя обязанности, и на эту-то человѣческую цѣнность посягаетъ тотъ, кто приписываетъ другому дурныя этическія свойства—нарушеніе долга, лежащаго на немъ не въ качествѣ чиновника или т. п., а въ качествѣ человека».

Наконецъ, третью квалификацію чести усматриваетъ Липманъ въ чести культурнаго человека. Пред-

1) «Einfache Beleidigung». Bearbeitet von Prof. Dr. Liermann, Kiel.—Отдѣлъ оскорбленій чести разработанъ въ «Vergleichende Darstellung» совмѣстно Липманомъ, которому принадлежитъ названная статья объ обидѣ, и Лиленталемъ, рассматривающимъ клевету и диффамацию. Но Лиленталь не касается вопроса объ опредѣленіи понятія чести, вполне присоединяясь (стр. 393, прим.) 10, въ этомъ отношеніи къ мнѣнію Липмана.

ставляя собою отпрыскъ идеи общечеловѣческой цѣнности, этотъ видъ чести пріобрѣтаетъ все же самостоятельное значеніе въ связи съ предъявляемымъ именно культурой требованіемъ подчиненія другихъ сторонъ человѣка духовно-интеллектуальнымъ цѣлямъ; честь культурнаго человѣка и состоитъ въ обладаніи необходимыми для сего специальными качествами.

Такимъ образомъ Липманъ опредѣляетъ честь какъ совокупность качествъ, необходимыхъ для осуществленія даннымъ человѣкомъ лежащихъ на немъ специфическихъ обязанностей, и различаетъ специфическую цѣнность человѣка какъ полового субъекта — половую честь, его цѣнность для оборота въ обществѣ (*Verkehrswert in der Gesellschaft*), профессионально-сословную честь, его неотъемлемую человѣческую цѣнность — общечеловѣческую честь, наконецъ, его цѣнность на службѣ культурѣ — честь личности.

Какимъ же образомъ можетъ эта честь, въ смыслѣ совокупности опредѣленныхъ качествъ, стать объектомъ посягательства со стороны третьихъ лицъ? Согласно общепризанному взгляду изображаетъ и Липманъ въ качествѣ такого объекта не самую совокупность указанныхъ качествъ, а ихъ отраженіе въ психикѣ человѣка. Но заслуга автора заключается въ точномъ указаніи этихъ рефлексовъ и строгомъ разграниченіи двухъ совершенно различныхъ формъ ихъ.

Качества человѣка, объединяемые понятіемъ его чести, указываетъ Липманъ, производятъ двоякія послѣдствія: «они опредѣляютъ оцѣнку со стороны другихъ и одновременно отражаются въ собственномъ сознаніи даннаго лица. Вѣрность мужчины, стыдливость женщины представляютъ собою не одни лишь качества, они не только имѣютъ цѣнность, но и придаютъ намъ цѣну какъ въ чужомъ сознаніи, такъ и въ нашемъ собственномъ. Сообразно этому Липманъ различаетъ во-1-хъ, честь — какъ достоинство въ чужомъ сужденіи, и во-2-хъ, честь — какъ чувство собственного достоинства.

Сообразно этому и посягательство на нашу честь можетъ заключаться либо въ неблагоприятномъ вліяніи на сужденіе другихъ о нашей специфической цѣнности, либо въ болѣзненномъ нарушеніи того представленія, которое мы сами имѣемъ о нашей цѣнности. Отсюда два строго различныхъ преступленія противъ чести: во-1-хъ, посягательство на репутацию (*Rufgefährdung*): «противоправное дѣяніе, способное унижить человѣка въ мнѣніи другихъ лицъ», и во-2-хъ, обида (*Ehrenkränkung*): «противоправное обхожденіе съ человѣкомъ, способное выразить ему самому презрѣніе».

Достоинства изложенной ясно и послѣдовательно системы очевидны какъ въ отношеніи опредѣленія понятія чести, такъ и въ отношеніи строгого разграниченія двухъ доступныхъ посягательству формъ ея проявленія и, въ связи съ этимъ, двухъ видовъ преступленій противъ чести. Что касается прежде всего опредѣленія понятія чести въ связи съ предъявленными къ данному лицу требованіями, то такое опредѣленіе, кажется намъ, болѣе, чѣмъ какое-либо

другое, стремится приблизиться къ житейскому понятію чести. Такъ, напр., ему совершенно чуждо проповѣдуемое нѣкоторыми теоріями ограниченіе понятія чести областью нравственныхъ качествъ, между тѣмъ какъ жизнь несомнѣнно относитъ сюда и интеллектуальныя качества: къ какимъ хитроумнымъ конструкціямъ приходится прибѣгать теоріи нравственной природы чести для того, чтобъ выяснитъ такую простую вещь, какъ оскорбительность слова «оселъ». Очень хорошо справляется конструкція Липмана также съ зависимостью наличности или отсутствія клеветы отъ той среды, въ которой распространяется отзывъ. «Отзывъ позоритъ репутацию человѣка, если онъ вызываетъ у постороннихъ сомнѣніе въ томъ, обладаетъ ли данное лицо качествами, необходимыми для осуществленія его специфическихъ задачъ. Сюда относятся не только возрѣнія, но, быть можетъ въ еще большей мѣрѣ, способности даннаго лица, однако лишь тѣ, которыя опредѣляютъ его цѣнность, которыя имѣютъ существенное значеніе для его оцѣнки. Но репутацию человѣка создаетъ тотъ кругъ, въ которомъ онъ живетъ, для котораго предназначенъ онъ проявлять свою дѣятельность, а не возрѣнія того, кто о немъ судитъ, ни людей вдали отъ него стоящихъ, ни, наконецъ, того, о комъ судятъ. Поэтому приписывающій чиновнику агитаторски-анархическія склонности не можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ считаетъ анархизмъ основательнымъ и цѣннымъ. Рассказывающій объ офицерѣ вещи, которыя считаются въ этомъ кругу правильными, не долженъ — даже послѣ отмычки дуэли — бояться обвиненія въ опозореніи, хотя бы такое утвержденіе и вызвало глубокое возмущеніе въ строго-набожной средѣ. Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, коль скоро тотъ же рассказъ дѣлаютъ публичнымъ достояніемъ. Ибо въ этомъ заключается апелліція къ сужденію всего социальнаго единенія, членомъ коего остается, вѣдь, и офицеръ, а потому значеніе рассказа для репутации потерпѣвшаго будетъ въ этомъ случаѣ опредѣляться уже возрѣніями всего социальнаго цѣлага, а не отдѣльнаго сословнаго кружка».

Не менѣе цѣннымъ представляется намъ строгое различіе, проводимое Липманомъ между тою «честью», которая затрагивается опозореніемъ, и тою «честью», которую задѣваетъ обида. Здѣсь нѣтъ въ сущности двойственности; основа и у Липмана едина: честь, какъ совокупность опредѣленныхъ качествъ. Но тѣ отраженія этой основной чести, противъ которой направляется оскорбленіе, совершенно различны: въ одномъ случаѣ — объективный фактъ репутации, въ другомъ — субъективное чувство чести обиженнаго. Правда, авторъ самъ нѣсколько затуманиваетъ проводимую имъ грань, утверждая, будто въ каждомъ униженіи (*Missachtung*) должно содержаться «прямо высказанное или явствующее изъ обхожденія утвержденіе, что у потерпѣвшаго отсутствуютъ тѣ качества, которыя необходимы для осуществленія его специфическихъ задачъ, или что ему присущи качества, которыя несовмѣстимы съ осуществленіемъ этихъ задачъ». Такое толкованіе смысла всякой обиды представляется намъ произвольнымъ. Пользуясь Липмановымъ опредѣленіемъ чести, можно ска-

зять, что обидчик не считается съ социально-необходимыми качествами обиженного, но нельзя сказать, что онъ, также какъ и клеветникъ, неизмѣнно отрицаетъ, наличность этихъ качествъ. Тотъ, кто рассказываетъ про даму, что она ведетъ себя какъ кокетка, отрицаетъ у опозоренной наличность определенныхъ качествъ изъ области половой нравственности; но тотъ, кто обращается съ дамой, какъ съ кокеткой, повсе этимъ не отрицаетъ у нея наличность такихъ качествъ, а лишь не считается съ ними.

Но, за исключеніемъ отмѣченного отступленія, Липманъ повсюду выдвигаетъ различіе объектовъ посягательства при опозореніи и при обидѣ и неизмѣнно дѣлаетъ вытекающіе отсюда выводы. Такъ, по вопросу объ оскорбленіи дѣтей и умалишенныхъ онъ указываетъ, что специально обида, входящая въ кругъ преступленій противъ чувствъ, требуетъ, чтобъ она способна была задѣть чувство обиженного. Правда, дѣяніе остается обидой и въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій игнорируетъ ее или смѣется надъ ней, коль скоро это дѣяніе обладаетъ объективно необходимыми для обидности свойствами; но одно изъ этихъ свойствъ именно въ томъ, чтобъ потерпѣвшій могъ понять обиду. Поэтому дѣти и умалишенные могутъ, по мнѣнію Липмана, понести обиду лишь постольку, поскольку они обладаютъ разумѣніемъ, требующимся для пониманія смысла направленного противъ нихъ дѣянія; обиды же, направленные противъ дѣтей и умалишенныхъ, совершенно не обладающихъ разумѣніемъ, могутъ наказываться лишь въ качествѣ посредственного оскорбленія родителей или другихъ близкихъ ¹⁾. Напротивъ того, Липманъ не усматриваетъ никакихъ препятствій для наказуемости сообщеній, позорящихъ репутацію тѣхъ же лицъ (ибо какъ люди они неизмѣнно могутъ обладать репутаціей).

То же различіе проводитъ Липманъ по вопросу объ оскорбленіи юридическихъ лицъ и вообще коллективныхъ единицъ. Отграничивая тѣ случаи, въ которыхъ подъ оскорбленіемъ группы скрывается оскорбленіе отдѣльнаго лица (для этого, необходимо чтобъ виновный имѣлъ субъективно это лицо въ виду и чтобъ объективно оно могло быть опознано), авторъ относительно настоящихъ случаевъ оскорбленія цѣлаго (а не образующихъ его индивидовъ)

¹⁾ Образующійся благодаря такой конструкціи практически важный пробѣлъ (безнаказанными остаются во-первыхъ, безправственные дѣйствія, учиненныя передъ дѣтьми, и во-вторыхъ, различные случаи возмутительнаго издѣвательства надъ умалишенными и дѣтьми въ отсутствіи ихъ близкихъ) Липманъ считаетъ необходимымъ заполнить особыми карательными постановленіями, которыя были бы направлены именно на огражденіе тѣхъ интересовъ, которые нарушаются указанными дѣяніями: въ первомъ случаѣ—нравственности, во второмъ—чувствъ постороннихъ лицъ. Онъ проектируетъ, во-первыхъ (по образцу норвежскаго уложенія), уголовную отвѣтственность за безстыдные дѣйствія, учиненныя хотя бы и не публично, но въ присутствіи ребенка моложе 16 лѣтъ, и, во-вторыхъ (аналогично постановленіямъ объ истязаніи животныхъ) уголовную отвѣтственность за такое издѣвательство надъ ребенкомъ или умалишеннымъ, которое объективно пригодно для того, чтобъ вызвать соблазнъ (Aergernis).

в лицъ соглашается съ тѣмъ, что объ обидѣ, какъ направляющейся противъ чувства чести, по отношенію къ нимъ не можетъ быть рѣчи. Но онъ убедительно настаиваетъ на томъ, что коллективы могутъ быть объектомъ опозоренія. «Ихъ рассматриваютъ какъ цѣлое, потому что въ качествѣ цѣлаго они имѣютъ определенныя функціи, функціи, приобретающія въ сужденіи постороннихъ самостоятельную специфическую цѣну, отличную отъ дѣятельности образующихъ данный коллективъ индивидовъ. Судебныя рѣшенія коллегіи, дѣйствія полка, доброкачественность коммерческаго предпріятія существенно, конечно, зависятъ отъ пригодности отдѣльныхъ членовъ, но сужденіе о цѣломъ несомнѣнно не зависитъ отъ сужденія объ отдѣльныхъ членахъ: авторитетъ цѣлаго не затрагивается недоброкачественностью отдѣльныхъ элементовъ, точно также какъ дурная слава цѣлаго не можетъ быть устранена выдающимися достоинствами отдѣльныхъ членовъ. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ существованіе специфической цѣнности, чести цѣлаго, независимой отъ чести отдѣльныхъ его членовъ». Для того, чтобъ коллективъ обладалъ такою коллективной честью, онъ не долженъ быть непременно юридическимъ лицомъ; достаточно (но и необходимо), чтобъ въ коллективѣ имѣлась организація, которая представляла бы осязательное проявленіе коллективной сферы, подлежащей отграниченію отъ сферы индивидуальной.

Предшествующее изложеніе въ достаточной, полагаемъ, мѣрѣ опровергаетъ сужденіе проф. Розина, относящаго теорію чести Липмана къ «сенсуалистическимъ» теоріямъ, «центральнымъ моментомъ» которыхъ «является моментъ оскорбленія чувствъ» ¹⁾. Напротивъ того, Липманъ—несомнѣнный противникъ этихъ недавно еще господствовавшихъ въ нѣмецкой литературѣ теорій, усматривающихъ сущность всякаго оскорбленія въ «причиненіи боли, страданія, скорби челоуѣку». Противникомъ этихъ теорій Липманъ является уже въ силу того, что (какъ въ другомъ мѣстѣ своей книги указываетъ и самъ Н. Н. Розинъ) элементъ оскорбленія чувства Липманъ считаетъ существеннымъ только при одномъ видѣ оскорбленія—при обидахъ; объектомъ же посягательства при опозореніи Липманъ совершенно такъ же, какъ и Н. Н. Розинъ, признаетъ не чувство чести, а репутацію опозореннаго.

Но въ отличіе отъ Липмана, проф. Розинъ на этомъ не останавливается. Онъ идетъ дальше и утверждаетъ, что вообще одна только репутація и должна явиться объектомъ уголовной охраны и что «право можетъ и должно совершенно игнорировать область субъективныхъ сознанія, чувства, воли и т. п. душевныхъ процессовъ индивида» ²⁾. «Единственная

¹⁾ Н. Н. Розинъ, «Объ оскорбленіи чести», 2 изд. 1910 г. стр. 26 и 32.

²⁾ Цитированная фраза взята нами изъ перваго изданія книги проф. Розина (1907 г., стр. 92). Но хотя она, какъ и нѣкоторыя другія рѣшительныя выраженія, исключена, повидимому, изъ втораго изданія,—все же точка зрѣнія автора и для втораго изданія вполне въ приведенныхъ словахъ устанавливается.

область, куда—по мнѣнію проф. Розина—право съ полнымъ основаніемъ можетъ и должно вѣшаться со своими обязательными нормами, воспреещающими и карающими оскорбленіе» — это «область дѣйствительно соціально-важнаго и цѣннаго блага внѣшней чести, какъ соціальнаго значенія индивида» (стр. 150). Опозореніе, «клевета и диффамация», являются поэтому для автора единственнымъ составомъ оскорбленія чести (стр. 151), простое же внѣшнее выраженіе неуваженія, обиду, онъ рекомендуетъ исключить «изъ группы дѣяній, квалифицируемыхъ правомъ, какъ оскорбленіе чести, и поискать другихъ путей реакціи противъ этого дѣянія» (стр. 146), перенеся центръ тяжести съ оскорбленія пострадавшаго на нарушеніе «объективнаго предписанія пристойнаго и согласнаго съ добрыми правами поведенія» (стр. 147).

Съ такимъ взглядомъ трудно согласиться. Совершенно независимо отъ выдвигаемаго авторомъ публичнаго момента непристойности, каждый изъ насъ желаетъ, не только, чтобы личная его неприкосновенность не нарушалась, но и чтобы разговаривали и вообще обращались съ нимъ «по-человѣчески». Такое желаніе вполне правомѣрно и имѣетъ всѣ основанія рассчитывать на помощь со стороны закона, въ особенности у насъ, гдѣ такъ важна поддержка всякаго проявленія чувства собственного достоинства. Правда, проф. Розинъ вполне основательно отмѣчалъ въ первомъ изданіи своей книги, что «достоинство человѣка наиболѣе ограждается общей культурностью народа, и, гдѣ этой культурности нѣтъ, тамъ нѣтъ и глубокаго сознанія человѣческаго достоинства, тамъ жизнь протекаетъ въ привычныхъ и никого неоскорбляющихъ, грубоватыхъ формахъ» (стр. 97).—Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ, что «роль права можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы оберегать установившіяся въ обществѣ культурныя формы взаимоотношеній, чтобы бороться съ наиболѣе рѣзкими ихъ нарушеніями» (тамъ же, стр. 97). Но отсюда слѣдуетъ лишь необходимость не толковать слишкомъ широко понятіе обиднаго, отсюда отнюдь не вытекаетъ, что и тѣ обиды, которыя именно и представляютъ собою рѣзкое нарушеніе элементарныхъ требованій уваженія къ чужой личности, должны оставаться безнаказанными или быть низведены на степень «незначительнаго полицейскаго нарушенія, оцѣниваемаго какъ формальный деликтъ» (стр. 150). И если здѣсь не легко дается правильное разграниченіе преступнаго и непроступнаго, то такая трудность обнаруживается не по отношенію къ одной лишь обидѣ. И если наказание играетъ въ качествѣ удерживающаго отъ нанесенія обидъ стимула минимальную роль по сравненію съ другими способами соціальнаго принужденія, то все же здѣсь можно ждать отъ угрозы наказаніемъ и его примѣненія несравненно большихъ результатовъ, нежели при тяжкихъ преступленіяхъ, корни которыхъ зарыты въ глубинѣ психо-физической организаціи преступника и питаются ядомъ соціаль-ныхъ болѣзней всего общественнаго организма.

Ссылка на существующую въ нѣкоторыхъ законодательствахъ регулировку преступленій противъ чести

также не подкрѣпляетъ занимаемой Н. Н. Розинымъ позиціи. Такъ, напр., онъ указываетъ на Англію, гдѣ уголовно-наказуемымъ libel (въ отличіе отъ преслѣдуемаго лишь въ гражданскомъ порядкѣ slander) признается только оскорбленіе на письмѣ или въ печати, въ какомъ случаѣ оскорбленіе «приобрѣтаетъ закрѣпленный, длящейся и опасный въ смыслѣ вліянія на общественное мнѣніе характеръ» и «грозитъ серьезнымъ вредомъ соціальному значенію и положенію пострадавшаго и паденіемъ уваженія къ нему» (стр. 72). Но, во-первыхъ, границы уголовной отвѣтственности получаются въ Англіи въ результатѣ совершенно иныхъ, чѣмъ ихъ проектируетъ проф. Розинъ: словесная клевета можетъ преслѣдоваться (да и то не всегда) лишь въ гражданскомъ порядкѣ, а простыя ругательства на письмѣ—уголовно наказуемы.

Во-вторыхъ, разграниченіе уголовной и гражданской отвѣтственности за оскорбленіе въ зависимости отъ письменной или устной формы его выраженія покоится въ англійскомъ правѣ на совершенно иныхъ основаніяхъ, нежели тѣ, которыя въ немъ желалъ бы усмотрѣть проф. Розинъ. Прежде, у старыхъ англійскихъ юристовъ, наряду съ разсужденіями о томъ, что письменное оскорбленіе обнаруживаетъ особую злостность виновнаго и что смыслъ его легче можетъ быть установленъ на судѣ, попадаются и соображенія о дѣящемся значеніи для оскорбленнаго запечатлѣннаго на бумагѣ оскорбленія. Но всѣ эти рационалистическія объясненія могутъ быть, по мѣткому замѣчанію одного нѣмецкаго изслѣдователя англійской юриспруденціи конца XVIII и начала XIX вв.¹⁾, уподоблены тѣмъ колоннамъ на фасадахъ дворцовъ, которыя должны производить впечатлѣніе силы, межъ тѣмъ какъ на дѣлѣ онѣ лишены всякой внутренней связи съ архитектурнымъ сооруженіемъ. Истинное объясненіе особенностей постановленій англійскаго права объ оскорбленіи надо искать въ совершенно иной области—въ историческомъ генезисѣ этихъ постановленій.

Англійское право представляетъ по вопросу объ отвѣтственности за оскорбленія двѣ особенности: во-первыхъ, только оскорбленіе на письмѣ влечетъ за собою уголовную отвѣтственность; во-вторыхъ, и гражданская отвѣтственность наступаетъ безусловно лишь въ четырехъ особо предусмотрѣнныхъ случаяхъ, а внѣ ихъ только при томъ условіи, если истецъ оскорбленный докажетъ причиненіе ему опредѣленнаго матеріальнаго ущерба. Обѣ эти особенности являются, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, продуктомъ чисто внѣшнихъ (чтобы не сказать случайныхъ) историческихъ условій.

Что касается прежде всего условій, при которыхъ словесныя оскорбленія влекутъ за собою гражданскую отвѣтственность, то изъ четырехъ случаевъ, въ которыхъ оскорбленный освобождается отъ доказыванія понесенныхъ имъ убытковъ, только одинъ (обвиненіе женщины въ безнравственности) внесенъ позднѣйшимъ закономъ (Slander of women act),

¹⁾ J ä g e r, „Das englische Recht zur Zeit der klassischen Nationalökonomie“. 1909, p. 27.

сознательно стремившимся заполнить явный и весьма ощутительный пробѣлъ въ правѣ. Остальные же три случая, въ которыхъ словесныя оскорбленія даютъ безусловное право на убытки (это—обвиненіе въ преступленіи, приписываніе заразной болѣзни и заявленіе о профессиональной неспособности), принадлежатъ весьма старой части англійскаго common law. Объясненія же такому выдѣленію этихъ трехъ случаевъ слѣдуетъ искать не въ соображеніяхъ цѣлесообразности, а въ средневѣковой борьбѣ между духовной и свѣтской юрисдикціей. Первоначально оскорбленіе, само по себѣ взятое, относилось къ духовной подсудности. Какъ указываетъ новѣйшій изслѣдователь Гринъ¹⁾, королевскіе судьи, стремясь отвоевать хоть часть дѣлъ объ оскорбленіи, пользовались для этого общепризнаннымъ въ то время принципомъ разграниченія подсудности, согласно которому *accessorium* относится къ той же юрисдикціи какъ и *principale*, т. е. юрисдикція по какому-либо предмету влечетъ за собою и юрисдикцію по всѣмъ связаннымъ съ нимъ второстепеннымъ предметамъ. Итакъ, если королевскій судъ рассматриваетъ инкриминируемое кому-либо преступленіе въ цѣляхъ наказанія виновнаго, то тому же суду принадлежитъ право разслѣдованія подобнаго обвиненія въ цѣляхъ вознагражденія лица, которому ложно приписано совершеніе преступленія; но для установленія свѣтской подсудности, конечно, необходимо прямое обвиненіе въ преступленіи. Подобнымъ же образомъ объясняется и выдѣленіе второго случая: приписыванія кому-либо заразной болѣзни. Исходной точкой являлось здѣсь отношеніе къ прокаженному. Человѣкъ, заболѣвшій проказой, почитался въ средніе вѣка юридически умершимъ и утратившимъ свои гражданскія права; такъ именно смотрѣла на дѣло и церковь, совершая надъ удаляемымъ прокаженнымъ погребальные обряды. И сообразно тому, что для изолированія прокаженнаго требовался writ de leproso amovendo, обвиненіе въ проказѣ признавалось подсуднымъ королевскому суду на тѣхъ же основаніяхъ, что и обвиненіе въ преступленіи. Впослѣдствіи по аналогіи съ проказой было конструировано приписываніе кому-либо нѣкоторыхъ другихъ заразныхъ болѣзней. Что касается затѣмъ клеветы, затрагивающей служебную дѣятельность человѣка или источникъ его средствъ существованія, то древнѣйшія дѣла этого рода относятся всецѣло къ отправленію правосудія: оклеветаніе судьи не трудно было подвести подъ юрисдикцію королевскихъ судовъ точно такъ же, какъ и произнесеніе клеветническихъ фразъ адвокатомъ. Съ другой же стороны, назвать купца несостоятельнымъ значило подвести его подъ банкротскій статутъ; поэтому клевета сего рода оказывалась подсудной королевскому суду на томъ же основаніи, какъ и клевета, имѣющая своимъ содержаніемъ обвиненіе въ преступленіи.

Такова историческая основа постановленій англій-

скаго права о гражданской отвѣтственности за словесное оскорбленіе чести. Иными, но также внѣшними историческими условіями, объясняются постановленія объ уголовной отвѣтственности за оскорбленіе на письмѣ¹⁾.

Вплоть до XVII вѣка англійское право не дѣлало никакого различія въ зависимости отъ формы оскорбленія. Впервые особое отношеніе устанавливается къ оскорбленіямъ въ печати. Мотивъ, подъ вліяніемъ котораго создается новое право объ оскорбленіи въ печати,—политическій, учрежденіе, творящее это право,—знаменитая Звѣздная Палата. Абсолютизмъ и въ Англіи, въ XVI—XVII вв., со страхомъ смотрѣлъ на быстрый ростъ книгопечатанья и не скупился на мѣры охраны противъ новаго способа распространенія идей. Монополизация типографскаго дѣла, тщательнѣйшій за нимъ надзоръ, строгая цензура—все это имѣлось налицо уже до Стюартовъ. И въ видѣ новой дополнительной мѣры борьбы съ все растущей волной общественнаго мнѣнія прибавилась при Іаковѣ I уголовная отвѣтственность за libel, за содержаніе произведенія, хотя и не заключающаго въ себѣ состава какого-либо изъ исторически сложившихся политическихъ или иныхъ преступленій, но все же представлявшагося вреднымъ, опаснымъ, въ томъ или другомъ отношеніи, между прочимъ какъ затрагивающее частное лицо и создающее тѣмъ угрозу нарушеній мира, а тѣмъ болѣе какъ затрагивающее должностное лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ само правительство. Эту уголовную репрессию осуществляли не нормальные суды, вращавшіеся въ предѣлахъ исторически сложившагося common law, а Звѣздная Палата, этотъ своеобразный судъ, призванный по своей идеѣ быть органомъ справедливости въ области уголовной юстиціи, наказывать злодѣяніе, не находящее должнаго возмездія въ общихъ судахъ, творить истинное правосудіе, защищая слабого противъ сильнаго; судъ, для достиженія всего этого свободный отъ всякихъ формъ, не связанный ни правилами о доказательствахъ ни другими процессуальными нормами; судъ, превратившійся на практикѣ въ орудіе беззаконія и произвола.

Откуда жъ было почерпнуть этому суду нормы матеріальнаго права для сужденія о сочиненіяхъ, кого-либо (прежде всего—сильныхъ міра сего) затрагивающихъ? Естественно, что не изъ дѣйствующаго англійскаго права; естественно, что изъ того большаго юридическаго резервуара, который представляло собою римское право, столь близкое духовнымъ членамъ Звѣздной Палаты. Изъ этого резервуара было извлечено то, что признавалось подходящимъ: не мягкія гражданско-правовыя постановленія преторскаго права объ injuria и convicium contra bonos mores, а суровыя уголовныя нормы императорскаго законодательства de libellis famosus, соотвѣтственно къ тому же приспособленныя, распространенныя, въ отличіе отъ своего римскаго образца, не на одни лишь анонимныя произведенія, но и на сочиненія, авторомъ ихъ подписанныя.

¹⁾ John Green въ American Law Review VI, p. 593 ss. Cp. Veeder, „The history of the law of defamation“, въ Select essays in anglo-american legal history, III, 1909.

¹⁾ Veeder, ук. соч.

Звѣздная Палата исчезла. Но созданныя ею нормы объ оскорбленіи въ печати и вообще на письмѣ вошли въ англійское право. Онѣ живутъ въ немъ и нынѣ. И, вмѣстѣ со столь же своеобразными, сложившимися также подъ вліяніемъ внѣшнихъ историческихъ условій, гражданско-правовыми нормами о словесныхъ оскорбленіяхъ, регулируютъ онѣ юридическую охрану чести, личного достоинства, добраго имени.

Таковъ источникъ нормъ англійскаго права объ оскорбленіи. Этотъ источникъ не можетъ служить къ ихъ рекомендаціи. Правда, мы знаемъ, какъ многочисленны въ англійскомъ правѣ постановленія, нѣкогда призванныя служить однѣмъ, давно умершимъ цѣлямъ, а нынѣ прекрасно осуществляющія другія, жизненные задачи. Однако же постановленія объ оскорбленіи и къ ихъ числу не принадлежатъ. Вотъ сужденіе о нихъ специалиста-ислѣдователя¹⁾: «Никакая другая область англійскаго права не даетъ столько основаній для критики какъ благодаря вызываемымъ ею сомнѣніямъ и затрудненіямъ, такъ и благодаря бессмысленнымъ и курьезнымъ ея аномаліямъ. Эта область, какъ цѣлое, абсурдна въ теоріи и весьма часто губительна въ практическомъ своемъ дѣйствіи».

Многому, очень многому можетъ и должна континентальная юриспруденція поучиться у Англіи. Но не существующей тамъ системѣ отвѣтственности за оскорбленіе чести.

Е. Кулишеръ.

Залогъ движимости.

(Продолженіе)²⁾.

Широкое допущеніе залога движимости совершенно чуждо другимъ законодательствамъ. И французское и германское законодательство выставляютъ общее правило, что движимость можетъ закладываться только въ формѣ ручного залога съ предоставленіемъ владѣнія кредитору по закладу, либо же третьему лицу. Германское право, за исключеніемъ залога извѣстныхъ категорій судовъ, не знаетъ изъятій изъ этого права. Французское же право допускаетъ изъятіе по отношенію къ торговымъ предпріятіямъ и земледѣльческимъ и промышленнымъ продуктамъ. На выясненіи возникновенія и содержанія соотвѣтственныхъ новеллъ французскаго гражданскаго права мы и намѣрены подробно остановиться.

Согласно ст. 2074 — 2076 французскаго Code civil закладъ движимости можетъ имѣть силу по отношенію къ третьимъ лицамъ только при соблюденіи слѣдующихъ формальностей. Договоръ о закладѣ долженъ быть актомъ публичнымъ или частнымъ, но надлежащимъ образомъ зарегистрированнымъ. Если предметомъ залога является невещественная движимость, какъ, напримѣръ, право требованія, то, кромѣ

того, необходимо предъявленіе акта залога должнику по этому праву требованія. Во всякомъ случаѣ закладъ дѣйствителенъ по отношенію къ третьимъ лицамъ только тогда, когда заложенная вещь изъята изъ владѣнія должника по закладу и передана либо кредитору, либо третьему лицу. Примѣнительно къ правамъ требованія послѣднее правило было истолковано практикой въ смыслѣ необходимости передачи кредитору по закладу документа, удостоверяющаго наличность этого права требованія; отсюда выводъ, что не могутъ быть предметомъ залога права требованія, либо иски, не удостоверенные извѣстнымъ письменнымъ актомъ.

Однако, въ рѣшеніи отъ 20 января 1886 г. кассационный судъ отступилъ отъ этого правила и призналъ достаточной для установленія залога требованія передачу кредитору по закладу не оригинала документа, удостоверяющаго наличность права требованія, а копій съ него или выписи¹⁾. Въ 1888 г. въ кассационной практикѣ возникъ вопросъ объ условіяхъ дѣйствительности залога торговаго предпріятія, въ разсматриваемомъ случаѣ, меблированного отеля. Насчетъ того, что торговое предпріятіе, какъ таковое, какъ совокупность, можетъ быть предметомъ залога, сомнѣній не возникало. Лучшіе французскіе цивилисты признавали торговое предпріятіе движимостью, но притомъ движимостью вещественною²⁾. Слѣдовательно, для установленія залога на такую движимость необходима была бы, согласно статьѣ 2076 Code civil, передача ея во владѣніе кредитору по закладу. А это въ дѣйствительности почти недоступно. И вотъ, кассационный судъ вошелъ въ разсмотрѣніе того, при какихъ условіяхъ отдача въ закладъ торговаго предпріятія можетъ имѣть силу противъ третьихъ лицъ, т. е. противъ кредиторовъ залогодателя. Для отвѣта на этотъ вопросъ онъ обратилъ особое вниманіе на природу торговаго предпріятія, въ составъ котораго входятъ весьма многочисленные невещественные элементы: торговая фирма, опредѣленный кругъ покупателей или кліентовъ, извѣстная репутація. Кромѣ того, торговое предпріятіе въ большинствѣ случаевъ находится въ арендуемомъ помѣщеніи, соотвѣтствующемъ извѣстнымъ вкусамъ и требованіямъ кліентовъ. И это арендное право также неразрывно связано съ торговымъ предпріятіемъ. Вещественными же элементами торговаго предпріятія, которыя могутъ быть отдѣлены отъ него, но безъ которыхъ очень часто дальнѣйшая эксплуатація торговаго предпріятія оказалась бы невыполнимой, являются обстановка и товары. Необходимо поэтому обратить вниманіе на то, какіе элементы, вещественные или невещественные, являются преобладающими въ торговомъ предпріятіи. Обращаясь къ разсматриваемому случаю, кассационный судъ, основываясь на вышеуказанныхъ соображеніяхъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію. Торговое предпріятіе, въ данномъ случаѣ меблированный отель, представляетъ изъ себя юридическую совокупность

¹⁾ Dalloz, op. cit., 1886 г. I, 406, 407.

²⁾ Demolombe, Traité de la distinction de biens, 3-е изд. т. I № 403 и 440; Laurent, Principes du droit civil, т. 5 № 513.

¹⁾ Veeder, l. c.

²⁾ См. № 25 „Права“.

(universitas juris), состоящую из различных элементов, из которых одни—обстановка и мебель—суть вещественные движимости, а другие—фирма, клиентура и арендное право—носят характер движимостей невещественных. В этой юридической совокупности фирма, клиентура и арендное право играют преобладающую роль в то время, как движимость в собственном смысле служить только орудием для эксплуатации предприятия. Вследствие этого торговое предприятие, взятое в своей совокупности, должно рассматриваться, с точки зрения права, как невещественная движимость; тем более, когда установлено, как это имело место в данном случае, что ценность обстановки не превышает ценности других элементов, входящих в состав этой юридической совокупности. Если же торговое предприятие должно считаться невещественной движимостью, то для установления залогового права на такое предприятие, залогового права, имеющего силу по отношению к третьим лицам, необходимо только соблюдение условий, требующихся при залоге невещественных движимостей, каковы права требования. А эти условия уже указаны в решении кассационного суда от 20 января 1886 г. Для этого достаточно соблюдения двух условий—передачи кредитору по залому акта или копии с аутентического акта, удостоверяющего права залогодателя, и предъявления кредитором по залому собственнику помещения, в котором торговое предприятие находится, акта о залоге. Акт о залоге должен быть предъявлен только собственнику указанного помещения, так как он единственно является должником по принадлежащему залогодчику арендному праву; по другим же правам или невещественным движимостям, принадлежащим владельцу торгового предприятия, должников не имеется, а посему и не имеется других лиц, которым акт о залоге должен быть предъявлен¹⁾.

Но если кассационный суд в своем решении от 13 марта 1888 г. еще стоял на той точке зрения, что торговое предприятие является либо вещественной, либо невещественной движимостью, смотря по тому, какой элемент в нем преобладает, то парижская апелляционная палата в своем решении от 24 дек. 1896 г. пошла значительно дальше. Разбираемый ею казус касался торговли вином и ликерами. Квалифицируя юридическую природу этого торгового предприятия, палата высказалась следующим образом. Торговое предприятие, состоящее из фирмы и клиентуры, представляет собою совместно с арендным правом на помещения, в которых оно эксплуатируется, совокупность движимых невещественных прав, в какой совокупности обстановка и товары, находящиеся в предприятии, являются только чем-то аксессуарным, только орудием эксплуатации предприятия, необходимым для самого существования этих невещественных прав, и посему на них, на

эту обстановку и товары, распространяется тот же характер невещественности¹⁾.

Здесь уже всякое торговое предприятие, безотносительно к тому, какой элемент, вещественный или невещественный, в нем преобладает, признается невещественной движимостью, для действительного залога которой требуется соблюдение только тех условий, какие указаны в кассационном решении от 20 января 1886 г. Поэтому можно с полным правом сказать, что французская практика еще до издания закона 1 марта 1898 г. склонялась к допущению залога торговых предприятий без перенесения владения на кредиторов по залому²⁾.

Знакомство с этой судебной практикой необходимо для понимания истинного содержания закона 1 марта 1898 г. о залоге торговых предприятий посредством внесения акта залога в особые публичные реестры, ведущиеся в канцеляриях коммерческих судов. Приведенная судебная практика не гарантировала публичности залога, с одной стороны, а с другой, коммерческие суды в своих решениях³⁾ становились на точку зрения, прямо противоположную точке зрения кассационного суда. Потребность же в нормальном разрешении вопроса о залоге торговых предприятий, повидимому, росла. Эти обстоятельства настойчиво призывали к законодательному регулированию вопроса. Соответствующий законопроект, состоявший из одной статьи, был внесен в палату депутатов Миллераном 18 мая 1895 г. Статья эта гласила: статья 2075 Code civil дополняется следующим: «кроме того, всякая отдача в залог торгового предприятия, под угрозой недействительности, должна быть отмечена в публичном реестре, ведущемся с этой целью в канцелярии коммерческого суда, в округе которого означенное торговое предприятие расположено». Во избежание затемнения истинного смысла нового закона текст этой статьи был значительно видоизменен сенатской комиссией, докладчик которой, известный юрист сенатор Тэзарь, подробно выяснил в заседании сената и недостатки прежней судебной практики и истинный смысл нового закона.

¹⁾ См. Dalloz, op. cit., 1898 г., 2, стр. 23.

²⁾ Профес. Каминка в своей упомянутой выше статье в „Праве“ говорит, между прочим, следующее: „Проф. Шершеневич, останавливаясь на этом законе (закон 1 марта 1898 г.), замечает, что еще до издания этого закона судебная практика стала склоняться к мысли о допустимости залога торгового предприятия с сохранением владения за предпринимателем. Однако, такое утверждение не совсем точно. Некоторые послабления, которые допускались судебной практикой при толковании вопроса о том, можно ли считать переданным в залог товарами в оборот, отнюдь не могут быть истолкованы в смысле колебаний в принципиальном вопросе о требовании передачи владения для установления залогового права“. Однако, из приведенных мною судебных решений, на которые профес. Каминка, повидимому, не обратил внимания, видно, что замечание проф. Шершеневича может быть признано вполне точным.

³⁾ См., напр., рш. сенского коммерческого суда от 9 янв. 1892 г. и от 24 августа 1893 г.

¹⁾ См. рш. касс. суда 13 марта 1888 г., Dalloz, op. cit., 1888 г., 1 стр. 351 и сл.

Что торговое предприятие, какъ таковое, можетъ быть предметомъ залога, это, и по утверждению Тэзара, ни для кого не можетъ быть предметомъ сомнѣній. Торговое предприятие представляетъ собою реальную цѣнность, одинъ изъ элементовъ имущества должника, который онъ можетъ предоставить въ видѣ обезпеченія любому изъ своихъ кредиторовъ. Такимъ образомъ цѣль новаго закона не въ томъ, чтобы санкционировать возможность залога торгового предприятия, какъ цѣлаго, возможность, совершенно отрицаемую, какъ мы увидимъ ниже, германскимъ имперскимъ судомъ, но никогда не отрицавшуюся французскими судами ¹⁾. Цѣль новаго закона иная. Новый законъ долженъ установить условія дѣйствительности такого залога по отношенію къ третьимъ лицамъ. Удовлетворяетъ ли практика кассационнаго суда интересамъ третьихъ лицъ? Отнюдь нѣтъ. Какія требованія предъявляются ею для того, чтобы залогъ торгового предприятия признавался дѣйствительнымъ по отношенію къ третьимъ лицамъ? Выше мы уже указали, каковы эти требованія. Но соблюденіе этихъ требованій совершенно безцѣльно. Въ самомъ дѣлѣ. Собственникъ помѣщенія, въ которомъ эксплуатируется торговое предприятие, извѣщается о фактѣ залога. Но этотъ собственникъ помѣщенія совершенно не заинтересованъ въ такомъ сообщеніи, такъ какъ его права, его законное залоговое право во всякомъ случаѣ сохраняется какъ по отношенію къ первоначальному арендатору, такъ и по отношенію ко всѣмъ правопреемникамъ этого послѣдняго. Третьи же лица, дѣйствительно заинтересованные въ публичности факта залога, при такомъ извѣщеніи собственника помѣщенія остаются все же въ полномъ невѣдѣніи насчетъ того, заложено ли торговое предприятие, или нѣтъ. Но, можетъ быть, гарантіей для третьихъ лицъ является требованіе передачи кредитору по залоговому акту, удостоверяющему права предпринимателя? Тоже нѣтъ. Можно было бы говорить о нѣкоторой гарантіи третьихъ лицъ, если бы требовалась непремѣнная передача оригинала этого акта. Третьи лица, вступающія въ сношенія съ предпринимателемъ, могли бы потребовать у него представленія имъ этихъ оригиналовъ, и невозможность для предпринимателя удовлетворить это ихъ требованіе внушила бы имъ подозрѣніе о томъ, что предприниматель заложилъ свое предприятие. Но, вѣдь, судебная практика требуетъ передачи только копій съ аутентическаго акта, а такое требованіе является только пустой формальностью, ничьихъ интересовъ не гарантирующею. Между тѣмъ возможность получить кредитъ подъ обезпеченіе торгового предприятия является жгучей потребностью жизни. Въ критическую минуту залогъ торгового предприятия можетъ представлять собою для предпринимателя единственный источникъ спасенія отъ банкротства и разоренія. Необходимо, однако, съ другой стороны, регулировать залогъ торговыхъ предприятий такимъ образомъ, чтобы третьи лица не становились жертвою тайнаго залога. Но

такъ какъ, съ одной стороны, требованія, предъявлявшіяся предшествующей судебной практикой для дѣйствительности залога торгового предприятия, совершенно безцѣльны, а, съ другой стороны, требованіе соблюденія извѣстныхъ формальностей имѣетъ въ виду интересы третьихъ лицъ, а не отношеніе между сторонами, то сенатская коммиссія, исключивъ начальные слова законопроекта, «кроме того», слова, которыя могли бы привести къ неправильному мнѣнію, будто новый законъ къ старымъ формальностямъ прибавляетъ новую—занесеніе въ реестръ акта залога,—видоизмѣнила статью слѣдующимъ образомъ: «Всякій залогъ торгового предприятия, подъ угрозой не дѣйствительности противъ третьихъ лицъ, долженъ быть занесенъ въ публичный реестръ, ведущійся въ канцеляріи коммерческаго суда, въ округѣ котораго предприятие эксплуатируется» ¹⁾.

Законъ 1 марта 1898 года на практикѣ сталъ пользоваться большимъ успѣхомъ. Въ одномъ сенскомъ округѣ число залоговъ торговыхъ предприятий, достигшее въ 1898 г. цифры 723, возросло въ 1899 г. до 1089, въ 1900 г. до 1269, въ 1901 г. до 1422, а въ 1902 г. до 1605, т. е. за 4 года число это возросло болѣе, чѣмъ на 120 проц. Однако, въ торговыхъ кругахъ законъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія. По мнѣнію торговыхъ палатъ, законъ этотъ совершенно подрываетъ торговый кредитъ, и, по свидѣтельству Планіоля ²⁾, всѣ торговые палаты ходатайствовали объ отмѣнѣ этого закона.

Съ другой стороны, вслѣдствіе неточной редакціи самаго закона, говорившаго не о залогѣ торговыхъ предприятий, а о *nantissement*, т. е. о залогомъ въ тѣсномъ смыслѣ, а также вслѣдствіе неудачной кодификаціи новаго закона, нѣкоторые французскіе суды стремились свести на нѣтъ все значеніе новаго закона.

Несмотря на то, что, изясняя дѣйствительный смыслъ новаго закона, докладчикъ сената, Тэзаръ, опредѣленно заявлялъ: «настоящимъ закономъ мы вводимъ торговые предприятия въ кругъ юридическихъ совокупностей (*universalités de droit*), каковыми являлись для римскихъ юристовъ наследственные массы, вещественныя движимости, каковы обстановка и товары, не могутъ быть матеріально переданы кредитору по залоговому акту, но это затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что эти движимости, съ точки зрѣнія закона, входятъ въ составъ данной юридической совокупности и ею поглощаются»; несмотря на то, что онъ закончилъ свой докладъ сенату словами: «устанавливая для залога торговыхъ предприятий правила, приравленные къ природѣ этихъ предприятий, мы тѣмъ самымъ отмѣняемъ бесполезныя и безцѣльныя формальности, ранѣе требовавшіяся для дѣйствительности такихъ залоговъ» ³⁾,—несмотря на все это, именно указанные вопросы трактовались практикой какъ первой, такъ и второй инстанціи далеко неодинаково.

¹⁾ Исключеніе представляетъ собою только рѣш. сенскаго коммерческаго суда отъ 18 янв. 1896 г.

¹⁾ Ср. примѣч. къ закону 1 марта 1898 года у Dalloz'a, op. cit., за 1898 г., 4, стр. 20—21.

²⁾ См. Planiol, Droit civil, 2-й т., стр. 832, изд. 4-е.

³⁾ Ср. Dalloz, ibid.

Законъ 1898 г. былъ включенъ въ Code civil, какъ вторая часть ст. 2075, въ редакціи, принятой сенатской комиссіей и приведенной выше. Но ст. 2076 осталась въ прежней редакціи. А статья эта гласитъ: «Во всѣхъ случаяхъ привилегія сохраняется по отношенію къ закладу лишь постольку, поскольку закладъ былъ переданъ и остался во владѣніи кредитора или третьяго лица, по соглашенію между сторонами». И вотъ, текстъ статьи 2075, говорившей о *nantissement*, т. е. о закладѣ въ тѣсномъ смыслѣ, необходимымъ реквизитомъ котораго является передача владѣнія, начальныя слова ст. 2076 «во всѣхъ случаяхъ» и несочувствіе нѣкоторыхъ судовъ къ новому закону побудили эти суды совершенно не считаться съ приведенными выше законодательными мотивами и требовать для дѣйствительности заклада по отношенію къ третьимъ лицамъ соблюденія старыхъ формальностей. Суды эти считали, что законъ 1898 г. прибавилъ къ прежде требовавшимся формальностямъ еще одну, новую, а именно, занесеніе въ судебный реестръ. Посему для дѣйствительности заклада противъ третьихъ лицъ они требовали соблюденія слѣдующихъ формальностей: 1) занесенія въ реестръ, 2) предъявленія акта заклада собственнику помещенія, въ которомъ торговое предпріятіе эксплуатируется и 3) передачи владѣнія торговымъ предпріятіемъ, хотя бы символической, что достигается врученіемъ кредитору по закладу актовъ, удостоверяющихъ права закладчика, или копій съ этихъ актовъ¹⁾.

Однако, огромное число судебныхъ рѣшеній высказалось въ смыслѣ прямо противоположномъ, а именно въ томъ смыслѣ, что новый законъ окончательно отмѣнилъ по отношенію къ закладу торговыхъ предпріятій требованія, установленныя въ ст. 2075 и 2076 кодекса и подчинилъ такіе заклады только единственному требованію, а именно занесенію въ судебный реестръ. Соблюденія одного этого условія вполне достаточно для признанія заклада дѣйствительнымъ по отношенію къ третьимъ лицамъ²⁾.

Точно также неодинаковое рѣшеніе въ судебной практикѣ находилъ себѣ и вопросъ о томъ, какіе элементы входятъ въ составъ торгового предпріятія. Въ практикѣ возбуждалъ споры вопросъ о томъ, необходимо ли точное перечисленіе въ актѣ о закладѣ всѣхъ этихъ элементовъ или же, наоборотъ, доста-

точно одного указанія на то, что въ закладъ отдается опредѣленное торговое предпріятіе; и если въ актѣ о закладѣ упомянуто только о торговомъ предпріятіи, безъ перечисленія элементовъ, понимаемыхъ сторонами подъ этимъ совокупнымъ терминомъ, то распространяется ли закладъ также на обстановку торгового предпріятія и на товары, находящіеся въ ономъ. Споры эти возникли въ практикѣ опять таки вопреки яснымъ законодательнымъ мотивамъ, изложеннымъ въ докладѣ сенатора Тэзара, въ виду враждебнаго отношенія къ новому закону коммерческихъ судовъ, вообще неособенно склонныхъ допускать предпочтеніе однихъ кредиторовъ другимъ въ случаѣ несостоятельности должника. И въ то время, какъ гражданскіе суды вообще склонны были подчинять дѣйствію заклада и обстановку торгового предпріятія и товары въ оборотѣ¹⁾, коммерческіе суды стремились по возможности сузить значеніе закона 1898 г., находя, что закладъ торгового предпріятія не обнимаетъ собою товаровъ въ оборотѣ²⁾ или даже не обнимаетъ собою не только товаровъ въ оборотѣ, но и обстановки торгового предпріятія³⁾.

Лаконизмъ закона 1 марта, неудачная его кодификація и вызванная этимъ несогласованность въ судебной практикѣ, — все это вмѣстѣ взятое побудили французскаго законодателя подвергнуть вопросъ о закладѣ торговыхъ предпріятій вторичному разсмотрѣнію. Новый законопроектъ о закладѣ торговыхъ предпріятій былъ выработанъ еще въ 1903 г., а 17 марта 1909 г. былъ изданъ законъ о продажѣ и закладѣ торговыхъ предпріятій, въ которомъ мы можемъ найти ясный и недвусмысленный отвѣтъ на указаные выше спорные вопросы. Согласно новому закону торговые предпріятія могутъ отдаваться въ закладъ безъ соблюденія какихъ-либо иныхъ условій и формальностей, кромѣ предписанныхъ означеннымъ закономъ (ст. 8). Для дѣйствительнаго договора о закладѣ между сторонами достаточно заключенія акт-официальнаго или же частнаго, надлежащимъ образомъ зарегистрированнаго; по отношенію же къ третьимъ лицамъ закладъ получаетъ силу единственно черезъ внесеніе акта заклада въ публичный реестръ коммерческаго суда того округа, въ которомъ эксплуатируется торговое предпріятіе и его отдѣленія (ст. 10). Но въ виду того, что кредиторы могутъ воспользоваться своимъ правомъ заносить фактъ заклада въ публичный реестръ спустя долгое время послѣ заключенія договора о закладѣ, а именно, когда положеніе ихъ должника станетъ критическимъ, въ законѣ установленъ предѣльный срокъ для такого занесенія въ реестръ. Занесеніе въ реестръ, подъ угрозой не дѣйствительности заклада, должно послѣдовать въ теченіе двухнедѣльнаго срока со дня заключенія договора о закладѣ (ст. 11). Въ самомъ законѣ содержится ограничительный перечень эле-

¹⁾ См. рѣш. сенскаго коммерч. суда отъ 29 марта 1900 г. и палаты—парижской отъ 23 марта 1900 г. и 1 августа 1901 г., амьенской—отъ 7 июля 1900 г. (Dalloz, *op. cit.*, за 1901 г., 2 стр. 97), реннской—отъ 27 іюня 1901 г. и нансійской—отъ 28 мая 1901 г. (Dalloz, *op. cit.*, за 1903 г., 2 стр. 176—178).

²⁾ См. рѣш. коммерч. судовъ: руанскаго—отъ 2 іюня 1900 г. и анжерскаго—отъ 7 дек. 1900 г. и палаты—руанской—отъ 25 іюля 1900 г. и 2 января 1901 г., безансонской—отъ 20 марта 1901 г., дижонской—отъ 17 мая 1901 г. (Dalloz, за 1901 г., 2, стр. 97 и сл. и стр. 470 и сл.), дижонской—отъ 27 ноября 1901 г., руанской—отъ 11 дек. 1901 г., парижской—отъ 29 янв. 1902 г., 29 мая 1902 г. и 18 марта 1903 г., нансійской—отъ 21 марта 1902 г. и реннской—отъ 26 іюня 1902 г. (Dalloz, за 1903 г., 2, стр. 178 и сл.), а также рѣш. кассац. суда отъ 31 окт. 1906 (Dalloz, за 1906 г., 1, стр. 528).

¹⁾ См. Dalloz, *ibid.*, 1903 г., 2, стр. 179 и сл., а также рѣш. кассац. суда отъ 31 октября 1906 г. (Dalloz, за 1906 г., 1, стр. 528).

²⁾ См. рѣш. анжерскаго коммерч. суда отъ 7 дек. 1900 г. (Dalloz, за 1901 г., 2 стр. 108).

³⁾ См. рѣш. коммерч. суда города Chalon-sur Saône отъ 17 дек. 1900 г. (Dalloz, за 1901 г., 2, стр. 109).

ментовъ, могущихъ обниматься общимъ терминомъ торгового предпріятія. Если стороны не перечислятъ этихъ элементовъ, то закладъ торгового предпріятія обнимаетъ собою только торговое имя, арендное право, кругъ покупателей и кліентуру. Однако, сторонамъ не воспрещается распространять дѣйствіе заклада на всѣ права и вещи, такъ или иначе принадлежащія къ торговому предпріятію, въ томъ числѣ на всѣ къ нему относящіяся права собственности промышленной, литературной и артистической, а также на мебель и обстановку торгового предпріятія, причемъ для дѣйствительности заклада этихъ движимостей въ собственномъ смыслѣ противъ третьихъ лицъ также не требуется передача ихъ во владѣніе кредиторовъ по закладу (ст. 9).

Однако, во вниманіе къ настойчивымъ требованіямъ торговыхъ круговъ вообще и въ частности парижской торговой палаты, товары въ оборотѣ не обнимаются настоящимъ закономъ. Мотивируется это слѣдующимъ. При распространеніи дѣйствія заклада и на товары въ оборотѣ, положеніе поставщиковъ, доставляющихъ товары предпринимателю, стало бы совершенно невозможнымъ. При быстротѣ торговыхъ операций поставщикамъ весьма трудно или почти невозможно всякій разъ справляться въ реестрѣ, не заложилъ ли предприниматель, съ которымъ они ведутъ дѣла, своего торгового предпріятія. Кромѣ того, закладъ, занесенный въ реестръ въ промежуткѣ между доставкой товаровъ и срокомъ, назначеннымъ для уплаты за нихъ, совершенно несправедливо лишалъ бы поставщиковъ ихъ правъ и давалъ бы предпочтеніе передъ ними кредиторамъ по этому закладу ¹⁾.

Новымъ закономъ формально отменяется законъ 1 марта 1898 года (ст. 36). Но хотя изъ новаго закона ясно видно, что мы имѣемъ дѣло съ залогомъ, ипотекой торговыхъ предпріятій, а отнюдь не съ закладомъ въ собственномъ смыслѣ, въ текстѣ сохраненъ терминъ «nantissement», означающій закладъ, сопровождающійся передачей предмета заклада во владѣніе кредитора.

Выше мы указывали на то, что вопросъ о возможности установленія залога на торговое предпріятіе, какъ на таковое, какъ на юридическое цѣлое, во Франціи не вызывалъ почти сомнѣній. Здѣсь же кстати будетъ отмѣтить отношеніе къ этому вопросу германскаго имперскаго суда. По мнѣнію имперскаго суда, торговое предпріятіе, представляя собою не юридическое цѣлое (Rechtseinheit), а только фактическую, экономическую совокупность вещей, правъ, правоотношеній и фактическихъ отношеній, хотя и можетъ въ своей совокупности имѣть общую участь, въ частности, быть предметомъ обязательственныхъ сдѣлокъ, но не можетъ быть предметомъ единого, на немъ тяготящаго права. Поэтому возможна, напримѣръ, аренда торгового предпріятія. Вещное же установленіе пользовладѣнія возможно только (§ 1085 германск. гр. улож.) относительно отдѣльныхъ составныхъ частей

предпріятія. Невозможно и установленіе закладнаго права на торговое предпріятіе, такъ какъ по отношенію къ нему неосуществимы ни Pfändungspfandrecht, ни осуществляемая при продажѣ съ торговъ передача въ собственность ¹⁾. И хотя имперскій судъ при разсмотрѣніи дѣла о закладѣ газетнаго издательства пришелъ къ заключенію, что стороны, несомнѣнно, желали заложить это издательство, предпріятіе, какъ таковое, онъ, тѣмъ не менѣе, не призналъ заклада дѣйствительнымъ. Указаннаго результата, разъясняетъ имперскій судъ, договоромъ достигнуть нельзя было. «Ибо издательское предпріятіе не есть ни вещь въ смыслѣ § 1204, ни право въ смыслѣ § 1273 герм. гр. уложенія. Торговое предпріятіе, какъ таковое, не можетъ быть предметомъ закладнаго права; предметомъ заклада могутъ быть только отдѣльныя принадлежащія предпріятію вещи и права» ²⁾.

Съ точки зрѣнія германскаго гр. уложенія это разъясненіе, пожалуй, и правильно. Но, вѣдь, и самъ имперскій судъ признаетъ, что торговое предпріятіе представляетъ собою экономическую совокупность правъ, вещей, правоотношеній и фактическихъ отношеній. Въ оборотѣ торговое предпріятіе выступаетъ какъ нѣчто единое. И очень часто цѣнность правоотношеній и фактическихъ отношеній значительно превышаетъ цѣнность правъ и вещей, входящихъ въ составъ торгового предпріятія. Въ значительной части торговыхъ предпріятій элементами наиболѣе цѣнными являются извѣстная репутация, извѣстный кругъ покупателей, постояльцевъ, кліентовъ и т. д., извѣстное мѣстоположеніе. И германское уложеніе лишаетъ предпринимателя возможности получить въ критическую минуту кредитъ подъ обезпеченіе этихъ элементовъ, имѣющихъ въ оборотѣ огромную цѣнность. Съ другой стороны, имперскій судъ въ тѣхъ же рѣшеніяхъ, не закрывая глазъ на совершающіяся ежедневно отчужденія торговыхъ предпріятій, признаетъ такія продажи вполне дѣйствительными. А между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ предметомъ продажи является обязательство передать торговое предпріятіе въ собственность. И если признать, что торговое предпріятіе, какъ таковое, не можетъ быть объектомъ единого вещнаго права, то такія продажи торговыхъ предпріятій, такія обязательственные сдѣлки также должны бы признаваться недѣйствительными въ виду невозможности выполненія предмета обязательства. Въ виду сказаннаго можно смѣло сказать, что германское законодательство нуждается въ дополненіи, допускающемъ установленіе вещныхъ правъ на торговые предпріятія и, въ частности, допускающемъ установленіе залога торговыхъ предпріятій, какъ таковыхъ, посредствомъ внесенія акта залога въ соотвѣтственные реестры.

Въ томъ же 1898 г. во Франціи былъ принятъ еще одинъ законъ, касающійся залога движимости. Я имѣю въ виду законъ 18 іюля 1898 года о

¹⁾ Cp. *Entscheid. des R. G. in Zivilsachen*, т. 70, стр. 228 и сл.

²⁾ *Entscheid. des R. G. in Zivilsachen*, т. 63, стр. 54.

¹⁾ Cp. объясн. къ закону 17-го марта 1909 г. у *Daloz'a*, op. cit., за 1909 г., 4, стр. 50.

земледельческих вавантахъ (loi sur les warrants agricoles). Цѣль этого закона предоставить земледѣльцамъ новое орудіе реального кредита. Нуждаясь въ средствахъ, земледѣльцы, не имѣющіе собственной недвижности, вынуждены продавать свои продукты немедленно послѣ сбора ихъ, когда на рынкѣ конъюнктура можетъ оказаться для нихъ чрезвычайно неблагопріятной. Получить кредитъ подъ обезпеченіе этихъ продуктовъ для земледѣльца было крайне затруднительно, почти невозможно. Съ одной стороны, собственнику земли принадлежит законное закладное право на всѣ продукты арендуемой земли и на все то, что служитъ для обработки послѣдней (ст. 2102 Code civil); съ другой стороны, для заклада, какъ мы уже знаемъ, необходима передача владѣнія, что опять таки по отношенію къ продуктамъ земледѣлія и земледѣльской промышленности является требованіемъ, крайне отяготительнымъ для обѣихъ сторонъ и трудно выполнимымъ.

Правда, земледѣльцы могли бы воспользоваться товарными складами и сложить въ нихъ свои продукты, но это сопряжено также съ большими неудобствами: громадныя разстоянія, расходы на перевозку, специальное обложеніе товаровъ, помѣщаемыхъ въ складахъ,—все это служитъ для земледѣльцевъ немалой помѣхой въ дѣлѣ полученія ими мобиліарнаго кредита. Отсюда необходимость регулировать вопросъ такъ, чтобы земледѣльцы могли получать подъ продукты земледѣлія мобиліарный кредитъ, оставляя эти продукты на мѣстѣ. Но, можетъ быть, этимъ дается толчекъ къ безразсудному полученію кредита, могущему ухудшить экономическое положеніе земледѣльца-арендатора. Это возраженіе было бы уместно, если бы земледѣльцу давалась возможность получать кредитъ для цѣлей спекулятивныхъ, для расширенія своего основного капитала. для расширенія арендуемой имъ площади. На самомъ же дѣлѣ законъ, ограничивая извѣстнымъ образомъ его кредитъ, даетъ ему только возможность увеличивать капиталъ оборотный, необходимый для закупки удобренія, для улучшенія породъ скота, даетъ ему возможность увеличить этотъ оборотный капиталъ, весьма быстро воспроизводимый, въ ожиданіи конъюнктуры, наиболѣе благопріятной для продажи его продуктовъ.

Съ этой цѣлью законъ ограничиваетъ предметы, подъ которые земледѣлецъ можетъ получить реальный кредитъ; такими предметами являются только продукты собранные и готовые, т. е. такіе, которые могли бы быть свезены на складъ. Но продукты, еще не собранные, хлѣбъ на корню и т. д., не могутъ служить предметомъ этого залога. Это ограниченіе, помимо причинъ, указанныхъ выше, оправдывается еще какъ интересами собственника арендуемой земли, гораздо легче осуществляющаго принадлежащее ему преимущественное право по отношенію къ хлѣбу, еще не собранному, такъ и интересами кредитора по залогу, требующими, чтобы залогъ заключалъ въ себѣ возможно меньше элементовъ риска. Не допускается, по новому закону, и залогъ

орудій земледѣльческаго производства, въ томъ числѣ и рабочаго скота ¹⁾.

Закладываемые предметы должны быть продуктомъ собственнаго производства закладчика. Храниться продукты эти должны либо на земляхъ, гдѣ они производятся, либо въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для земледѣльческаго производства (ст. 1). Если производитель самъ не является собственникомъ либо пользователемъ предпріятія, онъ долженъ извѣстить о фактѣ залога собственника арендуемаго участка, и послѣдній въ 12-ти-дневный срокъ можетъ протестовать противъ залога, если арендаторъ просрочилъ ему арендные платежи.

Въ цѣляхъ большаго обезпеченія кредитора по залогу, собственникъ продуктовъ считается хранителемъ ихъ и при отчужденіи или ухудшеніи ихъ отвѣчаетъ въ уголовномъ порядкѣ какъ за присвоеніе чужого имущества (abus de confiance—наказаніе до 2 лѣтъ тюрьмы).

Крупнымъ недостаткомъ этого закона является слѣдующее. Закладчикъ въ правѣ продать заложенные продукты, только освободивъ ихъ отъ залога, уплативъ по ваванту. Для этого необходимо найти послѣдняго держателя этого ваванта, свободно передаваемого по надписи. Правда, законъ (ст. 9) высказываетъ пожеланіе, чтобы всякій новый пріобрѣтатель ваванта заявлялъ о фактѣ пріобрѣтенія въ мировой судъ заказнымъ письмомъ, но это пожеланіе ничѣмъ не санкціонировано, что ставитъ закладчика, желающаго продать свои продукты, въ положеніе, крайне затруднительное ²⁾.

Законъ этотъ не оправдалъ, повидимому, тѣхъ надеждъ, какія на него возлагались. Уже въ 1903 г. былъ выработанъ правительствомъ проектъ измѣненія этого закона, но только въ 1906 г. былъ принятъ новый законъ, значительно видоизмѣняющій законъ 18 іюля 1898 г. Въ законѣ 1906 г. не перечислены продукты, которые могутъ быть вавантированы. Наоборотъ, всякому земледѣльцу дозволяется вавантировать всѣ земледѣльческіе или промышленные продукты его предпріятія, не являющіеся недвижностью по назначенію, включая сюда морскую соль и скотъ. Въ цѣляхъ большаго обезпеченія кредиторовъ по вавантамъ, дозволяется, въ отличіе отъ прежняго закона, вавантируемые продукты не только оставлять въ помѣщеніяхъ земледѣльца-закладчика, но и передавать на храненіе различнымъ синдикатамъ и сельскохозяйственнымъ товариществамъ, къ которымъ принадлежитъ закладчикъ, а также и любымъ третьимъ лицамъ по соглашенію сторонъ. Съ согласія кредитора по ваванту и при условіи, что заложенные продукты останутся въ помѣщеніяхъ земледѣльца, предназначенныхъ для земледѣльческаго производства, либо на земляхъ, гдѣ они производятся,—собственника земельного участка можно и не извѣщать о фактѣ залога. Но въ этомъ случаѣ преимущественныя права этого собственника остаются въ прежней силѣ.

¹⁾ См. объясн. къ закону 18-го іюля 1898 г. у Dalloz'a, за 1898 г., 4, стр. 89 и сл.

²⁾ См. Planiol, Droit civil, т. 2, стр. 857.

Кромѣ того, собственникъ можетъ отказаться отъ своихъ преимущественныхъ правъ въ размѣрѣ стоимости варранта, присоединивъ къ послѣднему и свою подпись. Закладчикъ можетъ погасить варрантъ и до срока; онъ въ правѣ продать заложенные продукты безъ согласія кредитора по варранту, но передать ихъ покупателю онъ въ правѣ, только освободивъ ихъ отъ залога. Предложенія о погашеніи залога направляются къ послѣднему держателю варранта, отмѣченному въ мировомъ судѣ. Остается еще добавить, что залогъ продуктовъ безъ соблюденія указанныхъ формальностей все же сохраняетъ свою силу въ отношеніи между сторонами, но не имѣетъ силы ни противъ арендодателя ни противъ третьихъ лицъ вообще ¹⁾.

А. Гойхбаргъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 121. 18 іюня 1911 г.

Ст. 1102. Объ утвержденіи общаго устава ярославскихъ городскихъ коммерческаго училища и торговой школы.

Ст. 1103. Объ утвержденіи устава художественно-ремесленной учебной мастерской по фотографическому дѣлу О. А. Аристакова въ г. Москвѣ.

Ст. 1104. Объ утвержденіи устава частныхъ вечернихъ бухгалтерскихъ курсовъ И. Г. Карелина въ г. Якобштадтѣ.

Ст. 1105. Объ утвержденіи устава частной торговой школы А. Т. Горохова въ г. Бердянскѣ.

Ст. 1106. Объ утвержденіи устава частныхъ вечернихъ курсовъ бухгалтеріи и коммерческой корреспонденціи на иностранныхъ языкахъ при частномъ женскомъ коммерческомъ училищѣ А. Г. Свида въ гор. Екатеринославѣ.

Ст. 1107. Объ учрежденіи въ м. Кривомъ Рогѣ, херсонскаго уѣзда и губерніи, должности полицейскаго пристава и его помощника.

№ 122. 18 іюня 1911 г.

Ст. 1108. Объ измѣненіи штата департамента государственнаго казначейства.

Ст. 1109. Объ учрежденіи казначействъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Ст. 1110. Объ освобожденіи городовъ лифляндской и эстляндской губерній отъ расходовъ по выдачѣ пособій государственному казначейству на содержаніе тюремной администраціи, по отопленію и освѣщенію тюремъ и по содержанію почтовыхъ станцій.

Ст. 1111. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на мѣропріятія по изученію офицерами военнаго вѣдомства восточныхъ языковъ.

Ст. 1112. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на сооруженіе каменнаго футляра надъ домикомъ Петра Великаго въ городѣ Архангельскѣ и на устройство Петровскаго музея и часовни.

Ст. 1113. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на изданіе журнала „Ежемѣсячникъ“.

Ст. 1114. О дополнительномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе

спеціальныхъ бюро при ученomъ комитетѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

Ст. 1115. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на оборудованіе механической лабораторіи института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I.

Ст. 1116. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе расходовъ, соединенныхъ съ выдачею ссудъ на сельскохозяйственные улучшения.

Ст. 1117. Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительныхъ кредитовъ на нѣкоторыя надобности по главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ и повѣрочнымъ палаткамъ.

Ст. 1118. Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на канцелярскіе и хозяйственные расходы пробирныхъ установлений.

Ст. 1119. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу попечительному совѣту ямбургскаго коммерческаго училища общества „Просвѣщеніе“ безпроцентной ссуды на постройку зданія для училища.

Ст. 1120. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу барвенковскому коммерческому училищу безпроцентной ссуды на постройку зданія для училища.

Ст. 1121. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу кременецкому коммерческому училищу безпроцентной ссуды на постройку зданія для училища.

Ст. 1122. Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства на покрытіе расходовъ по содержанію управленій казанскаго и харьковскаго учебныхъ округовъ.

Ст. 1123. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на увеличеніе содержанія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Ст. 1124. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на увеличеніе содержанія преподающихъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Ст. 1125. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу коннаго оклада ремонтныхъ денегъ нестроевымъ пѣшимъ казакамъ строевыхъ частей забайкальскаго, амурскаго и уссурийскаго казачьихъ войскъ.

Ст. 1126. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу пособія курсунскому, симбирской губ., ремесленному училищу.

Ст. 1127. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на расходы по выполненію архитектурныхъ чертежей бахчисарайскаго дворца.

Ст. 1128. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе двадцати двухъ судовыхъ священниковъ изъ бѣлаго духовенства.

Ст. 1129. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на изданіе журнала „Медицинскія Прибавленія къ Морскому Сборнику“.

Ст. 1130. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе вольнонаемной прислуги для женскаго барака при севастопольскомъ морскомъ корпусѣ.

Ст. 1131. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на изданіе санитарнаго отчета по флоту за время русско-японской войны.

Ст. 1132. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на ремонтъ одной изъ башенъ древней деревянной крѣпости въ г. Якутскѣ.

№ 123. 20 іюня 1911 г.

Ст. 1133. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе конвойныхъ командъ.

Ст. 1134. О безпошлинномъ и безакцизномъ отпускѣ на острова Новая Земля вѣкоторыхъ жизненныхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости.

Ст. 1135. О временномъ установленіи приплатъ

¹⁾ См. законъ 30 апрѣля 1906 года и объясненія къ нему у Dalloz'a, op. cit., за 1907 г., 4, стр. 8 и сл.

желѣзнымъ дорогамъ за счетъ казны разницы между провозною платою по дѣйствующему тарифу и вагововерстной ставкою за перевозъ овецъ изъ Европейской Россіи въ Азіатскую.

Ст. 1136. Объ увеличеніи окладовъ содержанія класснымъ фельдшерамъ управленія отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Ст. 1137. Объ усиленіи состава чиновъ податного надзора, о введеніи податной инспекціи въ закаспійской области и объ учрежденіи одной должности ревизора по податной части при департаментѣ окладныхъ сборовъ.

Ст. 1138. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на переустройство ярославскаго желѣзнодорожнаго узла.

Ст. 1139. Объ установленіи правилъ ликвидаціи эмеритальной кассы с.-петербургской пожарной команды.

Ст. 1140. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу слободскому уѣздному земству безпроцентной ссуды на погашеніе долговъ.

Ст. 1141. Объ установленіи для нѣкоторыхъ офицеровъ и классныхъ чиновъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи добавочныхъ квартирныхъ окладовъ.

Ст. 1142. Объ установленіи размѣра оборотныхъ капиталовъ казенныхъ жел. дорогъ.

Ст. 1143. Объ учрежденіи должностей мирового судьи въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ енисейской губерніи и якутской области, а также въ комчатской области.

Ст. 1144. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу пособія чинамъ общей полиціи и отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Ст. 1145. Объ увеличеніи окладовъ содержанія городовымъ нѣкоторыхъ полицейскихъ командъ и объ устройствѣ арестантскаго помѣщенія при квартирѣ полицейскаго надзирателя въ гор. Здолбуновѣ, волынской губерніи.

Ст. 1146. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе реальнаго училища въ гор. Екатеринодарѣ.

Ст. 1147. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на расходы по устраненію задолженности морского министерства.

Ст. 1148. Объ измѣненіи закона 16 января 1909 г. о закрытіи порто-франко по привозу иностранныхъ товаровъ въ пріамурское генералъ-губернаторство и забайкальскую область иркутскаго генералъ-губернаторства, объ отмѣнѣ статьи 939 устава таможеннаго (св. зак., т. VI, изд. 1904 г.) и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ тарифныхъ ставкахъ, установленныхъ закономъ 10 іюня 1900 года.

Ст. 1149. Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго пособія обществу для распространенія книгъ св. писанія въ Россіи.

Ст. 1150. О временномъ учрежденіи одностороннихъ и краткосрочныхъ курсовъ для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній.

№ 124. 21 іюня 1911 г.

Ст. 1151. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на постройку и оборудованіе подготовительнаго училища къ ремесленной школѣ при Императорскомъ Тульскомъ оружейномъ заводѣ.

Ст. 1152. О временномъ увеличеніи содержанія городовымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кубанской области.

Ст. 1153. Объ учрежденіи полицейскаго надзора при станціи „Голодная Степь“, средне-азіатск. желѣзной дороги.

Ст. 1154. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на удовлетвореніе педагогическаго персонала учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія добавочнымъ содержаніемъ за 1910 годъ.

Ст. 1155. Объ учрежденіи подготовительнаго училища къ ремесленной школѣ при Императорскомъ Тульскомъ оружейномъ заводѣ.

Ст. 1156. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе чиновъ управленія и охраны земель и лѣса военнаго вѣдомства при селѣ Шубковѣ, волынской губ.

Ст. 1157. Объ отпускѣ дополнительныхъ средствъ на содержаніе участковыхъ лѣчебницъ въ сырдарьинской, самаркандской и ферганской областяхъ.

Ст. 1158. Объ обращеніи на содержаніе Гольдингенскаго двухкласснаго министерск. училища средствъ, ассигнуемыхъ на жалованье учителю однокласнаго начальнаго училища прибалтійской, бывшей рижской, учительской семинаріи.

Ст. 1159. Объ учрежденіи въ городѣ Актюбинскѣ тургайской области, Маріинскаго женскаго училища.

Ст. 1160. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на увеличеніе содержанія и стипендій казеннокоштныхъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій.

Ст. 1161. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу третного не въ зачетъ жалованья учителямъ, не удовлетвореннымъ симъ довольствіемъ за время до 1911 года.

Ст. 1162. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Императорскаго московскаго техническаго училища и на покрытіе образовавшагося перерасхода по содержанію сего училища.

Ст. 1163. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на производство изысканій и составленіе проекта черноморской желѣзной дороги.

Ст. 1164. Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго пособія Императорскому московскому археологическому обществу на устройство археологическихъ сѣздовъ и изданіе ихъ трудовъ, а также на археологическія экскурсіи.

Ст. 1165. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе перерасхода по содержанію московскаго публичнаго и румянцовскаго музеевъ и на оборудованіе гравюрнаго отдѣленія и картинной галлерей означенныхъ музеевъ.

Ст. 1166. О разрѣшеніи приѣма въ число воспитанниковъ челябинской учительской семинаріи лицъ магометанскаго исповѣданія и о введеніи въ означенной семинаріи преподаванія магометанскаго вѣроученія и башкирскаго языка.

Ст. 1167. О предоставленіи министру путей сообщенія заказать въ 1911 году часть рельсовъ, скрѣпленій и подвижнаго состава, потребныхъ для казенныхъ дорогъ въ 1912 году.

Ст. 1168. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе перерасхода по постройкѣ московской обрुжной желѣзной дороги.

Ст. 1169. Объ установленіи для офицеровъ флотиліи отдѣльнаго корпуса пограничной стражи пенсій за плаваніе и пособій на воспитаніе дѣтей.

Ст. 1170. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на сооруженіе карсъ-сарыкамшской желѣзной дороги.

Ст. 1171. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе управленія владивостокскаго порта.

Ст. 1172. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство торговаго порта въ стрѣлечкой бухтѣ.

Ст. 1173. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на производство расчета съ нарочными за доставленныя ими телеграммы и судебныя заказныя письма.

Ст. 1174. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на строительныя надобности екатеринбургской художественно-промышленной школы.

Ст. 1175. Объ учрежденіи ковенскаго средняго сельскохозяйственнаго училища.

Ст. 1176. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на окончаніе работъ по орошенію сѣверо-восточной части Голодной степи.

Ст. 1177. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на возмѣщеніе тухменскому общественному капиталу сдѣланнаго изъ него позамышленія.

Ст. 1178. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на работы въ ревельскомъ портѣ.

Ст. 1179. О временномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе симферопольскаго кафедральнаго собора.

Ст. 1180. Объ измѣненіи порядка утвержденія уставовъ благотворительныхъ заведеній и правилъ для завѣдыванія ими.

№ 125. 23 іюня 1911 г.

Ст. 1181. О преобразованіи нѣжинскаго низшаго техническаго училища, имени А. О. Кушакевича, съ отдѣленіями сельскохозяйственно-техническимъ и слесарно-механическимъ, въ низшее механико- и сельскохозяйственно-техническое училище, того же имени, съ приготовительнымъ при немъ классомъ.

Ст. 1182. О смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ повинностей въ губерніяхъ: архангельской, астраханской, виленской, гродненской, ковенской, курляндской, оренбургской и ставропольской и смѣтахъ и раскладкахъ частныхъ повинностей дворянскихъ имѣній въ губерніяхъ: виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской, оренбургской, подольской и ставропольской.

Ст. 1183. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ денежномъ довольствіи чиновъ средне-азиатскихъ частей отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Ст. 1184. Объ установленіи штатовъ сыскныхъ отдѣленій въ областяхъ: сыр-дарьинской, самаркандской, ферганской, семирѣченской и закаспійской.

Ст. 1185. Объ установленіи новаго штата межевого отдѣленія войскового хозяйственнаго правленія за-байкальскаго казачьяго войска.

Ст. 1186. О педагогическомъ институтѣ имени Павла Григорьевича Шелупутина въ гор. Москвѣ.

Ст. 1187. Объ учрежденіи вологодскаго молочно-хозяйственнаго института.

Ст. 1188. Объ установленіи новыхъ расписанія квартирныхъ окладовъ для офицерскихъ, классныхъ и медицинскихъ чиновъ военнаго вѣдомства и военнаго духовенства туркестанскаго военнаго округа и расписанія мѣстностей сего округа по разрядамъ для исчисленія означенныхъ окладовъ.

Ст. 1189. Объ измѣненіи порядка кормового довольствія нижнихъ чиновъ 30 пограничной закаспійской бригады.

нія ген. Плаутинна, что князь Огинскій, по своимъ убѣжденіямъ, не могъ завѣщать своего состоянія русскому и православному лицу.

Гр. Потулицкій допрошенъ былъ нѣсколько разъ и въ первыхъ своихъ показаніяхъ подробно рассказывалъ о своихъ встрѣчахъ съ Дм. Вонлярлярскимъ.

Въ первый разъ онъ былъ вызванъ на свиданіе ораніенбаумскимъ полиціймейстеромъ Барклаемъ-де-Толли, который передалъ ему, что познакомился у герцогини Мекленбургской съ Дм. Вонлярлярскимъ. Последній, узнавъ, что у Барклая есть связи съ Западнымъ краемъ, просилъ устроить ему свиданіе съ Потулицкимъ и подробно разспрашивалъ о немъ, что произвело впечатлѣніе, будто онъ „нащупываетъ почву, какъ съ нимъ держаться“.

Первое свиданіе гр. Потулицкаго съ Дм. Вонлярлярскимъ подробно описано въ обвинительномъ актѣ. Второе свиданіе происходило въ Вильнѣ, передъ поѣздкой въ Ретово. Тамъ Вонлярлярскій, съ родословной Огинскихъ въ рукахъ, на которой были сдѣланы какія-то исправленія чернилами, доказывалъ свое родство съ Огинскими.

Третье свиданіе относится къ маю 1909 г. Тогда, между прочимъ, Дм. Вонлярлярскій рассказывалъ, что, какъ-то отецъ его говорилъ въ Англійскомъ клубѣ о желаніи продать имѣніе, и тов. мин. вн. дѣлъ Гурко посоветовалъ ему обратиться къ прис. пов. Казанджіеву. Когда Вонлярлярскіе познакомились съ Казанджіевымъ, послѣдній сказалъ имъ, что знаетъ о существованіи завѣщанія кн. Огинскаго и о томъ, что подъ нимъ подписались Михаловскій, Ольшевскій и какой-то ксендзъ.

Въ іюнѣ Казанджіевъ пріѣзжалъ въ Варшаву и предлагалъ свои услуги опеку, говоря, что поссорился съ Вонлярлярскими, и завѣщаніе можно купить у Монкевича.

На свидѣтеля все это дѣло произвело впечатлѣніе, что завѣщаніе подложно, и его не собирались представлять къ утвержденію, а просто хотѣли „шантажировать имъ законныхъ наследниковъ“.

Прис. пов. Пилецкій, напримѣръ, намекалъ гр. Потулицкому, какъ представителю опеки, что, въ случаѣ мирнаго окончанія дѣла, получить колоссальный гонораръ, причемъ давалъ понять, что сможетъ этимъ гонораромъ подѣлиться съ графомъ.

Затѣмъ свидѣтель даетъ подсчетъ имущества кн. Огинскаго: земельныхъ имуществъ около 70 тыс. дес., стоимость до 17 милл. руб., кромѣ того, онъ владѣлъ рядомъ домовъ стоимостью до 2½ милл. р. и имѣлъ наличныхъ—до 1 милліона рублей.

Оглашается рядъ телеграммъ, полученныхъ гр. Потулицкимъ отъ Вонлярлярскаго. Телеграммы эти заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, просьбы о свиданіяхъ, причемъ нѣкоторыя подписаны фамиліей „Ларскій“. Двѣ телеграммы адресованы въ Вильно въ тотъ день, когда Вонлярлярскій выѣхалъ туда на свиданіе съ гр. Потулицкимъ для совместной поѣздки въ Ретово, причемъ въ первой изъ нихъ, отправленной въ 12 ч. 44 м. дня, говорится въ нѣсколько туманныхъ выраженіяхъ о поискахъ какого-то завѣщанія. Оригиналы всѣхъ телеграммъ написаны рукою Длуголенскаго, который объявляетъ, что писалъ ихъ подъ диктовку Дм. Вонлярлярскаго и, въ связи съ этимъ, разыгрывается первый бой между подсудимыми.

Прося судъ, вообще, огласить всѣ свои объясненія, данныя судебному слѣдователю, Дм. Вонлярлярскій останавливается на первой изъ отмѣченныхъ выше телеграммъ и указываетъ, что о смерти кн. Огинскаго, послѣдовавшей въ день его отъѣзда въ Вильно, онъ узналъ лишь вечеромъ, что и отразилось на вечерней телеграммѣ. Утренняя же, посланная по объясненію Длуголенскаго, послѣ ихъ совместнаго завтрака въ ресторанѣ, никоимъ образомъ продиктована имъ быть не могла, такъ какъ отправлена она была изъ телеграфнаго отдѣленія на Измайловскомъ пр. (около квартиры Длуголенскаго) въ 12 ч. 44 м. дня, онъ же, Вонлярлярскій, жилъ на Кирочной и, если учесть время,

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

(Дѣло о подложн. духовнаго завѣщанія).

(Продолженіе ¹⁾)

Судъ оглашаетъ показанія неявившихся кн. М. С. Огинской, вдовы брата кн. Б. Огинскаго и одного изъ опекуновъ надъ его имуществомъ, гр. М. О. Потулицкаго.

Показанія двухъ первыхъ свидѣтелей ничего новаго въ дѣло не вносятъ, за исключеніемъ утвержде-

¹⁾ См. № 25 „Правда“.

то пришлось бы признать, что они завтракали чуть ли не в 10 час. утра. Къ тому же все утро Дм. Вонлярлярскій провелъ у себя на квартирѣ вмѣстѣ съ вызваннымъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу сенаторомъ Трусовичемъ, которому онъ передавалъ свою квартиру.

Послѣ обѣденнаго перерыва даетъ объясненія подсуд. Длуголенцкій.

Подсудимый доказываетъ, что въ дѣло онъ вовлеченъ исключительно Дм. Вонлярлярскимъ, который сначала убѣдилъ его заняться изысканіями въ области генеалогіи на предметъ установленія родственной связи между Огинскими и Вонлярлярскими. Длуголенцкій ѣздилъ въ Варшаву, работалъ въ библіотекахъ, въ архивѣ консисторіи, съ секретаремъ которой, Проневскимъ, онъ на этой почвѣ и познакомилъ Вонлярлярскаго, — но безуспѣшно. Вонлярлярскій все время убѣждалъ его, что титулъ и фамилія Огинскаго должны перейти къ нему, такъ какъ того хотѣлъ и Огинскій, убѣжденный, что правительство все равно не согласится на передачу его фамиліи, какъ послѣдняго представителя рода Рюриковичей, по лику Залусскому, причемъ Вонлярлярскій упорно старался найти завѣщаніе и просилъ подсудимаго познакомить его съ какимъ-нибудь варшавскимъ адвокатомъ, что онъ и исполнилъ, познакомивъ его съ пріѣхавшимъ къ нему по дѣлу прис. пов. Пилецкимъ.

Послѣ этого знакомства Вонлярлярскій сталъ говорить о завѣщаніи, „какъ о фактѣ“, и разъ даже телеграфировалъ ему изъ Риги, что оно найдено, и неоднократно высказывалъ пожеланіе перейти въ католичество, причемъ хотѣлъ обставить это возможно торжественнѣе, совершивъ обрядъ въ Римѣ или Краковѣ, убѣждая подсудимаго, что о завѣщаніи прекрасно извѣстно все и сен. Максимовичу.

Изложивъ рядъ фактическихъ обстоятельствъ, согласно съ обвинительнымъ актомъ, подсудимый утверждаетъ, что Вонлярлярскій убѣдилъ его въ необходимости составить подложное завѣщаніе послѣ своего возвращенія изъ Ретова, гдѣ, по его словамъ, княгиня и вся родня Огинскихъ приняли его чрезвычайно гостеприимно, причемъ княгиня намекнула ему, что ей пріятно было бы хоть какое-нибудь завѣщаніе, чѣмъ имѣть дѣло съ четырьмястами родственниками.

Желая держать въ рукахъ Вонлярлярскаго, подсудимый поручилъ поддѣлку подписи кн. Огинскаго Ярошевскому, и векорѣ Дм. Вонлярлярскій сообщилъ ему, что княгиня и гр. Потулицкій признали подпись.

Подсудимый „ничего не понималъ, что дѣлается, былъ очень удивленъ“ и окончательно изумился, когда узналъ, что завѣщаніе утверждено. Дм. Вонлярлярскій объяснилъ ему, что произошло это такъ легко потому, что министръ юстиціи по телефону сообщилъ председателю суда, что таково желаніе Государя.

Потомъ вдругъ оказалось, что заявленъ споръ о подлоти. Подсудимый потребовалъ объясненій отъ Вонлярлярскаго, и тотъ сказалъ ему, что въ Варшавѣ былъ съездъ польскихъ адвокатовъ, рѣшившій, что „въ данномъ положеніи Вонлярлярскій не можетъ наследовать Огинскому“, и послѣ этого княгиня и гр. Потулицкій измѣнили свое первоначальное намѣреніе. Вонлярлярскій убѣжденъ, что ничего серьезнаго въ этомъ нѣтъ и нужно только успѣть закончить дѣло, „пока не уволенъ въ отставку Крашенинниковъ“.

Подсудимый заявляетъ, что особой корысти онъ не преслѣдовалъ, помогая Вонлярлярскому только вслѣдствіе увѣреній его, что таково желаніе и Огинской, и, самое большое, надѣялся на то, что „наслѣдникъ подаритъ ему какой-нибудь домикъ въ „Краковѣ“, гдѣ онъ могъ бы успокоить свою старость“.

Въ остальныхъ показаніяхъ подсудимый придерживается обвинительнаго акта.

На вопросъ прис. пов. М. Л. Гольдштейна подсудимый признаетъ, что онъ... прикосновенъ и къ дѣлу Дандре!

Въ связи съ обвиненіями Длуголенскаго Дм. Вонлярлярскій указываетъ, что телеграфировалъ онъ ему изъ Риги о находкѣ не завѣщанія кн. Б. Огинскаго, а лишь копій завѣщанія его брата Михаила, что окр.

судъ и подтверждаетъ, по его ходатайству, оглашеніемъ ряда документовъ.

Третій день засѣданія спб. окружнаго суда начинается объясненіями подс. Ярошевскаго.

Подсудимый — въ арестантскомъ халатѣ. Онъ за подлогъ уже лишенъ всѣхъ особыхъ правъ. Свои объясненія онъ даетъ крайне подробно, начиная съ своего безотраднато дѣтства въ семьѣ отца своего, отставнаго чиновника, существовавшего съ семьей на пенсіи въ 4 р. 71 к. въ мѣс. Кое-какъ ему удалось выбиться на дорогу и получить мѣсто помощника бухгалтера въ витебскомъ городскомъ банкѣ. Тамъ онъ попалъ подъ начальство бухгалтера Шейнина, прославившагося впоследствии растратой въ 200 тыс. рублей.

Шейнинъ, подозрѣвая, что Ярошевскій сможетъ уличить его въ растратахъ, всячески преслѣдовалъ его и добился того, что директоръ банка Фабристовъ сталъ угрожать ему увольненіемъ. Увольненіе грозило полнымъ разореніемъ, и онъ рѣшился на какой-то подлогъ, за который и былъ осужденъ. Отбывъ наказаніе, онъ досталъ чужой паспортъ и пріѣхалъ въ Петербургъ искать работы. Лишь на третій годъ ему удалось получить мѣсто въ управленіи госуд. сберег. кассы на 25 руб. въ мѣсяцъ. Этого, конечно, не хватало, и онъ обратился къ проживавшей у Длуголенскаго своей сестрѣ съ просьбой найти ему дополнительный заработокъ.

Тогда Длуголенцкій сказалъ ему, что недавно умеръ какой-то очень богатый человекъ, который оставилъ послѣ себя „рукопись“. Родственники хотятъ имѣть подъ рукописью подпись покойнаго и просятъ сдѣлать ее, за что уплатятъ крупныя деньги. Длуголенцкій далъ Ярошевскому „дѣло о метрикахъ Огинскаго“ и просилъ скопировать подпись, чѣмъ послѣдній и занялся. Потомъ Длуголенцкій заявилъ, что эта подпись нужна подъ завѣщаніе. Содержанія этого завѣщанія подсудимый не зналъ, какъ не знаетъ и теперь, но Длуголенцкій заявлялъ, что въ дѣлѣ замѣшаны высокопоставленныя лица, которыя, въ случаѣ отказа помочь имъ, сумѣютъ отомстить. Поддѣлывать подписи приходилось дважды, причемъ работалъ онъ у Длуголенскаго, который часто вносилъ его работу въ другую комнату и такъ кому-то показывалъ, послѣ чего дѣлалъ ему тѣ или иные указанія. Говоря о высокопоставленныхъ лицахъ, Длуголенцкій въ ихъ числѣ называлъ и Вонлярлярскаго. Вторично поддѣлывалъ онъ подпись въ воскресенье, между 20 и 25 іюня.

Защитникъ длуголенскаго пом. пр. пов. Книрша, усмотрѣвъ незначительныя разногласія между объясненіями Ярошевскаго на судѣ и на предварительномъ слѣдствіи, просилъ огласить соответствующія мѣста, ссылаясь на разрѣшеніе правительствующаго сената отъ 1 февраля 1911 г.

Съ горячимъ протестомъ противъ этого выступилъ прис. пов. И. И. Бибиновъ, указавшій, что удовлетвореніе этого ходатайства противорѣчило бы духу судебныхъ уставовъ и всей практикѣ правит. сената отъ 60-хъ годовъ до 1 февраля 1911 г., установленной при участіи такихъ юристовъ, какъ сен. Буцковский, сен. Арцимовичъ и др., и признавшей, что оглашеніе безъ согласія подсудимаго его объясненій на предварительномъ слѣдствіи, роняло бы авторитетъ суда — гласнаго и устнаго. Выбирать между этимъ взглядомъ и спеціальнымъ рѣшеніемъ послѣдняго года не приходится.

Товарищъ прокурора Ненарокомовъ полагаетъ, что духу закона болѣе соответствуетъ послѣднее разрѣшеніе сената.

Послѣ совѣщанія судъ вынесъ постановленіе, въ которомъ указалъ, что „обязанъ подчиниться послѣднему разъясненію сената, какъ имѣющему для суда силу закона“ и потому удовлетворилъ просьбу пом. прис. пов. Книрши.

Длуголенцкій признаетъ, что онъ соблазнилъ Ярошевскаго, между прочимъ, обѣщаніемъ, что Вонлярлярскій выхлопочетъ ему Высочайшее помилованіе по прежнему дѣлу. А Ярошевскій добавляетъ, что, кромѣ того, Длу-

голенцкій угрожалъ ему и доносомъ, что тотъ живетъ по фальшивому паспорту.

Допрашивается ближайшій повѣренный кн. Б. Огинскаго и управляющій его дѣлами К. С. Аукштыкальнисъ. Свидѣтелю кн. Б. Огинскій опредѣленно говорилъ въ 1905 г., что завѣщанія у него нѣтъ и что онъ хочетъ учредить заповѣдное имѣніе, о содѣйствіи чему просилъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго.

Свидѣтель, между прочимъ, удостовѣряетъ, что кн. Б. Огинскій, дѣйствительно, имѣлъ обыкновеніе подписывать чистые листы бумаги, которые давалъ для заполнения по разнымъ дѣламъ свидѣтелю, причемъ свидѣтель все неиспользованные листы возвращалъ кн. Огинскому.

К. С. Аукштыкальнису кс. Стошко говорилъ, что къ нему приѣзжалъ какой-то господинъ и предлагалъ за завѣщаніе 20 тыс. руб.

Кн. Огинскій, по званію почетнаго мирового судьи, исполнялъ обязанность участковаго судьи и законы зналъ, а, слѣдовательно, зналъ и условія составленія завѣщанія.

Свидѣтель указываетъ еще одну несообразность, заключающуюся въ завѣщаніи: тамъ сказано, что „домъ на Караванной находится въ спорѣ“, между тѣмъ въ 1903 г., каковымъ годомъ помѣчено завѣщаніе, домъ этотъ въ спорѣ не находился.

Отглашается рядъ показаній заграничныхъ врачей, пользовавшихся покойнаго съ конца 1905 года, а также исторія его болѣзни. Все эти данныя съ несомнѣнностью указываютъ, что съ конца 1905 г. князь былъ вполне невмѣняемъ, ибо прогрессивный параличъ къ этому времени былъ уже вполне выраженъ. Изъ исторіи болѣзни видно, что больной, раздражался, грозилъ врачамъ заковать ихъ въ кандалы и отправить съ жандармами въ Россію, кричалъ, что засадить ихъ на 5 милліоновъ лѣтъ въ острогъ, будетъ бить кнутомъ и т. д. Затѣмъ онъ сталъ писать гр. Витте письма съ указаніемъ, на то, что „Россія погибаетъ“ и предлагалъ свои планы спасти Россію. Писалъ Государю Императору письма, въ которыхъ убѣждалъ короноваться въ Варшавѣ царемъ польскимъ. Мечталъ о тройственномъ союзѣ между Германіей, Англіей и Японіей. Больной требовалъ, чтобы жена родила ему 600 дѣтей и, наконецъ, сталъ считать себя императоромъ и папой римскимъ, грозилъ призвать 100 тысячъ казаковъ и разстрѣлывать нѣмцевъ и т. д.

Нѣсколько странный характеръ носятъ показанія садовника кн. Огинскаго Ваннаха. По его словамъ, кн. Огинскій сказалъ однажды ему, что наследство послѣ него перейдетъ въ русскую линію родни. Этотъ свидѣтель утверждаетъ, что кн. Огинскій считалъ себя родственникомъ дома Романовыхъ.

Архивариусъ прусскаго тайнаго королевскаго архива І. Пачковскій былъ, по его показаніямъ, приглашенъ кн. Огинской въ ея замокъ съ цѣлью разобрать семейный архивъ и поискать, нѣтъ ли тамъ бумагъ, устанавливающихъ родство Огинскихъ и Вонлярлярскихъ. Свидѣтель такихъ бумагъ не нашелъ, но нашелъ 6 или 7 бумагъ, имѣвшихъ отношеніе къ фамиліи Лярскихъ. Бумаги эти были переданы гр. І. Залусскому.

Э. А. Казнакова, бывшая въ первомъ бракѣ съ ген. Н. М. Вонлярлярскимъ, показываетъ, что за 19 лѣтъ ихъ совместной жизни, до самой смерти ея мужа, она никогда не слышала, чтобы у ея мужа были близкія отношенія съ княземъ Б. Огинскимъ и чтобы послѣдній предполагалъ оставить ея мужу свое состояніе.

Ген. Казнаковъ, бывший близкимъ другомъ Н. М. Вонлярлярскаго, подтверждаетъ это обстоятельство и, между прочимъ, отмѣчаетъ, что между братьями Н. и В. Вонлярлярскими отношенія были натянутыя, а послѣ женитьбы Вл. Вонлярлярскаго на женѣ своего брата—произошелъ полный разрывъ, и Д. Вонлярлярскій даже не раскланивался со своимъ дядей.

Вл. Вонлярлярскій возражаетъ противъ „фельетоннаго характера“ показаній ген. Казнакова, у котораго въ семьѣ было аналогичное „несчастье“.

Свидѣтель комиссіонеръ Перельмутеръ-Кушеръ показываетъ, что къ нему первому обратился Дм. Вонлярлярскій съ просьбой о содѣйствіи выясненію его родства съ Огинскими и нахожденію завѣщанія, но свидѣтель такими дѣлами не занимался и познакомилъ Вонлярлярскаго съ Длуголенцкимъ, какъ полякомъ, знающимъ польское общество. Вонлярлярскій обратился къ послѣднему съ такой же просьбой.

Этимъ ограничилась вся роль свидѣтеля. Длуголенскаго свидѣтель зналъ, но о прикосновенности его къ мостостроительнымъ операціямъ не слышалъ.

Перельмутеръ присутствовалъ при первомъ свиданіи Вонлярлярскаго съ Длуголенцкимъ и слышалъ, что первый убѣждалъ Длуголенскаго въ своемъ родствѣ съ Огинскимъ и въ томъ, что онъ является наследникомъ Огинскаго.

Какъ свидѣтель познакомился съ Дм. Вонлярлярскимъ, онъ не помнитъ, и сообщаетъ, что подсудимый какъ-то просилъ у него 50 тыс. руб. „на романовскій паркетъ“.

Такъ какъ изъ показанія Ольшевскаго выяснилось, что еще въ началѣ 1907 г. Длуголенцкій зналъ, что у одного изъ опекуновъ были подозрѣнія, не заключенъ ли Огинскій въ больницу насильно, то защита Дм. Вонлярлярскаго интересуется, не онъ ли сообщилъ объ этомъ подсудимому. Длуголенцкій отвѣчаетъ отрицательно. На аналогичный вопросъ отвѣчаетъ отрицательно и прис. пов. Пилецкій.

Тогда Дм. Вонлярлярскій доказываетъ, что именно Пилецкій убѣждалъ его въ этомъ.

— Что Пилецкій обманывалъ меня,—заявляетъ подсудимый,—я узналъ только изъ актовъ слѣдствія осенью 1910 г.

Передъ допросомъ свид. Млоцкаго подсудимый Казанджіевъ обращаетъ вниманіе на этого свидѣтеля. Млоцкій явился къ нему въ февралѣ 1910 года и сообщилъ, что завѣщаніе кн. Огинскаго подложно. Это страшно взволновало Казанджіева, и онъ тотчасъ же снесся съ остальными повѣренными Вонлярлярскаго—прис. пов. Бородинымъ, Адамчевскимъ и Васильевымъ—и потребовалъ объясненій, причемъ по этому поводу было даже особое совѣщаніе съ участіемъ упомянутыхъ лицъ, нѣкоего Вальцова, Е. Д. Данзаса и др. А по дорогѣ на это совѣщаніе онъ заѣзжалъ къ одному изъ повѣренныхъ законныхъ наследниковъ и выражалъ свое изумленіе, какъ при такихъ условіяхъ законные наследники хотятъ кончить дѣло миромъ.

— И все-таки сегодня ровно годъ, какъ я сижу въ тюрьмѣ!—восклицаетъ подсудимый.

Показанія Млоцкаго сводятся къ слѣдующему: въ 1908 г. къ нему обращался комиссіонеръ Леонтьевъ и просилъ достать нѣкоему капитану Вонлярлярскому, живущему на Моховой, за куртажную расписку въ 100 т. р. 30,000 руб., необходимые Вонлярлярскому на расходы по содержанію д-ра Мечке и адвоката Пилецкаго при князѣ Огинскомъ, котораго держатъ въ сумасшедшемъ домѣ, причемъ тамъ составляется духовное завѣщаніе въ пользу Вонлярлярскаго“.

Свидѣтель даже слышалъ, что дѣло шло о двухъ Вонлярлярскихъ—отцѣ и сынѣ.

Млоцкій объ этомъ и рассказалъ весной 1910 г. пов. Казанджіеву.

Четвертое засѣданіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія кн. Б. Огинскаго началось объясненіями прис. пов. Казанджіева. Подсудимый говоритъ, сильно волнуясь, поминутно потираетъ лобъ и нервно хватается за воротникъ.

Оставивъ въ 1905 г., вслѣдствіе крайняго нервнаго расстройства, чисто судебную практику, прис. пов. Казанджіевъ занялся практикой и скоро приобрѣлъ рядъ солидныхъ кліентовъ, какъ, напр., супруга министра юстиціи, г-жа Щегловитова, свиты Его Величества ген.-м. Орловъ и т. д. Въ 1908 г. по нѣкоторымъ дѣламъ съ дворянскимъ банкомъ и др. Казанджіевъ познакомился съ Дм. Вонлярлярскимъ. Въ апрѣлѣ 1909 г. послѣдній сказалъ ему, что ѣздитъ въ Ретово къ своему дальнему родственнику, который

оставляетъ въ его пользу завѣщаніе. При этомъ Дм. Вонлярлярскій намекнулъ, что Казанджіевъ понадобится ему, какъ повѣренный, который при своихъ связяхъ сможетъ ускорить утверждение завѣщанія.

Въ послѣдующія встрѣчи Дм. Вонлярлярскій разсказалъ ему сущность оставленнаго завѣщанія, совпадавшую съ сущностью того завѣщанія, которое потомъ было представлено въ судъ; показывалъ родословную, но не зналъ, было ли завѣщаніе нотаріальное или домашнее. Казанджіевъ объяснилъ ему, что если завѣщаніе окажется домашнимъ, то имѣній онъ получить не сможетъ. Это заключеніе онъ изложилъ, по просьбѣ Вонлярлярскаго, и письменно.

Въ началѣ мая Казанджіевъ предложилъ Вонлярлярскому заключить съ нимъ формальное соглашеніе, но послѣдній уклонился отъ этого, давъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Казанджіеву довѣренность и сказавъ, что 8-го или 4-го ждетъ изъ Ковно или Вильно телеграммы о представленіи завѣщанія въ судъ. Ожиданія эти длились до половины мая, а съ 14 мая Вонлярлярскій исчезъ до 21 мая. Въ это время, такъ впоследствии выяснилось, онъ ѣздилъ въ Варшаву и Ригу.

Явившись къ Казанджіеву 21 мая, Дм. Вонлярлярскій имѣлъ крайне разстроенный видъ и сказалъ, что теперь погибли его двухлѣтніе труды, такъ какъ умеръ митрополитъ Внуковский, знавшій, по его словамъ, о послѣдней волѣ Огинскаго.

Затѣмъ 22 мая, заѣхавъ къ Казанджіеву по дорогѣ на папихиду по Внуковскому, Вонлярлярскій сказалъ, что остается еще одна нить—разсказъ нѣкаго общественнаго дѣятеля изъ Варшавы, переданный ему со словъ покойнаго ген. Н. Вонлярлярскаго, что подъ завѣщаніемъ была подпись какого-то Ольшевскаго, котораго теперь и надо найти, начавъ поиски съ Петербурга.

Казанджіевъ посмотрѣлъ въ „Адресъ-Календаръ“ и, остановившись на С. Ольшевскомъ, какъ занимавшемъ наиболѣе солидное положеніе изъ всѣхъ остальныхъ, поѣхалъ къ нему. И, дѣйствительно, С. Ольшевскій призналъ, что именно онъ и былъ свидѣтелемъ подъ завѣщаніемъ кн. Огинскаго, назвавъ при этомъ фамилію другого свидѣтеля—Михаловскаго и объяснивъ, какъ его можно найти.

Далѣе прис. пов. Казанджіевъ разсказываетъ весь послѣдующій ходъ событій: засѣданія съ участіемъ Вл. Вонлярлярскаго и ген.-ад. Клейгельса, совѣты послѣдняго заинтересовать свидѣтелей въ поискахъ завѣщанія матеріально, бесѣды съ гр. Потулицкимъ, инцидентъ съ ген. Курловымъ и кс. Петкевичемъ,—причемъ повторяетъ въ этомъ отношеніи объясненія, данныя имъ на предварительномъ слѣдствіи, отмѣчая лишь, что всѣ его старанія получить за свою работу какое-либо вознагражденіе въ счетъ 30 т. р., обѣщанныхъ ему въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, оставались безрезультатными. Дм. Вонлярлярскій все время ограничивался обѣщаніями въ то время, какъ занималъ буквально все его время хлопотами.

12 іюня Казанджіевъ отъ своего знакомаго узналъ, что у Дм. Вонлярлярскаго нѣтъ ничего, и обратился къ его отцу. Тотъ обѣщалъ ему устроить авансъ на завтра, но на слѣдующій день ничего ему не сообщилъ, и прис. пов. Казанджіевъ, вернувшись Вонлярлярскимъ довѣренность и бывшія у него бумаги, отказался отъ дальнѣйшей работы, причемъ Вонлярлярскій не смогъ ему ничего заплатить за 1½ мѣс. работы.

Въ эти же дни, какъ впоследствии узналъ подсудимый, Михаловскій уже ѣздилъ по Западному краю, а Вл. Вонлярлярскій далъ своему сыну 2 тыс. руб.

Подсудимый былъ страшно раздосадованъ и тогда-то вотъ и обратился сначала черезъ Монкевича—къ гр. Залусскому, который, согласно черновику завѣщанія, сообщенному Казанджіеву Дм. Вонлярлярскимъ, наследовалъ Огинскому въ суммѣ 500 тыс. руб., а потому и къ гр. Потулицкому.

Въ своихъ показаніяхъ гр. Потулицкій сказалъ, что думаетъ, будто все это носило характеръ шантажа.

И дѣйствительно, какъ впоследствии узналъ подсудимый, гр. Потулицкій могъ такъ думать, когда Казанджіевъ пріѣхалъ къ нему въ Варшаву, ибо, оказалось, что Вонлярлярскій обманулъ гр. Потулицкаго, сказавъ ему, что о существованіи завѣщанія и объ Ольшевскомъ онъ узналъ именно отъ Казанджіева.

— Но,—сильно волнуясь, говорилъ прис. пов. Казанджіевъ,—если бы я былъ дѣйствительно способенъ на преступленіе, то, во всякомъ случаѣ, совершилъ бы его не изъ-за тѣхъ несчастныхъ 20—30 тыс. руб., о которыхъ могла идти рѣчь въ данномъ случаѣ, а хотя бы тогда, когда я получалъ сразу свыше чѣмъ по 500 тыс. руб. по порученію кн. Орлова, жившаго въ Парижѣ и даже не знавшаго никогда сроковъ, въ какіе я получаю деньги, такъ что я свободно могъ бы бѣжать съ ними въ Америку и даже въ Австралію.

Не принимавшаго съ половины іюня участія въ дѣлахъ Вонлярлярскихъ Казанджіева 5 августа, черезъ полчаса послѣ возвращенія его изъ Тамбова, куда онъ ѣздилъ по дѣлу, вызвалъ къ телефону Вл. М. Вонлярлярскій и, сообщивъ, что завѣщаніе найдено, заявилъ, что онъ не можетъ обойти его, Казанджіева, и проситъ принять участіе въ хлопотахъ по утвержденію завѣщанія. Подсудимый былъ боленъ и сначала наотрѣзъ отказался, но Вл. Вонлярлярскій убѣдилъ его. Послѣ этого, отвезя въ тотъ же день, по просьбѣ Вл. Вонлярлярскаго, въ Гатчино къ его сыну фотографическій снимокъ съ завѣщанія, Казанджіевъ заключилъ соответствующее условіе съ главнымъ повѣреннымъ прис. пов. Адамчевскимъ, ѣздилъ съ нимъ по дѣламъ въ Вильно и т. п. Въ вильнѣ онъ узналъ, что 16 августа тамъ состоится съѣздъ всѣхъ наследниковъ кн. Огинскаго и посоветовалъ Вл. Вонлярлярскому послать на съѣздъ Адамчевскаго. Но Вл. Вонлярлярскій отвѣтилъ, что такъ какъ, вѣроятно, противъ завѣщанія будутъ споры, то открываться теперь было бы нецѣлесообразно, ибо это дало бы протестантамъ возможность возбудить споръ въ охранительномъ порядкѣ, если же завѣщаніе утвердить раньше, то спорить противъ него придется уже въ порядкѣ исковомъ.

19 августа Дм. и Вл. Вонлярлярскіе, въ сопровожденіи сенатора Максимовича, поѣхали въ судъ и представили завѣщаніе къ утвержденію, которое предполагалось 26 августа, но въ этотъ день узнали, что послѣднее отложено на 2 сентября. Въ этой задержкѣ Вл. Вонлярлярскій обвинялъ почему-то Адамчевскаго и началъ говорить о желательности замѣны его другимъ лицомъ.

Въ это же время шли переговоры о повышеніи гонорара Адамчевскому, ибо ему назначено было всего 100 т. р. съ расходами и оплатой труда прис. пов. Казанджіева включительно. На повышеніе Вонлярлярскіе не соглашались, и разговоры по этому поводу часто обострялись,—однажды,—то того, что прис. пов. Адамчевскій крикнулъ Влад. Вонлярлярскому:

— А сколько вы платите за содѣйствіе ген. Клейгельсу?—причемъ дѣло чуть не кончилось оскорбленіемъ дѣйствіемъ.

А черезъ два дня въ дѣло уже вступилъ въ качествѣ главнаго повѣреннаго прис. пов. Д. Н. Бородинъ, рекомендованный имъ сенаторомъ Максимовичемъ, выговорившій себѣ 12% вознагражденія, изъ коего 1/10 уступалъ Казанджіеву...

Послѣ четырехчасовыхъ объясненій, у прис. пов. Казанджіева пропалъ голосъ и, по его ходатайству, продолженіе его объясненій было отложено судомъ на нѣкоторое время.

Въ три часа дня началъ свои, продолжавшіеся почти до 10 час. веч., объясненія, подсуд. Дм. Вонлярлярскій.

Подс. Дм. Вонлярлярскій прежде всего указываетъ, что фамилію Огинскихъ онъ впервые услышалъ въ связи съ своимъ именемъ осенью 1907 г. въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ Гааги, сопровождая председателя конференціи—нашего посла въ Парижѣ Нелидова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя особую миссію въ связи съ ожидавшимся пріѣздомъ на французскіе маневры начальника русскаго генеральнаго штаба ген. Палицына.

Въ Гаагѣ онъ познакомился съ массою дипломатовъ и представителей печати и потому нисколько не удивился, когда къ нему въ Парижѣ, въ ресторанѣ Пайяра, подошелъ какой-то господинъ и спросилъ, не Лярскій ли онъ и не родственникъ ли онъ кн. Огинскихъ. Подсудимый отвѣтилъ на послѣдній вопросъ отрицательно и, не придавая никакого значенія разговору, скоро забылъ о немъ. Но въ ноябрѣ 1907 г. тотъ же господинъ, оказавшійся варшавскимъ прис. пов. Пилецкимъ, явился къ нему въ Петербургъ и рассказалъ, что у ген. Вонлярлярскаго въ Варшавѣ онъ видѣлъ какое-то завѣщаніе кн. Огинскаго въ пользу ген. Вонлярлярскаго и подсудимаго, подписанное въ числѣ другихъ свидѣтелей и какимъ-то Ольшевскимъ.

Дм. Вонлярлярскій повѣрилъ прис. пов. Пилецкому, главнымъ образомъ, потому, что тотъ не просилъ у него денегъ, и сталъ наводить справки о родствѣ Вонлярлярскихъ и Огинскихъ и, во всякомъ случаѣ, данныхъ, которыя „опровергали бы возможность родства“, онъ не получилъ.

Послѣ этого, Перельмутеръ-Кущеръ познакомилъ его съ Длуголенскимъ, котораго онъ и просилъ заняться болѣе детальнымъ собираніемъ справокъ, причемъ его поразило, что и Длуголенскій оказался поразительно безкорыстнымъ человѣкомъ. Однако, въ первый же день знакомства Длуголенскій сталъ говорить подсудимому, что въ опекѣ большіе нелады, и онъ можетъ устроить Вонлярлярскаго соопекуномъ, причемъ тотъ получить даже вознагражденіе.

Но такъ какъ подсудимаго интересовало вовсе не это, а раскрытіе того, кто же, въ концѣ концовъ, кн. Огинскій и въ какомъ онъ находится отношеніи къ Вонлярлярскимъ, то онъ, подсудимый, и предложилъ Длуголенскому заняться именно этими вопросами. Однако, вмѣсто этого, Длуголенскій, съѣздивъ зачѣмъ-то въ Варшаву и вернувшись оттуда, все продолжалъ свои разговоры объ опекѣ.

Такъ ничего нужнаго добиться не удалось, и подсудимый „готовъ былъ забыть объ этомъ дѣлѣ, если бы не одно обстоятельство“. Въ началѣ января 1908 г. Длуголенскій вызвалъ Дм. Вонлярлярскаго къ себѣ, и онъ засталъ у него какого-то господина въ полицейской формѣ, оказавшагося ораніенбаумскимъ полиціе-мейстеромъ Барклаемъ-де-Толли. Послѣдній въ разговорѣ сказалъ, что онъ университетскій товарищъ князей Огинскихъ; съ графомъ же Потулицкимъ „на ты“.

Подсудимый воспользовался случаемъ и просилъ Барклая рассказать объ Огинскихъ подробнѣе. Вотъ тогда-то онъ и узналъ, что существуетъ нѣкій князь Богданъ Огинскій, который сошелъ недавно съ ума и помѣщенъ въ больницу. Тогда, въ виду слуховъ о завѣщаніи, подсудимый просилъ Барклая-де-Толли устроить ему свиданіе съ гр. Потулицкимъ и былъ очень удивленъ, когда черезъ нѣсколько дней гр. Потулицкій явился.

Подсудимый настаиваетъ на томъ, что это было въ январѣ 1908 г., а не въ 1909 году, какъ утверждаютъ самъ гр. Потулицкій, Длуголенскій, свидѣтели и обв. актъ,—и подтвержденіе своимъ объясненіямъ подсудимый видитъ въ показаніяхъ самого гр. Потулицкаго, который сказалъ, что былъ вызванъ ораніенбаумскимъ полиціе-мейстеромъ Барклаемъ, между тѣмъ какъ въ январѣ 1909 г. Барклая былъ уже переведенъ въ Ямбургъ. Кроме того, въ январѣ именно 1908 г. гр. Потулицкій прописанъ въ „Hôtel Belle-Vue“, въ то время какъ въ январѣ 1909 г. такой прописки нѣтъ. И наконецъ, въ январѣ 1909 г. у подсудимаго родилась дочь и была при смерти жена, благодаря чему онъ все время проводилъ дома и не могъ такъ часто завтракать и обѣдать съ гр. Потулицкимъ въ различныхъ ресторанахъ, какъ это указывается въ объясненіяхъ послѣдняго.

То обстоятельство, что онъ имѣлъ первое свиданіе съ Потулицкимъ въ 1908 г., радикально мѣняетъ всю постановку дѣла, ибо гр. Потулицкій говоритъ, что онъ именно въ первое свиданіе услышалъ отъ Вонлярлярскаго, что о завѣщаніи ему извѣстно отъ „одного господина изъ Варшавы“, т. е. Пилецкаго. Значитъ, по мнѣнію Дм.

Вонлярлярскаго, это, дѣйствительно, такъ и было и его объясненія о ресторанѣ Пайяра и визитѣ Пилецкаго къ нему въ ноябрѣ 1907 г. въ Петербургѣ вѣрны, какъ вѣрно и то, что о завѣщаніи онъ узналъ отъ Пилецкаго. И, наоборотъ, невѣрны показанія Длуголенскаго и самого Пилецкаго, что послѣдній вступилъ въ дѣло и познакомился съ Вонлярлярскимъ уже осенью 1908 г., когда персія о завѣщаніи существовала помимо него. Наконецъ, не будь Пилецкій въ этотъ визитъ знакомъ уже съ нимъ, онъ бы не рискнулъ явиться къ нему въ первый разъ ночью, прямо на бивакъ, въ палатку, какъ это видно изъ тѣхъ же объясненій Длуголенскаго.

Послѣ перваго свиданія съ гр. Потулицкимъ, которое ничего опредѣленнаго не выяснило, графъ прислалъ подсудимому родословную Огинскихъ. Изъ нея было видно, что родства не существуетъ, но, такъ какъ графъ предупредилъ его, что за достовѣрность родословной не ручается, то онъ продолжалъ наводить справки.

Пилецкій приѣзжалъ въ 1907 г. къ подсудимому и до сѣняго визита—въ апрѣлѣ—и предлагалъ услуги по розыску завѣщанія, но такъ какъ тогда онъ заговорилъ объ авансѣ, то подсудимый опредѣленнаго отвѣта не далъ.

Однако, потомъ, Длуголенскій сталъ доставлять ему копіи съ документовъ, доказывавшихъ существованіе родства. Теперь подсудимому кажется, что копіи эти были фальшивыя, такъ что онъ даже „не просилъ“ слѣдователя истребовать ихъ оригиналы изъ госуд. архива, увѣренный, что таковыхъ тамъ не находится, но тогда они побудили его согласиться на сдѣланное Пилецкимъ, во время его третьяго визита, предложеніе похвать въ Герлицъ, и отдать ему 300 или 500 р. на расходы.

Послѣ отъѣзда Пилецкаго, онъ получилъ черезъ Гаагу таинственнымъ образомъ исчезнувшее потомъ письмо за подписью „В. Oginsky“ съ приглашеніемъ въ Герлицъ. Теперь онъ не убѣжденъ, что оно было настоящимъ, и думаетъ, что Пилецкій могъ изготовить его, чтобы поднять свои фонды, такъ какъ черезъ нѣсколько дней послѣ того получилась отъ него просьба выслать денегъ, и подсудимый въ два—три приѣма, дѣйствительно, подъ вліяніемъ этого письма выслалъ ему нѣсколько тысячъ.

Возвратившись, Пилецкій сказалъ, что князь умственно здоровъ, и тогда-то подсудимый и камергеръ Бюнтингъ и составили прошеніе о его переосвидѣтельствѣ, каковое прошеніе Пилецкій повезъ опять въ Герлицъ для подписи.

Возвращаясь къ письму за подписью „В. Oginski“, подсудимый доказываетъ его существованіе, въ чемъ обв. актъ готовъ усомниться, и говорить, что о немъ было извѣстно близкимъ людямъ еще до пропажи.

Пилецкій продолжалъ требовать изъ Герлица денегъ и, въ концѣ концовъ, телеграфировалъ, что князь увезенъ въ Ретово.

Вонлярлярскій ѣздилъ послѣ этого въ Варшаву требовать отъ Пилецкаго деньги обратно, въ виду неисполненія имъ порученія, и тамъ Пилецкій сказалъ ему, что о завѣщаніи должны знать ксендзы.

Вотъ тогда онъ и рѣшилъ обратиться къ ксендзамъ.

Дальнѣйшія событія подс. Вонлярлярскій изображаетъ, какъ чью-то колоссальную интригу, причемъ дѣлаетъ прозрачныя намеки, что въ ней замѣшано, съ одной стороны, духовенство, а съ другой—Проневскій и Длуголенскій. Впрочемъ, тутъ же подсудимый оговаривается, что въ общемъ онъ католическое духовенство уважаетъ и подозреваетъ, что ксендзы, являвшіеся къ нему, „были поддѣльными“, а за настоящими—скрывался Проневскій, вымогавшій у него деньги. Такъ, когда явилась необходимость вызвать камергера папы римскаго Прополяниса, оказалось, что ему нужно послать на дорогу 1 тыс. руб., а, между тѣмъ, потомъ выяснилось, что эти деньги присвоилъ Проневскій и т. п.

Затѣмъ Дм. Вонлярлярскій передаетъ, что къ нему явился какой-то совсѣмъ особый прелатъ, выдававшійся среди остальнаго духовенства „высокой культурностью“ и своимъ французскимъ языкомъ. Прелатъ этотъ, отъ

имени митрополита Внуковского, предложил ему в обмен за завещание Огинского, перейти в католичество.

По справкам департамента духовных дел видно, что в 1908 г. в России подходящих по описаниям прелатов было лишь двое—какой-то австрийский князь и ксендз, а ныне митрополит—Ключинский. Предполагая, что у него мог быть последний, подсудимый вызвал его в качестве свидетеля, но митрополит Ключинский за четыре дня до процесса уехал за границу, и своих объяснений в этой части подсудимый „определенно подтвердить не может“.

Во всяком случае, подсудимый отказался переходить в католичество из денежных соображений, и между ним и духовенством произошел разрыв.

Оставалось вновь вернуться к гр. Потулицкому, что подсудимый и сделал, съехавшись с ним 4 или 5 апреля в Вильну, уже после смерти кн. Огинского. Похал он, между прочим, и потому, что „смерть князя обязывала его рассказать родным покойного все, что он знает по делу о завещании“, тем более, что еще раньше Монкевич дал ему „копию завещания“, о которой сенатор Максимович и одно лицо, высоко стоящее в судебных сферах и очень „свидущее в гражданском праве“,—между прочим рекомендовавшее ему прис. пов. Казанджиева,—отзвались, как о чепухе, которую только и мог написать такой чудаки и оригиналы, как кн. Огинский.

В Вильну гр. Потулицкий предложил ему поехать вместе в Ретово, где он был принят очень гостеприимно и пробыл четыре дня. Подтверждая, в общем, показания об этом моменте кн. Огинской, Дм. Вонлярлярский заявляет, что там он условился с гр. Потулицким познакомить его в Варшаву с Пилецким.

Выехав из Ретова в Варшаву, он напрасно продолжал там графа 4 дня и, поняв, что их вопрос о завещании не интересует, решил, „что светская любезность и его обязывает не посылать им тех доказательств существования завещания, которые он обещал им послать“, и к которым и относилась его телеграмма из Варшавы к Длуголенцкому: „Приготовьте все, как следует...“, понимая теперь, как сигнал к подлогу.

Из Варшавы он вернулся в Петербург в день смерти митрополита Внуковского и на похоронах впервые увидел капеллана Петкевича, с которым заговорил о завещании. Ответы его были такого рода, что дали ему, Вонлярлярскому, основание следовать в отношении Петкевича советам ген. Клейгельса, тем более, что он был уверен, что человек, носящий генераль-адъютантский мундир, не станет рекомендовать ему предосудительных действий.

Однако, воздействие на кс. Петкевича через ген. Курлова не понравилось, и ему и вот тогда-то, в вид извинения, он и послал ему Распятие, купленное за 65 р. в магазин Фраже.

Предполагать, как это делает обвинительный акт, что он хотел подкупить кс. Петкевича, нельзя, ибо „было бы чудовищным, если бы он послал, а Петкевич принял Распятие в вид платы за преступление“.

Затем, подходя к моменту появления завещания, подсудимый обходит его молчанием, и говорит только, что конец мая и начало июня он проболел, а затем переехал в лагерь и ушел на маневры, за все это время сделав только одну вещь—подписав прошение о передаче ему титула. Все же остальное делалось без его участия. Кем?—подсудимый умалчивает.

Наконец, Дм. Вонлярлярский с особой подробностью останавливается на посланных им уже после утверждения завещания письмах гр. I. Залусскому и кн. Огинской, что он откажется от своих прав „в случае представления данных юридического и нравственного характера, подрывающих ценность завещания“, и заявляет, что один этот факт должен бы доказывать его невиновность в подлоге, тем более, что он уполномочил прис. пов. Бородину, в случае получения от

этих лиц ответа, прекратить дело об утверждении в правах наследства.

Но ни гр. Залусский, ни кн. Огинская ему не ответили.

Отмечая далее, что многих доводов он не приводил на предв. следствии, так как, по его мнению, дело против него тогда должно было бы прекратить, и это дало бы основание говорить, что тут действовали связи, поэтому, он предпочел оставить все до суда, чтобы общественная совесть дала ему право сохранить для семьи и честное имя.

Заключая свои объяснения, подсудимый говорит, что у него за время заключения умер ребенок и два раза была при смерти жена, а между тем, если он в чем-либо и виноват, то во всяком случае вина его не такова, чтобы давала право обращаться с ним, как с мошенником. И он уверен, что и присяжные заседатели, понав в то положение, в каком находился он, наделали бы много ошибок.

Затем объявлен был перерыв до 1 ч. дня 6 мая.

6-й день заседаний суда начинается объяснениями подсуд. прис. пов. Пилецкого.

Подсудимый доказывает, что, будучи в конце лета 1908 г. в Петербурге и обратившись за какой-то справкой к Длуголенцкому, он впервые услышал от него фамилию Вонлярлярского, которому, по словам Длуголенца, нужен был варшавский адвокат для какой-то поездки за границу. И вот тогда то, познакомившись на биваке с Вонлярлярским, он узнал, что Вонлярлярский родственник кн. Огинского, которого, по его словам, родные заперли в сумасшедший дом, чтобы помешать ему распоряжаться имуществом. Вонлярлярский просил его поехать в Герлиц, узнать о состоянии здоровья кн. Огинского, спросить, где хранится его завещание, и дать князю подписать продиктованное Вонлярлярским подсудимому письмо на французском языке с приглашением приехать к нему в Герлиц, причем предложил подсудимому за это 3 тыс. руб.

Пилецкий поехал в Герлиц со своей переводчицей Меллер, но там узнал, что кн. Огинский куда-то увезен на некоторое время женою. Пилецкий ждал его дней 7—8, но затем получил телеграмму от Вонлярлярского с просьбой вернуться немедленно в Петербург, где дал ему для подписания князем проект прошения о переосвидетельствовании, с каковым прошением он и отправился вторично в Герлиц. Здесь он князя опять-таки не нашел, причем к 20 сентября выяснилось, что князь окончательно увезен женою в Ретово. Послав об этом конспиративную телеграмму Вонлярлярскому, Пилецкий счел свою миссию конченной и уехал в Варшаву.

В ноябре 1908 года он был вызван на свидание приехавшим в Варшаву Дм. Вонлярлярским, который просил его реализовать принадлежащие ему акции Андреевского общества. Пилецкий исполнил поручение Дм. Вонлярлярского, причем к исполнению этого поручения и относится обмен телеграммами, которые теперь относятся к подлогу.

Вонлярлярский говорил, что он хотел требовать от подсудимого 6 тыс. руб., якобы данных ему на хлопоты в Герлиц, причем он, Пилецкий, требования этого так и не исполнил. Однако, это невероятно уже потому, что, если бы Пилецкий, действительно, получил деньги от Вонлярлярского и недобросовестно задержал их, то отказаться от возвращения их он не мог, так как свидание в Варшаву происходило в квартире прокурора судебной палаты, в ведомстве которого подсудимый непосредственно состоял, как присяжный поверенный того же округа. Наконец, тот же Вонлярлярский передает, что в этот приезд он впервые услышал от подсудимого о существовании завещания, подписанного Ольшевским. Это невероятно уже потому, что свидание происходило в день, по его собственному признанию, подтвержденному другими обстоятельствами дела, лишь в мае 1909 года. Ни о каком подложном завещании не было между ними разговора и во время третьего

свиданія ихъ въ маѣ 1909 г., когда Вонлярлярскій былъ въ Варшавѣ по дорогѣ изъ Ретова. Наконецъ, онъ видѣлся съ Вонлярлярскимъ осенью 1909 года уже послѣ утвержденія завѣщанія, причемъ въ разговорѣ, Дм. Вонлярлярскій просилъ его засвидѣтельствовать передъ Вл. М. Вонлярлярскимъ, что онъ и есть тотъ господинъ, который имѣлъ съ нимъ въ Парижѣ въ 1907 году свиданіе въ ресторанѣ Пайяра. Вонлярлярскій увѣрилъ его, что этотъ случай дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но что тотъ господинъ, который говорилъ съ нимъ у Пайяра, теперь при смерти и только потому не можетъ самъ подтвердить этотъ фактъ его отцу.

Прис. пов. Пилецкій повѣрилъ слову гвардейскаго офицера и говорилъ съ Вл. Вонлярлярскимъ, а впоследствии съ прис. пов. Бородинымъ, Казанджіевымъ и Адамчевскимъ. Затѣмъ Дм. Вонлярлярскій поручалъ ему отдѣльныя дѣйствія по введенію его въ права по наслѣдству.

Пилецкій далѣе останавливается на вопросѣ о французскомъ письмѣ съ приглашеніемъ въ Герлицъ и опровергаетъ существованіе этого письма, и, во всякомъ случаѣ, связь письма съ его визитомъ въ августѣ 1908 г. на бивакъ къ Вонлярлярскому.

Дм. Вонлярлярскій, ведшій себя во время объясненій Пилецкаго, очень неспокойно, на что было обращено даже вниманіе председателемъ суда, возражая противъ показаній Пилецкаго, дополняетъ свои прежнія объясненія слѣдующимъ рассказомъ. Послѣ возбужденія дѣла о подлогѣ завѣщанія на имя министра юстиціи получено было письмо неизвестной дамы, подписанное несуществующей фамиліей и посвященное, по мнѣнію Дм. Вонлярлярскаго, „провокаціонный характеръ“. Въ письмѣ говорилось, что Вонлярлярскій невиноватъ въ подлогѣ завѣщанія, оно—подлинно, и все дѣло объясняется интригами кн. Огинской и гр. Потулицкаго. Почеркъ этого письма показался Дм. Вонлярлярскому подозрительнымъ, и онъ просилъ слѣдователя сравнить этотъ почеркъ съ почеркомъ переводчицы Пилецкаго г-жи Меллеръ, причемъ было установлено сходство этихъ почерковъ.

Подсудимый ходатайствуетъ объ оглашеніи этого, но судъ отказывается, такъ какъ результаты этой экспертизы въ данный моментъ, за отсутствіемъ въ залѣ экспертовъ, проверить нельзя.

Защитникъ Пилецкаго прис. нов. В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, для характеристики нѣкоторыхъ частей объясненій Дм. Вонлярлярскаго, ходатайствуетъ объ оглашеніи: 1) результатовъ дознанія о кражѣ изъ барака у Дм. Вонлярлярскаго и 2) справки банкирскаго конторы „Кафталъ, Гандельманъ и Ко“. Изъ послѣдней видно, какое „употребленіе“ хотѣлъ сдѣлать Дм. Вонлярлярскій изъ данной ему Монкевичемъ копіи завѣщанія, значенія которой онъ, по его словамъ, не понималъ.

Судъ въ оглашеніи этихъ документовъ отказывается, и тогда прис. нов. В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ проситъ судъ о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля директора конторы. Прокуроръ не протестуетъ противъ удовлетворенія этого ходатайства, но судъ отказываетъ и въ этомъ.

На предложеніе защитника, не расскажетъ ли самъ подсудимый, Дм. Вонлярлярскій, чѣмъ окончилось дознаніе о произведенной у него изъ барака кражѣ, „въ результатѣ которой, по словамъ подсудимаго, на столѣ, гдѣ лежало ранѣе французское письмо, найдена была кучка пепла“,—Дм. Вонлярлярскій отказывается замятованіемъ, но изъ оглашеннаго затѣмъ мѣста обв. акта, видно, что послѣ кражи Вонлярлярскій никому о пропажѣ письма не говорилъ.

Изъ оглашенныхъ справокъ объ отлучкахъ Пилецкаго изъ Варшавы видно, что онѣ совпадаютъ съ тѣми отлучками, о которыхъ онъ говорилъ.

Дм. Вонлярлярскій обращаетъ вниманіе суда на слѣдующія даты: онъ былъ арестованъ 6 мая и далъ объясненія о Пилецкомъ, 21 мая сознался Ольшевскій, а 25 мая Пилецкому послана была сыномъ его, Юріемъ, телеграмма съ вызовомъ въ Петербургъ.

Вл. Мих. Вонлярлярскій, объясняетъ, что телеграмма эта была послана по его настоянію, такъ какъ ему было обидно, что въ то время, какъ сынъ его

арестованъ, а Ольшевскій сознался,—Пилецкій находится на свободѣ, ибо Вл. Вонлярлярскій былъ убѣжденъ, что виною всему Пилецкій, въ честность котораго Дм. Вонлярлярскій всегда глубоко вѣрилъ, и который всегда утверждалъ, что, въ случаѣ возникновенія сомнѣній въ подлинности завѣщанія, онъ сумѣетъ тотчасъ же ихъ опровергнуть.

Тов. прокурора Ненарокомовъ, желая показать, что Пилецкій, вопреки его утвержденіямъ, былъ въ Петербургѣ осенью 1907 года, просилъ объ оглашеніи части осмотра бумагъ, взятыхъ у подсудимаго по обыску. Изъ этого осмотра оказывается, что у Пилецкаго было найдено письмо, адресованное ему въ Петербургъ, Караванная, 28, кв. 34, отъ 22 сентября 1907 г.

Подсудимый въ сильномъ волненіи вскакиваетъ и заявляетъ, что такого письма у него найдено быть не могло, ибо онъ не былъ въ то время въ Петербургѣ. Въ виду этого, председатель отдаетъ распоряженіе о вскрытіи конвертовъ съ подлинными вещественными доказательствами, и стороны, при общемъ напряженномъ вниманіи, приступаютъ къ ихъ осмотру.

Послѣ осмотра тов. прокурора Ненарокомовъ заявляетъ, что слѣдователь, кажется, обозначавшую мѣсяцъ цифру „1“ или „2“ принялъ за цифру „9“ и потому, вмѣсто „22 января“ или „22 февраля“ получилось „22 сентября“.

Тов. прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе суда, что Д. Вонлярлярскій относитъ знакомство съ Пилецкимъ къ октябрю въ обѣихъ версіяхъ своихъ показаній (Петербургъ и Парижъ), а между тѣмъ, Вл. Вонлярлярскій показывалъ, что о завѣщаніи Огинскаго и о родствѣ съ нимъ Дм. Вонлярлярскій рассказывалъ ему и матери еще въ сентябрѣ 1907 г.

Судъ послѣ этого возвращается къ допросу свидѣтелей и первымъ допрашивается гр. Тышкевичъ.

Послѣ оглашенія показанія переводчицы прис. пов. Пилецкаго, г-жи Меллеръ, въ общемъ, подтверждающей объясненія подсуд. Пилецкаго и утверждающей, что, по полученіи свѣдѣній о возбужденіи предварительнаго слѣдствія Пилецкій „проклиналъ отца и сына Вонлярлярскихъ“, втянувшихъ его въ „такую грязь“,—оглашаются показанія б. ораніенбаумскаго полиціимейстера Барклая де-Толли.

Свидѣтель показалъ, что его познакомилъ съ Дм. Вонлярлярскимъ Длуголенскій въ октябрѣ 1907 г., причемъ Дм. Вонлярлярскій, узнавъ, что свидѣтель хорошо знакомъ съ кн. Огинскимъ, сказалъ, что онъ—родственникъ Огинскаго, ждетъ отъ него наслѣдства и спросилъ, гдѣ находится сейчасъ кн. Б. Огинскій, бывають ли у него *intervalla lucida*, и нельзя ли устроить такъ, чтобы кн. Б. Огинскій во время одного изъ свѣтлыхъ промежутковъ принялъ его. Но затѣмъ Дм. Вонлярлярскій, освѣдомившись, что Барклай-де-Толли друженъ и даже „на ты“ съ граф. Потулицкимъ, сталъ просить свидѣтеля устроить ему свиданіе съ графомъ, что тотъ и исполнилъ, вызвавъ графа въ Петербургъ. Барклай-де-Толли присутствовалъ при ихъ свиданіи и удостовѣрялъ, что Вонлярлярскій говорилъ гр. Потулицкому то же, что и ему, свидѣтелю.

Послѣ свиданія гр. Потулицкій уѣхалъ въ Варшаву и вскорѣ прислалъ оттуда Барклаю-де-Толли родословную Огинскихъ, съ просьбой передать таковую Дм. Вонлярлярскому.

Вторая встрѣча Барклая-де-Толли съ Дм. Вонлярлярскимъ относится къ марту 1909 года, когда свидѣтель также былъ вызванъ въ Петербургъ Длуголенскимъ, который просилъ его сѣздить съ Дм. Вонлярлярскимъ въ Ретово къ Огинскимъ. Свидѣтель соглашался на это, если ему дадутъ отпускъ. Тогда Дм. Вонлярлярскій въ тотъ же день поѣхалъ къ губернатору Зиновьеву, и Барклаю-де-Толли былъ разрѣшенъ отпускъ. Послѣ этого Барклай-де-Толли выѣхалъ въ Вильну, а черезъ сутки туда же пріѣхалъ и Дм. Вонлярлярскій. Тамъ они встрѣтились съ гр. Потулицкимъ и поѣхали въ Ретово, а Барклай-де-Толли—по своимъ дѣламъ въ Ригу.

Въ третій и послѣдній разъ Барклай-де-Толли видѣлъ

Дм. Вонлярлярскаго въ іюні 1909 г. въ ресторанѣ Лейнера. Тамъ ему Дм. Вонлярлярскій сказалъ, что ходятъ слухи, будто послѣ Огинскаго осталось завѣщаніе въ его пользу, и ему даже удалось найти трехъ свидѣтелей, подписавшихся подъ завѣщаніемъ,—самого же завѣщанія никакъ обнаружить не удается.

Неожиданно послѣ оглашенія показанія Барклая-Толли пожелалъ дать объясненія подсуд. Михаловскій.

Объясненія Михаловскаго продолжались около трехъ часовъ.

Началь Михаловскій съ заявленія, что съ самаго начала слѣдствія онъ, „какъ полякъ, держался строгаго нейтралитета“, ибо и безъ того ему пришлось выслушать слишкомъ много упрековъ за содѣйствіе составленію завѣщанія, по которому польскія земли переходили въ русскія руки. Но разъ теперь онъ ужъ рѣшился дать объясненія, то долженъ прежде всего сообщить суду „важную тайну“.

Кн. Богданъ Огинскій былъ „вѣщеноснаго происхожденія“, а его подсудимаго, родные были знакомы съ кн. Михаиломъ Огинскимъ, и самъ подсудимый является сыномъ вовсе не мѣщ. Михаловскаго, а знатнаго князя—рюриковича. Документы о его рожденіи затерялись, и это приводило его мать въ такое отчаяніе, что въ концѣ концовъ она утопилась.

Однако, какъ бы то ни было, личность кн. Богдана Огинскаго была для него, подсудимаго, полна „особаго обаянія“.

Кн. Б. Огинскаго подсудимый зналъ. Въ іюлѣ 1903 г. онъ встрѣтилъ князя въ Ригѣ, и послѣдній просилъ его подписаться свидѣтелемъ подъ его завѣщаніемъ. Завѣщаніе было переписано находившимся тутъ же Монкевичемъ, а подписано, кромѣ подсудимаго, случайно бывшимъ въ Ригѣ Ольшевскимъ и какимъ-то ксендзомъ, подпись котораго была прикрыта пропускной бумагой, такъ что другіе свидѣтели ее не видѣли. По завѣщанію, состояніе князей должно было перейти къ какому-то русскому, кажется, къ Вонлярлярскому, причемъ написано оно было въ двухъ экземплярахъ. Монкевичъ, Ольшевскій и онъ, подсудимый, по просьбѣ князя, „который былъ большимъ чудачкомъ и оригиналомъ“, подписались на обоихъ экземплярахъ, ксендзъ же—на одномъ, причемъ этотъ экземпляръ и былъ данъ княземъ на храненіе подписавшемуся ксендзу. Второй же экземпляръ, на случай исчезновенія перваго у ксендза или утери имъ завѣщанія, данъ былъ княземъ на храненіе другому ксендзу.

Послѣ этого Михаловскій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятъ былъ своими дѣлами и о завѣщаніи не вспоминалъ. Но въ началѣ лѣта 1909 г. ему пришлось быть по своему дѣлу у Ольшевскаго, и послѣдній сообщилъ, что князь Огинскій скончался, и повѣренный Вонлярлярскаго ищетъ завѣщаніе, о существованіи котораго Вонлярлярскому, какъ оказалось, было извѣстно.

Ольшевскій познакомилъ Михаловскаго съ Казанджеевымъ, а послѣдній—съ Дм. Вонлярлярскимъ, и начались совместные поиски завѣщанія, причемъ, въ возмѣщеніе расходовъ, подсудимому, Ольшевскому и Монкевичу выданы были „промессы“ или, вѣрнѣе, „памятныя записки“ на крупныя суммы денегъ.

Завѣщаніе не находилось, а тутъ еще гр. Потулицкій сталъ выражать сомнѣніе, не мошенники ли они. Это страшно оскорбило подсудимаго, ибо онъ, если бы не несчастный случай, владѣлъ бы „титломъ и гербомъ выше гр. Потулицкаго“. Къ тому же, онъ, подсудимый, по свойству натуры своей, не способенъ на преступленіе, такъ какъ „выше всего на свѣтѣ цѣнитъ свободу“ и не пошелъ бы на него изъ-за одной боязни лишиться ее и попасть въ положеніе, когда „за мигъ блаженства онъ былъ бы готовъ отдать полъ міра“. Да, наконецъ, онъ вовсе и некорыстолюбивый человѣкъ, такъ какъ даже въ тѣ моменты, когда не имѣлъ ни копѣйки въ карманѣ, ложился каждый вечеръ на кровать съ довольной улыбкой и съ сознаніемъ, что за то „онъ вольный сынъ эмира“.

Въ виду такой оскорбительности для него подозрѣнія гр. Потулицкаго, онъ рѣшился, во что бы то

ни стало, найти завѣщаніе и, пользуясь субсидіями со стороны Ольшевскаго, поѣхалъ по Западному краю искать одного изъ ксендзовъ, у которыхъ хранилось завѣщаніе. Никакихъ денегъ отъ Вонлярлярскихъ на эти поѣздки онъ не бралъ, установленныя же конспиративныя телеграфныя сношенія за это время между нимъ и Дм. и Вл. Вонлярлярскими относятся къ порученіямъ земельного характера, которыя они дали ему при отпущеніи въ поѣздку.

Поѣздка его никакихъ результатовъ не дала, но, когда онъ вернулся въ Петербургъ, оказалось, что отысканъ, въ лицѣ военнаго капеллана Петкевича, ксендзъ, хранившій второй подлинный экземпляръ завѣщанія—съ двумя свидѣтельскими подписями. Чтобы придать завѣщанію болѣе законный характеръ и большій вѣсъ, ксендза Петкевича уговорили подписаться третьимъ свидѣтелемъ. Но потомъ кс. Петкевичъ, побоявшись раскрытія того, что онъ подписался заднимъ числомъ, и также враждебнаго отношенія, которое будетъ вызвано къ нему въ польскомъ обществѣ переходомъ имущества кн. Огинскаго къ русскому, кс. Петкевичъ потребовалъ сожженія завѣщанія, что и было исполнено.

Такимъ образомъ, одинъ экземпляръ подлиннаго завѣщанія погибъ.

Но, въ концѣ концовъ, когда въ августѣ изъ Сибири пріѣхалъ кс. Домбровскій, оказалось, что онъ и есть хранитель завѣщанія съ тремя подписями. Это завѣщаніе было представлено въ судъ. Однако, какъ потомъ подсудимому признался Длуголенцкій, тогда поднялась цѣлая буря среди польскаго общества, недовольнаго переходомъ польскихъ земель въ русскія руки, и среди католическаго духовенства, раздраженнаго тѣмъ, что завѣщаніемъ не оговоренъ переходъ Вонлярлярскаго въ католичество.

Подъ влияніемъ этой травли Длуголенцкій уже въ концѣ августа составилъ подложное завѣщаніе съ этой оговоркой и пытался убѣдить Вонлярлярскаго, что подлинно—это, составленное имъ завѣщаніе, а представленное въ судъ—подложно. Однако, до представленія этого втораго завѣщанія въ судъ, подлинное завѣщаніе было утверждено, и вся комбинація Длуголенцкаго пропала.

Тогда онъ выдумалъ другое и подкупилъ Монкевича, Ольшевскаго и др. сознаться въ томъ, что представленное въ судъ и утвержденное завѣщаніе подложно и поддѣлано якобы ими. За такое признаніе кс. Домбровскому, напримѣръ, обѣщана была спокойная жизнь въ Америкѣ и рента въ 6 тыс. долларовъ ежегодно.

Не говорилъ же всего этого подсудимый на предв. слѣдствіи потому, что хотѣлъ сказать только суду.

Этимъ закончилось засѣданіе 6-го мая.

Въ началѣ шестого засѣданія суда, 7 мая, подс. Михаловскій, на вопросы своего защитника прис. пов. В. Генкена, дополнительно объясняетъ, что его лично пытались подкупить 5 января 1910 г., когда въ конторѣ нотаріуса Андреевскаго, при составленіи запродажной на имѣніе нѣкоего помѣщика Курдюмова, ему, подсудимому, отъ имени гр. Потулицкаго предложено было 100 тыс. руб. за заявленіе, что завѣщаніе подложно и поддѣлано имъ. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что одинъ изъ экземпляровъ подложнаго духовнаго завѣщанія былъ уничтоженъ кс. Петкевичемъ по настояніямъ кс. Коревича, выражавшаго мнѣніе всего католическаго духовенства.

Цитируя то объясненіе, которое предъявлено ему по обвинительному акту (руководительство подлогомъ и подкупъ), подс. Вл. М. Вонлярлярскій обращаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на то обстоятельство, что, хотя всѣ подсудимые уже дали объясненія, ни въ одномъ изъ этихъ объясненій его имя ни разу не встрѣтилось, и остается только изумляться, на основаніи какихъ данныхъ его предали суду.

Вл. М. Вонлярлярскій устанавливаетъ, прежде всего, что слышалъ онъ о завѣщаніи и родствѣ съ Огинскими отъ сына въ августѣ 1907 г., т. е. задолго до знакомства его сына съ Длуголенцкимъ. Затѣмъ, отмѣчая, что послѣ ликвидаціи милостію Государя

„ошибки“, допущенной имъ въ молодости, онъ мечталъ оставить семью честное имя, подсудимый говорить, что послѣ женитьбы сына, отношенія между ними испортились и создались, вмѣстѣ съ тѣмъ, обостренныя отношенія между фамиліями Вонлярлярскихъ и Набоковыхъ. Слѣдствіемъ же этого явилось отстраненіе сына отъ отцовскаго попеченія о немъ, причемъ всѣ эти междусемейныя отношенія, какъ это ни странно подсудимому, нашли отраженіе и въ обвинительномъ актѣ и во всей постановкѣ настоящаго дѣла.

Послѣ гаагской поѣздки сына, которая почему-то внушала подсудимому смутныя подозрѣнія, сынъ вновь напомнилъ ему объ Огинскихъ и спросилъ, не состоятъ ли они въ родствѣ.

Подсудимый допускаетъ, что онъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ допущеніемъ возможности родства, ибо родъ Вонлярлярскихъ, происходящій изъ смоленской губерніи, находился въ родствѣ со многими знатыми литовско-польскими фамиліями. Кромѣ того, онъ, подсудимый, былъ друженъ 39 лѣтъ тому назадъ съ кн. Мих. Огинскимъ и даже былъ „первымъ кавалеромъ его жены на первомъ ея придворномъ балу“. Наконецъ, отецъ подсудимаго былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ матерью князей Огинскихъ, графиней Калиновской. Отношенія эти были настолько близкими, что, во всякомъ случаѣ, „Вонлярлярскіе были послѣдними, которые могли искать наслѣдство послѣ Огинскихъ“, такъ какъ при существовавшихъ взаимоотношеніяхъ, впечатлѣніе получалось такое, что „его сынъ ищетъ наслѣдство послѣ дяди“.

Во всякомъ случаѣ, какую бы позицію въ этомъ дѣлѣ ни занялъ его сынъ, онъ, подсудимый, въ 1907—1908 г. никакого отношенія къ дѣлу имѣть не могъ, такъ какъ, благодаря обнаруженію, какъ разъ въ это время, золота на Чукотскомъ носу, онъ былъ очень занятъ. Къ тому же сынъ ему сказалъ, что, вѣроятно, будетъ усыновленъ кн. Огинскимъ, и это ему, подсудимому, какъ отцу, было крайне тяжело и непріятно.

Во время хлопотъ о концессіи (это была не та концессія, — оговаривается подсудимый, — о которой въ теченіе 10 лѣтъ писали въ газетахъ) онъ принялъ, по просьбѣ сына, по дѣлу о „романовскомъ паркетѣ“, подс. Длуголенцаго. При этомъ присутствовалъ товарищ подсудимаго по лицу г. Кованько, который предупредилъ подсудимаго, что съ Длуголенскимъ нужно держаться осторожно.

Подсудимый передалъ это сыну, но, такъ какъ Кованько не пользовался симпатіями родныхъ жены послѣдняго, то сынъ не обратилъ на это никакого вниманія.

Обращаясь затѣмъ къ своимъ денежнымъ дѣламъ, подсудимый находитъ, что „не время и не мѣсто говорить о нихъ съ этой скамьи и въ этихъ стѣнахъ“. Вонлярлярскій отмѣчаетъ, что, въ противность утвержденіямъ обвинит. акта, въ 1908 г. дѣла его матеріальныя были въ особо-блестящемъ положеніи благодаря находкѣ золота на Чукотскомъ носу. И потому совершенно не является страннымъ, что въ это время онъ, до известной степени, субсидировалъ сына, оплачивая розыски и справки по разслѣдованію вопроса о родствѣ между Огинскимъ и Вонлярлярскимъ.

Помимо дѣлъ съ концессіей, по которымъ свидѣтелю пришлось ѣздить въ Парижъ, подсудимаго въ это время постигла чрезвычайно опасная болѣзнь, и считать, что онъ въ то время могъ руководить подлогомъ—„pompens“, тѣмъ болѣе, что отношенія между нимъ и сыномъ къ этому времени обострились до того, что надъ подсудимымъ за то, что онъ „всегда былъ человѣкомъ идейнымъ“, хотѣли учредить опеку. И, во всякомъ случаѣ, будь онъ ближе къ дѣлу, онъ сумѣлъ бы охранять сына отъ сношеній съ католическимъ духовенствомъ, на роли котораго въ этомъ дѣлѣ стоитъ призадуматься,—въ особенности послѣ объясненій Михаловскаго.

Въ 1908 г. и въ половинѣ 1909 г. подсудимый никакого отношенія не имѣлъ и къ подсудимымъ: съ варшавскимъ прис. пов. Пилецкимъ впервые встрѣтился въ августѣ 1909 г. и отнесся къ нему съ довѣріемъ.

Проневскаго, Ярошевскаго, Монкевича и т. д. подсудимый никогда не видѣлъ. Съ прис. пов. Казанджіевымъ, рекомендованнымъ его сыну ген. Гурко, онъ познакомился раньше, но и до сихъ поръ убѣжденъ въ полной непричастности прис. пов. Казанджіева къ дѣлу.

Обращаясь затѣмъ къ моментамъ отъ іюня 1909 г. и до конца, Вл. М. Вонлярлярскій въ подробномъ анализѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла доказываетъ свою полную невиновность и подчеркиваетъ, что именно онъ ввелъ въ дѣло по розыску завѣщанія председателя суд. палаты сенатора Максимовича и ген.-ад. Клейгельса, что при соучастіи его въ подлогѣ было бы актомъ величайшаго безумія.

Сдѣлавъ же онъ это для того, чтобы все-таки былъ нѣкоторый контроль и надзоръ надъ его сыномъ, отъ руководства которымъ онъ, подсудимый, изъ-за семейныхъ распрій былъ отстраненъ. Подсудимый увѣренъ, что, будь онъ въ маѣ 1909 г. ближе къ дѣлу, ничего не произошло бы.

Въ изложеніи развитія событій за май—іюнь 1909 г. В. М. Вонлярлярскій заявляетъ, что послѣ свиданія ген. Клейгельса съ Петкевичемъ ген. Клейгельсъ не передалъ ему предупрежденія ксендза о возможности подлога и необходимости осторожно держаться съ Длуголенскимъ. Произошло это потому, что кс. Петкевичъ при свиданіи „такъ волновался, такъ мамлилъ и путался“, что ген. Клейгельсъ просто не могъ понять, что онъ говорить.

Въ связи съ этимъ у подсудимаго стало вырабатываться впечатлѣніе, что къ его сыну дѣйствительно присосались какіе-то люди, которые, пользуясь его неопытностью, эксплуатируютъ его, и онъ понемногу сталъ сокращать свой интересъ къ дѣлу, чѣмъ объясняется и то, что они по денежному вопросу разошлись съ прис. пов. Казанджіевымъ, несмотря на все довѣріе, которое онъ къ нему питалъ, что доказывается хотя бы тѣмъ, что, какъ только завѣщаніе нашлось, онъ снова обратился къ прис. пов. Казанджіеву.

Къ тому же, онъ, подсудимый, сталъ жить въ то время уединенно, ибо занимался ликвидаціей своихъ дѣлъ, чтобы „послѣ его смерти никто не могъ предать его анаемѣ“.

За все это время есть одно доказательство его прикосновенности—написанная его почеркомъ телеграмма на имя Михаловскаго: „ждите завтра“. Но эта телеграмма была написана имъ подъ диктовку сына, у котораго болѣла рука послѣ ушиба въ автомобилѣ. И если виновность подсудимаго будутъ строить на такихъ уликахъ, „то ему остается только кричать“...

Личныя же отношенія подсудимаго за этотъ періодъ, то есть до конца іюля, съ Адамчевскимъ объясняются исключительно предложеніемъ послѣдняго обмѣнять одно изъ имѣній подсудимаго на домъ епископа Роопа, а также предложеніемъ ему Адамчевскимъ, бывшимъ одно время французскимъ консуломъ въ Ригѣ, организовать черезъ Рижскій портъ вывозъ лѣса.

Такъ наступило 1—2 августа, то есть моментъ, особенно инкриминируемый подсудимому по обвин. акту, согласно которому, именно, при участіи Вл. М. Вонлярлярскаго, 2 августа былъ найденъ кс. Домбровскій, и появилось завѣщаніе, такъ какъ Дмитрія Вонлярлярскаго въ этотъ день въ Петербургѣ не было, а Адамчевскій узналъ о завѣщаніи лишь 3 августа.

По объясненію подсудимаго, 1 августа онъ ѣздилъ въ Петергофъ къ своей дочери на крестины внука. Крестины происходили вечеромъ,—это онъ помнитъ потому, что во время крестинъ потухло электричество—и вернулся въ Петербургъ лишь 2-го днемъ, причемъ отправился обѣдать въ „Медвѣдь“, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться со своимъ младшимъ сыномъ Андреемъ, уѣзжавшимъ въ Финляндію. Въ ресторанъ долженъ былъ пріѣхать и Дмитрій изъ Гатчино, но не пріѣхалъ. Изъ ресторана, подсудимый пошелъ къ себѣ въ конецъ Фурштатской пѣшкомъ и былъ дома уже въ 10 час. веч. Дома онъ получилъ телеграмму сына: „Не могу пріѣхать вслѣдствіе Высочайшаго присутствія“, относившуюся, само собою разумѣется, къ ожидавшемуся пріѣзду сына въ „Медвѣдь“. Прокуратура думаетъ, что

эта телеграмма явилась ответом на уведомление, посланное сыну, что подлог совершен, но такого уведомления быть и не было. Подс. Вонлярлярский утверждает, что о нахождении завещания он узнал, действительно, 2 августа вечером, после получения телеграммы от сына, от прис. пов. Адамчевскаго, протелеграфировавшего ему об этом из ресторана Лейнера. Подсудимый просил Адамчевскаго немедленно приехать к нему, но Адамчевский был „несовсем трезв“ и приехать не мог. Тогда уже около 1 ч. ночи подсудимый отправил в Гатчину телеграмму: „Хранитель найден и т. д.“.

Эти обстоятельства, устанавливающие, что подсудимый узнал о нахождении завещания от Адамчевскаго, вполне определенно опровергали, по мнению подсудимаго, предъявленное к нему обвинение, но, когда эту хронологию дня подсудимый изложил судебному следователю Юревичу, тот ответил, что это — чепуха, ибо всем предыдущим расследованием уже установлено, что Адамчевский узнал о завещании не второго августа, когда подсудимый послал свою телеграмму, а лишь третьего. И вот это-то третье августа и привело подсудимаго на скамью, с которой ему теперь приходится говорить.

— Между тем, — страшно волнуясь, говорит подсудимый, — за два дня до процесса, в тайниках 10-ти томов следствия, я совершенно случайно нашел одно вещественное доказательство, которое никому из подсудимых и защитников неизвестно и судебным следователем Юревичем, чтобы иметь возможность создать обвинение против меня, не включено в акт осмотра вещественных доказательств. Документ этот: телеграмма прис. пов. Адамчевскаго прис. пов. Опнелю от 2 августа о том, что завещание найдено!

Это обстоятельство, в связи с фразой Дм. Вонлярлярскаго, сказанной судебному следователю по поводу вышеупомянутой телеграммы Михаловскому: „я логически не могу объяснить себе сношений между отцом и Михаловским“ — и привели Вл. Вонлярлярскаго, по его мнению, на скамью подсудимых, тем более, что по обв. акту, незадолго до ареста сына, они вели разговоры о подлоге.

— И вот, — говорит подсудимый, — я должен вам сказать, что, если вы оправдаете сына — я не оправдаю; если вы его простите — я не прощу, и именно потому, что он посмел усомниться в отце. А что касается до разговора якобы о подлоге, то это полный абсурд, ибо если бы сын, офицер полка, в котором 20 лет служил мой отец, командир роты, которой командовал мой отец, сознался мне в подлоге, я мог бы ответить ему только одним: пусти себя пулю в лоб!

Подсудимый в изнеможении опускается на скамью и просит назначить перерыв. Но сейчас же вскакивает, видимо, возмущенный, бледный, как полотно, Дм. Вонлярлярский и просит слова для возражений отцу. Однако, слово ему дано не было в виду того, что Вл. Вонлярлярским объяснения закончены не были.

После перерыва подс. Вл. М. Вонлярлярский продолжал анализ событий, в связи с своим участием в них, начиная с 3 августа.

Подсудимый отмечает, что именно по его настояниям у нотариуса Клокоцкого „вырвано было из рук ксендза Домбровскаго завещание“, чем разрушена была возможность осуществить план по краже чемодана с завещанием во время поездки кс. Домбровскаго к епископу Цепляку.

В вечернем заседании подсудимый начинает с заявления, что пригласить в дело еще одного адвоката, кроме Адамчевскаго и Казанджиева, он решил после какой-то ошибки в формальностях, допущенной Адамчевским. Прис. пов. Д. Н. Бородин приглашен был по рекомендации сенатора Максимовича, и подсудимый

только в этом приглашении и признает себя виновным, ибо, по его словам, Бородин повел себя так, что сын подсудимаго оказался в полном у него подчинении. Приписывая Д. Н. Бородину целый ряд действий, противоречащих адвокатской этике, подсудимый, вместе с тем, доказывает, что еще в конце августа 1909 г., когда не были даже выработаны окончательно условия вступления Д. Н. Бородина в дело, последний знал о том, что завещание подложно, и никого не предупредил, и даже, наоборот, поставившись „защитником лично себя“, не воспользовался данным ему полномочием в любой момент прекратить дело об утверждении завещания, а содействовал дальнейшему его движению.

Делает этот вывод подсудимый из того, что при первом его визите к Д. Н. Бородину во время их разговора присутствовал помощник Бородина Познанский, по словам Бородина — его доверенное лицо. Между тем, при следующем визите Вонлярлярскаго к Д. Н. Бородину Познанский уже не присутствовал, и Д. Н. Бородин на вопрос подсудимаго объяснил, что Познанский, как поляк, не нашел возможным участвовать в этом деле. И вот в этот-то самый момент, как указывает подсудимый, в польском обществе и духовенстве и стали говорить о том, что завещание подложно.

Вл. М. Вонлярлярский видит в своем привлечении к суду перенесение на судебную арену „ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем“, что „новых листьев в лавровый венок юстиции не влететь“.

В 9 ч. веч. Вл. Вонлярлярский, в виду усталости, просит разрешения закончить свои объяснения в следующее заседание, и окр. суд переходит к допросу следующего по списку свидетеля.

В конце вечернего заседания начал объяснения подсуд. Проневский.

Признавая себя виновным, в подлоге завещания, как он описан в обв. акте, Проневский говорит, что согласился он на подлог только потому, что Длуголенцкий и Дм. Вонлярлярский уверили его, что у Дм. Вонлярлярскаго есть „черновая подлинной воли“ кн. Б. Огинскаго, и дело идет только о том, чтобы эту подлинную волю оформить, причем, по особым условиям дела, этот оформленный черновик будет затем Высочайше утвержден, как подлинное завещание.

Поручение найти переписчика для завещания подсудимому дал Дм. Вонлярлярский при отъезде в Ретово в присутствии Длуголенскаго, причем сказал последний, „позаботится об остальном“. По просьбе же Дм. Вонлярлярскаго, Проневский познакомил его с кс. Каревичем, через посредство которого Вонлярлярский рассчитывал добиться свидания с кн. Б. Огинским. Когда кс. Каревичу не удалось устроить такое свидание, Проневский, по настоянию Дм. Вонлярлярскаго, обратился к кан. Прополянису, но и тот после переговоров с еписк. Цытовтом отказался от всякого содействия Дм. Вонлярлярскому, который при его поддержке хотел подкупить завещание для поднесения больному князю.

Когда первое из подложных завещаний, по требованию кс. Петкевича, было уничтожено, и об этом Проневским сообщено Дм. Вонлярлярскому, последний, видимо, не веря этому, потребовал, чтобы Проневский дал ему, по крайней мере, вырвать из завещания подпись кн. Огинскаго. Встретив и в этом отказ, Вонлярлярский стал грозить, что лишит себя жизни в квартире Проневскаго, а затем ушел, не прощаясь. Это уничтоженное завещание Дм. Вонлярлярский предполагал представить на утверждение в ковенский окр. суд через кан. Прополяниса, у которого оно, якобы, хранилось. Но Прополянис ответил на это, что „они — с ума сошли“.

Завещание это, незаконно оформленное, по словам Дм. Вонлярлярскаго, с согласия кн. М. Огинской предполагалось, как он уверял, представить на Вы-

сочайшее имя через великого князя Александра Михайловича.

Кс. Петкевич за подпись получил 200 руб.

Дмитрий Вонлярлярский, в связи с этим показанием, говорит, что „копию подлинной воли“ кн. Б. Огинского он получил от Монкевича.

Подс. Монкевич категорически отрицает это обстоятельство.

Вл. Мих. Вонлярлярский просит о вызове в суд пом. прис. пов. Познанского, который должен удостоверить, что прис. пов. Бородин, сейчас же послѣ приглашения его в дѣло, стал говорить, что „готовится бомба, которая будет брошена в нужный момент“.

В связи с показаниями Вл. М. Вонлярлярского, старшина прис. заседателей г. Назимов заинтересовался вопросом, почему же подсудимый, если он находился в контрахъ с сыномъ, все-таки помогал сыну в утвержении завѣщания и в хлопотах о присоединении фамилии и герба.

Подсудимый объясняет, что, являясь старшим в родѣ, онъ обязанъ былъ интересоваться всѣмъ и принимать участие во всемъ, что касалось фамилии Вонлярлярскихъ.

Подтверждая показания Проневскаго объ обстоятельствахъ своего знакомства с Дм. Вонлярлярскимъ, кан. Каревичъ отмѣчает интересный фактъ. Дм. Вонлярлярский говорил ему, что не хотѣлъ сразу воспользоваться приглашениемъ кн. Огинскаго потому, что боялся какъ бы тотъ условіемъ наслѣдованія не поставилъ бы ему переходъ в католичество, и хотѣлъ раньше хорошенько обдумать этотъ вопросъ, при чемъ пришелъ къ выводу, что относится къ католичеству хорошо, и, если рѣшить перейти в такое, то обратится къ кардиналу Рамполлѣ, котораго хорошо знает и очень уважаетъ.

Затѣмъ Дм. Вонлярлярский просилъ кан. Каревича устроить ему через ретовское духовенство приглашение в Ретово, чтобы имѣть тамъ возможность выяснить свое положеніе и, если удастся, получить подпись на завѣщаніе, которое можно будетъ потомъ, благодаря „близости къ Трону“, утвердить в части, касающейся передачи титула, несмотря на возможные дефекты. Исполнить просьбу Вонлярлярскаго объ этомъ свидѣтелю не удалось, такъ какъ мѣстные ксендзы на первый его письма отвѣчали, что князь настолько боленъ, что неспособенъ на совершеніе какихъ-либо юридическихъ актовъ, а на послѣднее письмо онъ получилъ отвѣтъ, что князь скончался. За эти письма кан. Каревичу Проневскій предложилъ 200 рублей, но, такъ какъ тотъ отказался, то Проневскій отъ имени Дм. Вонлярлярскаго пожертвовалъ эти деньги на каплицу Спасителя.

Свидѣтелю извѣстно, что съ Пропоянисомъ вели переговоры Проневскій, а съ Петкевичемъ—Монкевичъ. Уже послѣ утверженія завѣщанія ксендзъ Петкевичъ, не сознаваясь, впрочемъ, что одно завѣщаніе было имъ подписано, разсказывалъ ему, что онъ былъ однажды вызванъ къ ген.-ад. Клейгельсу, причемъ ген. Клейгельсъ завелъ съ нимъ разговоръ о завѣщаніи. Кс. Петкевичъ отвѣтилъ ему, что завѣщанія не существуетъ, но ген. Клейгельсъ намекнулъ, что дѣло, собственно говоря, идетъ не о подлинномъ завѣщаніи, а о подписаніи подложнаго. Тогда кс. Петкевичъ выразилъ изумленіе, какъ „генералъ мѣшается въ такое грязное дѣло“—и ушелъ.

О томъ, что завѣщаніе подложно и въ дѣло замѣшанъ какой-то ксендзъ, свидѣтель услышалъ впервые въ духовныхъ сферахъ сейчасъ же послѣ утверженія завѣщанія, причемъ ксендзы предполагали, что въ дѣлѣ замѣшанъ кс. Петкевичъ, который уже раньше жаловался на то, что къ нему „пристаютъ Монкевичъ“, предлагая за подпись 100 тыс. руб. Ксендзъ Сенкусъ и Колинасъ также передавали ему о предложеніяхъ Монкевича.

Вторая недѣля засѣданія суда должна была начаться допросомъ гр. І. Залусскаго, который, по показаніямъ

всѣхъ свидѣтелей, долженъ былъ явиться полнымъ наслѣдникомъ всѣхъ родовыхъ имуществъ братьевъ Огинскихъ и которому, по подложному завѣщанію, назначено было 500 тыс. руб. съ уплатой этой суммы въ теченіе 10 лѣтъ.

До допроса гр. Залусскаго даетъ показаніе горничная Длуголенскаго Е. Долгушина.

Она показываетъ, что весной 1909 г. и потомъ въ концѣ іюня или іюля къ Длуголенцкому сталъ приходить по вечерамъ Ярошевскій, который записался въ спальнѣ и тамъ что-то писалъ. Кромѣ того, у Длуголенскаго—весною каждый день, а лѣтомъ рѣже—бывалъ Дм. Вонлярлярскій, который однажды даже остался ночевать, а также Михаловскій, и они съ Длуголенцкимъ вели продолжительные переговоры. Длуголенскій говорилъ свидѣтельницѣ, что ведетъ большое наслѣдственное дѣло. Два два посѣщенія Длуголенскаго Ярошевскимъ и Дм. Вонлярлярскимъ совпали; сидѣли они въ разныхъ комнатахъ, и Длуголенскій выносилъ Дм. Вонлярлярскому показывать листъ, на которомъ Ярошевскій что-то писалъ.

Однажды у Длуголенскаго былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Дм. Вонлярлярскій и какой-то ксендзъ.

Въ связи с показаніемъ этой свидѣтельницы защитой возбужденъ вопросъ объ осмотрѣ квартиры подс. Длуголенскаго. Послѣ продолжительныхъ преній судъ постановилъ произвести осмотръ черезъ одного изъ судебныхъ слѣдователей, поручивъ таковому составить черезъ свѣдущаго лица планъ квартиры.

Послѣ допроса свидѣтельницы подс. Дм. Вонлярлярскій объясняетъ, что дѣйствительно часто бывалъ у Длуголенскаго, но не въ связи съ подлогомъ завѣщанія, а чтобы получать генеалогическія справки, ночевалъ же онъ у Длуголенскаго потому, что его лакей въ тотъ день напился, и подсудимый не могъ попасть къ себѣ въ квартиру.

Длуголенскій, съ своей стороны, удостоверяетъ, что Дм. Вонлярлярскій обѣдалъ у него съ кс. Петкевичемъ.

На вопросъ пом. пр. пов. Д. Д. Данчича, куда-же эти справки дѣлись, Дм. Вонлярлярскій объясняетъ, что „справки эти были очень дешевыя, всего—по 100 р. штука, и потому онъ ихъ себѣ не бралъ, а оставлялъ у Длуголенскаго“.

Вл. Вонлярлярскій обращаетъ вниманіе присяжныхъ заседателей на то, что свидѣтельница никогда его у Длуголенскаго не видѣла и что сынъ его, когда нашелъ своего лакея пьянымъ, поѣхалъ ночевать не къ нему, отцу, а къ Длуголенцкому. Кромѣ того, подсудимый обращаетъ вниманіе на то, что одинъ изъ свидѣтелей, допрошенныхъ наканунѣ, показалъ, что уже въ августѣ 1909 г., до утверженія духовнаго завѣщанія, ксендзамъ Екатерининскаго костела было извѣстно, что завѣщаніе подложно.

Затѣмъ не въ очередь допрашивается д. с. с. Вальцовъ, который 10 мая долженъ выѣхать въ служебную командировку. Свидѣтель отъ 7 декабря 1909 г. былъ опекуномъ по имуществу кн. Б. Огинскаго—по просьбѣ Вл. М. Вонлярлярскаго, вмѣстѣ съ сен. Максимовичемъ и сен. Голыцинымъ. Опекунство свидѣтеля продолжалось по августу 1910 г. Соопекунами свидѣтеля были кн. М. К. Огинская и графы: Потулицкій и Залусскій. Свидѣтель сложилъ съ себя опекунскія обязанности въ виду недоброжелательнаго къ нему отношенія этихъ соопекуновъ и виленской дворянской опеки. Свидѣтель думаетъ, что завѣщаніе послѣ кн. Огинскаго могло остаться, такъ какъ „ретовскій бухгалтеръ передавалъ ему, что въ 1903 г. слышалъ отъ ретовскихъ евреевъ, будто князь сказалъ своимъ музыкантамъ, что судьба ихъ устроена и имъ беспокоиться за будущее нечего“.

Свидѣтель представлялъ въ опеку счета по своимъ опекунскимъ расходамъ и считаетъ, что опека неправильно сокращала эти счета.

Д. с. с. Вальцовъ былъ у ген. Клейгельса въ одно время съ кс. Домбровскимъ, но ихъ разговора не слышалъ.

Въ составѣ имущества покойнаго находилось на 130 тыс. руб. векселей гр. Потулицкаго, каковыя

векселя хранились неправильно. Гр. Потулицкий первый высказал свидетелю подозрѣніе въ подложности завѣщанія.

Свидѣтель удостовѣряетъ, что супруга Дм. Вонлярлярскаго была вполне увѣрена въ подлинности завѣщанія, даже послѣ ареста мужа.

Вл. Вонлярлярскій говорилъ свидетелю, что наследство появилось, точно „въ сказкѣ изъ 1001 ночи“, и что завѣщаніе удалось найти только благодаря тому, что Адамчевскій—полякъ. Вл. Вонлярлярскій, впрочемъ, все время говорилъ, что дѣло неясно. Въ консультаціяхъ, по вопросу о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, подсудимый Вл. Вонлярлярскій участія не принималъ, а равно возставалъ противъ подачи прошенія на Высочайшее имя. Этотъ свидѣтель подтверждаетъ частію обвиненія, высказанныя Вл. Вонлярлярскимъ противъ прис. пов. Бородинъ, который убѣждалъ свидѣтеля, что „они увидятъ еще Вл. Вонлярлярскаго на скамьѣ подсудимыхъ“, а самъ старался возможно скорѣе получить деньги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одесская судебная палата.

(Дѣло о призывѣ къ студенческой забастовкѣ).

10 мая въ одесской судебной палатѣ при участіи сословныхъ представителей слушалось дѣло о двухъ студентахъ новороссійскаго университета Вл. Тиниковѣ и Всеволодѣ Годоражѣ, обвинявшихся первый (Тиниковъ) въ томъ, что 3 февраля 1911 г. въ помѣщеніи физико-математической аудиторіи новорос. ун-та, публично, въ присутствіи собравшихся на лекцію студентовъ, численностью до 60 человекъ, съ цѣлью пропаганды, произнесъ рѣчь, возбуждающую къ неповиновенію законному распоряженію власти, призывая студентовъ отъ имени коалиціоннаго совѣта медицинскихъ курсовъ къ забастовкѣ „въ цѣляхъ противодѣйствія циркуляру совѣта министровъ отъ 11 января 1911 г. о запрещеніи въ стѣнахъ университетовъ студенческихъ собраній“, а второй (Годоражъ) въ томъ, что, имѣя при себѣ печатныя воззванія къ забастовкѣ студентовъ, онъ, съ цѣлью распространенія, тогда же, 3 февраля, въ той же аудиторіи, разбросалъ пачку ихъ среди студентовъ, каковыя дѣянія предусмотрѣны въ отношеніи обоихъ студентовъ 3 п. 1 ч. 129 ст. угод. улож.

На предварительномъ слѣдствіи было установлено, что студ. Тиниковъ послѣ рѣчи, въ которой призывалъ студентовъ къ забастовкѣ, сталъ говорить о необходимости оказать поддержку другимъ университетамъ. Рѣчь его была прервана лишь тогда, когда въ аудиторію вошла полиція. Въ этотъ моментъ распространилась по аудиторіи удушливая вонь отъ пролитой зловонной жидкости, а студентъ Годоражъ выбросилъ имѣвшуюся у него пачку печатныхъ листовъ, также призывавшихъ студентовъ къ забастовкѣ въ цѣляхъ оказанія противодѣйствія циркуляру совѣта министровъ, воспретившему въ стѣнахъ высшей школы всякія собранія и кружки. Разбросанныя прокламаціи усеяли полъ аудиторіи и, въ числѣ 70 экземпляровъ, были подобраны полиціей. По выходѣ изъ аудиторіи студ. Тиниковъ сталъ пѣть въ аванзалѣ революціонныя пѣсни. Оба студента, Тиниковъ и Годоражъ, были задержаны, и противъ нихъ было возбуждено обвиненіе.

Тиниковъ призналъ себя виновнымъ въ произнесеніи рѣчи, но только не въ той редакціи, какая ему инкриминируется.

По его словамъ, объектомъ его рѣчи служилъ не циркуляръ совѣта министровъ, запрещавшій всякія студенческія сообщенія, а тѣ событія, которыя находились въ связи съ убійствомъ студента Иглицкаго, взволновавшія всѣхъ студентовъ. „Я не призывалъ къ забастовкѣ,—говоритъ студ. Тини-

ковъ,—а просилъ товарищей къ временному прекращенію занятій, съ цѣлью выраженія этимъ протеста по поводу неразслѣдованія въ судебномъ порядкѣ убійства Иглицкаго“.

Студентъ Годоражъ отрицалъ свою вину категорически, заявивъ, что онъ ярый противникъ студенческой забастовки и что въ немъ ошибочно признали разбрасывателя воззваній, въ виду сходства его съ другимъ студентомъ, одѣтымъ въ формѣ, между тѣмъ, какъ онъ былъ тогда въ штатскомъ костюмѣ.

Палатой былъ допрошенъ рядъ свидѣтелей, изъ коихъ околочный надз. Абашидзе подтвердилъ, что при входѣ въ аудиторію физико-математическаго факультета, сейчасъ послѣ окончанія лекціи проф. Кастерина, онъ замѣтилъ, какъ студ. Годоражъ выбросилъ прокламаціи. По выходѣ изъ аудиторіи студ. Тиниковъ и другой какой-то студ. пѣли: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“. У обоихъ студентовъ послѣ задержанія былъ произведенъ обыскъ, не давшій, однако, никакихъ результатовъ.

Аналогичное показаніе даетъ и служащій при канцеляріи университета А. Вакулинъ. Въ отношеніи студ. Годоража Вакулинъ на предварит. слѣдствіи категорически утверждалъ, что онъ „отлично“ замѣтилъ его лицо и „положительно“ заявляетъ, что разбрасывалъ прокламаціи именно онъ, Годоражъ. На судѣ же свидѣтель этотъ заявляетъ только, что ему „кажется“, что Годоражъ разбрасывалъ прокламаціи.

Бывшій въ аудиторіи препараторъ Захаровъ также утверждаетъ, что студ. Тиниковъ призывалъ студентовъ къ забастовкѣ, но подлинныхъ словъ его не помнитъ, а свидѣтели Золотаревъ и Вислобоцкій-Голобокъ показали, что, когда полиція вошла въ аудиторію, то прокламаціи уже были разбросаны, и кто разбрасывалъ ихъ, трудно было замѣтить.

Допрашиваются также студенты университета, товарищи подсудимыхъ. Студ. Трачани заявляетъ, что Годоражъ къ забастовкѣ относился отрицательно и былъ противъ нея, студ. Корниенко также утверждаетъ, что Годоражъ къ вопросу о студенческой забастовкѣ относился отрицательно и даже старался не ходить въ университетъ.

Защитникъ прис. пов. П. В. Ратнеръ интересуется, какія событія волновали студентовъ 3 февр. 1911 г.?

Студ. Корниенко не можетъ установить эти событія.

— Не дошло ли до вашего свѣдѣнія, что совѣтъ министровъ издалъ циркуляръ о временномъ запрещеніи собраній въ университетахъ? Не говорилъ ли вамъ ректоръ о немъ?

И на эти вопросы свидѣтель отвѣчаетъ незнаніемъ.

— Можетъ быть вы читали въ газетахъ объ изданіи мин. народн. просвѣщ. такого циркуляра?—допытывается представитель обвиненія.

— Объ этомъ не знаю,—заявляетъ свидѣтель.

— Не было ли въ университетѣ волненія по поводу убійства Иглицкаго?

— Нѣтъ.

— А по поводу инцидента на балу были среди студентовъ разговоры?

— Относительно Иглицкаго,—отвѣчаетъ студ. Корниенко,—не говорили, а по поводу инцидента на балу разговоры были.

— Какіе же были разговоры объ инцидентѣ на балу?

— Говорили, что студенты неправы.

Наконецъ, послѣдній изъ допрошенныхъ свидѣтелей, лаборантъ Куровскій, аттестуетъ Годоража, какъ студента серьезнаго, работающаго и посѣщавшаго лекціи, а студ. Тиникова не знаетъ.

Тов. прок. Н. М. Левченко, поддерживая обвиненіе противъ обоихъ студентовъ, отмѣчаетъ, что студ. Тиниковъ не отрицаетъ произнесенія имъ рѣчи, но вѣсколько видоизмѣняетъ ее, указывая, что онъ

призывалъ къ забастовкѣ не въ цѣляхъ противо-
дѣйствія циркуляру совѣта министровъ, а съ цѣлью
протеста противъ убійства Иглицкаго. По мнѣнію
представителя обвиненія, въ данномъ случаѣ безраз-
личны мотивы, которыми руководствовался Тини-
ковъ. Фактъ, что онъ призывалъ къ забастовкѣ, а
забастовка запрещена закономъ, слѣд., студ. Тини-
ковъ противодѣйствовалъ законнымъ распоряжені-
ямъ властей. При такихъ условіяхъ Тиниковъ изоб-
личается собственнымъ сознаниемъ. Другой обви-
няемый, Годоражъ, отрицая свою вину, изобличается,
однако, показаніями двухъ свидѣтелей надз. Аба-
шидзе и служащаго Вакулина. Эти свидѣтели ут-
верждаютъ, что Годоражъ бросилъ прокламаціи
вѣромъ, „а не пачкой“, слѣд., онъ имѣлъ въ виду
не освободиться отъ нихъ изъ боязни появленія
полиціи, а распространять ихъ среди товарищей.
По этимъ соображеніямъ, товар. прок. поддерживалъ
обвиненіе противъ обоихъ подсудимыхъ по 1 ч. 129
ст. угол. улож., причемъ ходатайствовалъ передъ
палатой о смягченіи наказанія Годоражу, какъ не-
совершеннолѣтнему.

Защитникъ, прис. пов. П. В. Ратнеръ, обращаетъ
вниманіе палаты, что къ подсудимымъ предъявлено
обвиненіе въ томъ, что они возбудили студентовъ
къ забастовкѣ съ цѣлью противоѣйствія законнымъ
распоряженіямъ властей, въ данномъ случаѣ цирку-
ляру мин. народ. просвѣщ. о запрещеніи собраній
въ университетѣ. Между тѣмъ, самый циркуляръ
этотъ, по мнѣнію защиты, незаконный. По силѣ 84
ст. осн. зак., каждый законъ, изданный Высочайшей
властью, можетъ и долженъ быть отмѣненъ только
этой Высочайшею, а не иною властью. Совѣтъ ми-
нистровъ не имѣлъ права приостановить, хотя и
„временно“, какъ говорится въ циркулярѣ, дѣйствіе
закона о собраніяхъ въ университетахъ безъ Высо-
чайшаго на то распоряженія. Циркуляръ отмѣнилъ
распоряженіе, изданное и санкціонированное Высо-
чайшею властью, и распоряженіе это не соотвѣт-
ствуетъ основнымъ законамъ. „При такихъ услови-
яхъ—можно ли говорить о противоѣйствіи закон-
нымъ распоряженіямъ властей? Мы попадаемъ,
гг. судьи, въ ложное положеніе, недопустимое ни
съ точки зрѣнія закона, ни политики“. Обращаясь
къ матеріалу, добытому судебнымъ слѣдствіемъ, за-
щита приходитъ къ убѣжденію, что прокламаціи
по внутреннему своему содержанію не соотвѣтствуютъ
129 уст. уг. ул. Въ нихъ нѣтъ того „призыва“,
который требуется указанной статьей. За отсутстві-
емъ состава преступленія защита проситъ объ оправ-
даніи обоихъ подсудимыхъ.

Второй защитникъ подсудимыхъ прис. пов. С. Б.
Шапиро также указалъ на непримѣнимость къ дѣ-
ланіямъ студентовъ Тиникова и Годоража 1 ч. 129 ст.
угол. улож. Въ объяснительной запискѣ къ 129 ст.
угол. улож. требуется, чтобы и призывъ былъ „пу-
бличный“, но законодатель не имѣлъ въ виду сту-
денческой аудиторіи съ 60 специально собравшимися
на лекцію молодыми людьми, волнуемыми въ те-
ченіе всей своей студенческой жизни. „И вы, гг.
судьи были студентами и сами пережили волненія
такъ назыв. студенческія, но это не политическія
смуты, о которыхъ говоритъ законъ. По роковой
случайности, гг. судьи, завтра въ высшемъ законо-
дательномъ учрежденіи, въ госуд. думѣ будетъ об-
суждаться запросъ о законности того циркулярнаго
распоряженія совѣта министровъ о временномъ за-
прещеніи въ университетахъ собраній, которое легло
между прочимъ въ основаніе обвиненія подсуди-
мыхъ. Если запросъ этотъ, можетъ быть, въ думѣ
не будетъ разрѣшенъ вслѣдствіе политическихъ
треній, то вамъ, гг. судьи, во всякомъ случаѣ разрѣ-
шать его не приходится, такъ какъ ваша задача
сводится къ разрѣшенію вопроса о виновности или
невиновности подсудимыхъ“—закончилъ г. Шапиро.

Судебная палата подъ предсѣдательствомъ члена
палаты М. М. Сергѣева признала обоихъ студен-

товъ виновными и приговорила Тиникова къ тю-
ремному заключенію на 2 мѣс., а Годоража на 1 м.
и 10 дней съ зачетомъ предварительнаго заключенія,
Предсѣдательствующій объяснилъ подсудимымъ, что
въ виду зачета наказанія они подлежатъ немедлен-
ному освобожденію изъ тюрьмы.

Х Р О Н И К А.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, созывающее въ на-
чалѣ будущаго года всероссійскій съѣздъ земскихъ
и городскихъ дѣятелей и представителей частныхъ
благотворительныхъ обществъ по вопросамъ, касаю-
щимся полной реорганизации дѣла общественнаго
призрѣнія въ Россіи, предоставило заинтересованнымъ
общественнымъ учрежденіямъ высказаться по вопросу
о программѣ съѣзда и представить свои соображенія
о предполагаемомъ характерѣ реформы общественной
и частной благотворительности.

Съ своей стороны министерство внутреннихъ дѣлъ
по главному управленію по дѣламъ мѣстнаго хозяй-
ства намѣтило основныя черты будущаго законо-
проекта о коренной реформѣ нашего благотворитель-
наго дѣла. Центральнымъ пунктомъ сужденій съѣзда
и явится, какъ полагаютъ, именно этотъ министер-
скій проектъ, изъ котораго вѣдомство въ общемъ
предполагаетъ исходить въ своихъ дальнѣйшихъ ра-
ботахъ въ той же области.

Намѣченныя основанія министерскаго проекта сво-
дятся къ слѣдующему. Въ первомъ пунктѣ проекта
министерство указываетъ, что въ настоящее время
попеченіе объ оказаніи помощи немущимъ, неизлѣ-
чимо-больнымъ, слѣпымъ и увѣчнымъ, за исключеніемъ
только нѣкоторыхъ разрядовъ душевно-больныхъ, не
относится къ обязательнымъ повинностямъ земскихъ
и городскихъ учреждений. Между тѣмъ ряду лицъ,
находящихся въ крайней степени безпомощности,
нужды и болѣзненнаго состоянія, необходимо обезпе-
чить общественное призрѣніе, и министерство предла-
гаетъ точно установить въ законѣ, какія именно ка-
тегоріи нуждающихся подлежатъ обязательному при-
зрѣнію.

Во второмъ пунктѣ своего проекта министерство
ставитъ вопросъ, кто долженъ оказывать призрѣніе
нуждающимся. Нынѣшній характеръ непосредствен-
наго участія правительства въ одной изъ важнѣйшихъ
отраслей общественнаго призрѣнія, а именно въ дѣлѣ
попеченія о душевно-больныхъ, по мнѣнію министер-
ства, не вполне достаточенъ, и министерство выска-
зываетъ предположеніе о сложеніи съ земствъ и воз-
ложеніи на правительство обязанностей по призрѣнію
нѣкоторыхъ разрядовъ душевно-больныхъ. Въ общемъ
же правительственное участіе въ дѣлѣ призрѣнія
должно ограничиваться устройствомъ и содержаніемъ
психіатрическихъ лѣчебницъ. Далѣе министерство
считаетъ необходимымъ точно распределить обязан-
ности по призрѣнію въ одной и той же губерніи
между губернскими и уѣздными земствами, съ одной
стороны, и городскими управленіями—съ другой.

Существующее положеніе, по которому города въ

противоположность земствам никакими обязательствами въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія не связаны, министерство считаетъ неправильнымъ и предлагаетъ болѣе равномерное распределение финансовой тяготы между тѣми и другими. Обязательному призрѣнію со стороны общественныхъ учреждений должна предшествовать родственная, а затѣмъ сословная помощь, причемъ, несмотря на утрату прежняго значенія послѣдней помощи, министерство предлагаетъ точно установить въ законѣ тѣ случаи, когда обязанность призрѣнія переходитъ къ соответствующему сословию.

Далѣе министерскій проектъ касается мѣста призрѣнія. По мнѣнію министерства, представляется правильнымъ, за исключеніемъ случаевъ внезапной нужды въ призрѣніи, обусловить для лицъ, прибѣгающихъ къ общественной помощи, полученіе таковой въ данной мѣстности предварительнымъ пребываніемъ въ ней въ теченіе извѣстнаго срока. Это правило имѣетъ цѣлью облегчить задачи по оказанію призрѣнія благотворительнымъ органамъ въ столицахъ, крупныхъ городахъ и торговопромышленныхъ районахъ, гдѣ скопляется много пришлаго элемента.

Четвертый пунктъ проекта посвященъ вопросу объ устройствѣ и полномочіяхъ органовъ, вѣдающихъ призрѣніемъ. Ограничиваясь серьезной реорганизацией существующихъ низшихъ инстанцій по оказанію призрѣнія, — участковыхъ попечительствъ, — министерство проектируетъ созданіе другихъ, болѣе крупныхъ органовъ, предназначенныхъ для цѣлей призрѣнія, для чего могутъ быть приспособлены существующія учрежденія мѣстнаго самоуправленія. Далѣе министерство предлагаетъ установить способы взаимодѣйствія для учрежденія по призрѣнію на случай болѣе значительныхъ народныхъ бѣдствій, захватывающихъ нѣсколько губерній. Компетенцію органовъ призрѣнія министерство предполагаетъ расширить, предоставивъ имъ наблюденіе за исполненіемъ законовъ о призрѣніи со стороны родственниковъ и сословныхъ учреждений. Въ связи съ этимъ поставленъ вопросъ объ установленіи ответственности за неоказаніе призрѣнія, а также для нуждающихся въ случаѣ злоупотребленія ихъ общественной помощью.

Къ борьбѣ съ профессиональнымъ нищенствомъ предполагается всюду привлечь, какъ это сдѣлано въ Москвѣ и Петербургѣ, на-ряду съ административными органами городскія и земскія учрежденія, которымъ предоставляются необходимыя административно-полицейскія права. Для лицъ, живущихъ на чужой счетъ по склонности къ тунеядству, министерство предполагаетъ взаимѣнъ краткосрочнаго заключенія въ тюрьмѣ или денежныхъ взысканій установить болѣе или менѣе продолжительный трудъ въ особыхъ рабочихъ домахъ или при общественныхъ работахъ.

По вопросу о средствахъ на дѣло общественнаго призрѣнія министерство предполагаетъ въ случаѣ необходимости новыхъ источниковъ дохода установить особый благотворительный сборъ или систему субсидій органамъ общественнаго самоуправления изъ общегосударственныхъ средствъ.

Въ заключеніе министерскій проектъ предлагаетъ

подчинить частныя благотворительныя общества безъ нарушенія ихъ внутренней самостоятельности извѣстному руководству органовъ общественнаго призрѣнія.

Синодомъ закончена разработка новаго законопроекта о правахъ монашествующаго духовенства завѣщать по смерти свое имущество. Проектомъ предполагается въ отнѣну дѣйствующихъ постановлений установить, что имущество монашествующихъ всѣхъ степеней, не исключая и архіереевъ, какъ находящихся на дѣйствительной службѣ, такъ и живущихъ на покоѣ, не можетъ быть завѣщено кому-либо владѣльцемъ, а должно оставаться въ пользу тѣхъ церковныхъ учреждений, при которыхъ умершій состоялъ на службѣ или проживалъ передъ своей кончиной. Исключеніе допускается лишь по отношенію къ библиотекамъ и предметамъ священнослуженія, приобретеннымъ на личные средства умершихъ или пожертвованнымъ имъ, съ тѣмъ, однако, чтобы эти предметы передавались завѣщателемъ учреждениямъ исключительно церковнымъ.

Министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ поручилъ отдѣлу промышленности разработать особую записку по вопросу о правѣ земствъ издавать обязательныя постановленія по вопросамъ, касающимся санитарныхъ условій фабрикъ и заводовъ и лѣченія рабочихъ.

Согласно ходатайству представителей объединенной промышленности, записка будетъ построена на томъ положеніи, что земства не вправе издавать подобныя обязательныя постановленія, такъ какъ это является вторженіемъ въ компетенцію особыхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствій. Записка эта будетъ направлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ возраженіе противъ резолюціи послѣдняго противохоленнаго сѣзда, возложившаго, какъ извѣстно, на земства подзоръ за санитарнымъ состояніемъ фабрикъ и заводовъ.

Въ случаѣ, если министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ настаивать на исполненіи резолюціи сѣзда, министерство торговли и промышленности намѣрено перенести вопросъ на обсужденіе совѣта министровъ.

Присяжные засѣдатели по 2 отдѣленію московскаго окружнаго суда подали председателю заявленіе съ просьбой поставить на видъ товарищу прокурора, чтобы онъ былъ остороженъ въ выраженіяхъ по отношенію къ нимъ — судьямъ совѣсти.

Это заявленіе вызвано фразой товарища прокурора г. Новицкаго, сказавшаго въ своей рѣчи по одному дѣлу о кражѣ, что, если присяжные засѣдатели вынесутъ по дѣлу оправдательный вердиктъ, то они этимъ самымъ распустились въ логику вора.

— Г. товарищу прокурора должно быть хорошо извѣстно, что присяжные засѣдатели выносятъ всегда вердиктъ, который диктуютъ имъ ихъ разумъ и совѣсть, и отнюдь не руководствуются логикой того или другого преступника, — говорятъ дальше присяжные засѣдатели въ своемъ заявленіи.

Изъ одесскаго исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ вновь бѣжало десять воспитанниковъ, изъ нихъ двое задержаны.

Ночью семь каторжниковъ разобрали стѣну екатеринославской тюрьмы, пробрались въ коридоръ и тяжело ранили надзирателя Толстикова. Каторжанинъ Цымба, попавъ въ засаду, застрѣлился. По приходѣ властей, забравъ Толстикова въ камеру и потушивши лампу, остальные каторжане заявили, что будутъ стрѣлять въ себя и Толстикова, если конвойные подымутъ пальбу. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, на зарѣ каторжане сдались.

Въ Варшавѣ повѣшенъ Францъ Пляцекъ, сподвижникъ главы разбойничьей шайки Длужневскаго, погибшаго въ Лодзи. По объявленіи Пляцеку смертнаго приговора, ему былъ врученъ обвинительный актъ по новому дѣлу, объ убійствѣ имъ стражника, законченному слѣдствіемъ уже послѣ осужденія его на казнь за убійство городского и два другихъ нападенія. Казнь отложена не была, въ виду того, что, по закону, высшая мѣра наказанія, — повѣшеніе, — къ которой Пляцекъ былъ уже присужденъ, поглощаетъ собою все остальные. Врученіе новаго обвинительнаго акта приговоренному уже къ казни было лишь исполненіемъ формальныхъ требованій закона.

Библіографія.

И. А. Горбачевъ. Товарищества полныя, на вѣрѣ, кредитныя, ссудо-сберегательныя, трудовыя и съ переменнымъ капиталомъ, акціонерныя и паевыя компаніи. Законъ и практика. 712 стр. 1910 г., д. 3 р. 50 к.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ справедливо замѣчаетъ, что „въ послѣднее десятилѣтіе приходится наблюдать, что единоличныя предпріятія все въ большемъ и большемъ количествѣ преобразовываются въ предпріятія товарищескія. Немало также возникаетъ вновь предпріятій акціонерныхъ и паевыхъ“.

„Вопросъ объ организаціи предпріятій товарищескихъ, акціонерныхъ, паевыхъ и съ переменнымъ капиталомъ получаетъ большое практическое значеніе, и знакомство съ этимъ вопросомъ становится совершенно необходимымъ для каждаго коммерсанта и юриста“.

„Чтобы удовлетворить требованію, продиктованному ясно опредѣлившимся за послѣднее время пущами крупной торговли и промышленности въ отношеніи правильной организаціи товариществъ и компаній, было задумано изданіе настоящей книги, въ задачу которой вошло, во-первыхъ, теоретическое ознакомленіе съ организаціей различнаго типа компаній, во-вторыхъ, возможно полное и подробное изложеніе практическихъ свѣдѣній“.

Если разсматривать книгу г. Горбачева съ точки зрѣнія этой второй, поставленной себѣ ею авторомъ, задачи, ее можно признать трудомъ не безполезнымъ. Люди практики найдутъ въ ней много полезныхъ указаній и свѣдѣній. Кромѣ законовъ, относящихся къ разнаго рода типамъ товарищескихъ организацій, въ пей, подѣ соотвѣтствующими статьями, приведена и сенатская практика, правда, въ настоящее

время благодаря многочисленнымъ комментаріямъ къ законамъ легко доступная, тѣмъ не менѣе весьма полезная и въ каждомъ практическомъ руководствѣ. Авторомъ данъ матеріалъ по многимъ вопросамъ, близко соприкасающимся съ вопросами товарищескихъ организацій, такъ, по вопросамъ объ облигаціяхъ. Далѣе даются многочисленные весьма полезныя указанія по вопросамъ объ учрежденіи акціонерной компаніи, о ходатайствахъ въ министерствахъ, объ общихъ собраніяхъ и т. д. Однако, и въ тѣхъ частяхъ книги, которыя посвящены вопросамъ практики, можно указать довольно многочисленные пробѣлы и чрезвычайную неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала. Такъ, по вопросамъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ мы находимъ въ книгѣ такъ мало матеріала, что авторъ едва ли имѣлъ право говорить о нихъ, какъ объ институтѣ, разсмотрѣнномъ въ книгѣ. Точно также сравнительно мало мѣста удѣлено полнымъ товариществамъ. Тѣмъ не менѣе можно признать, что та часть книги, которая посвящена практическимъ вопросамъ, можетъ быть рекомендована какъ полезная справочная книга.

Къ сожалѣнію, авторъ поставилъ себѣ гораздо болѣе серьезныя задачи, нежели составленіе полезной, но скромной справочной книги для дѣловаго міра. Авторъ пожелалъ дать и теоретическое изложеніе разнаго рода типовъ товарищеской организаціи. Но для выполненія этой работы авторъ оказался абсолютно не подготовленнымъ, повидимому, даже не сознающимъ, въ чемъ заключается задача теоретическаго изложенія. Въ результатѣ получилось простое нагроможденіе матеріала, по большей части совершенно случайнаго.

Въ какой мѣрѣ авторъ не ориентированъ въ самыхъ простыхъ вопросахъ теоретическаго изслѣдованія, хотя бы и носящихъ чисто техническій характеръ, видно изъ слѣдующихъ второстепенныхъ, но чрезвычайно характерныхъ подробностей.

Въ началѣ книги мы находимъ „оглавленіе“, въ концѣ „предметный указатель“. Если же ихъ сравнить, то окажется, что оглавленіе только болѣе сокращенный предметный указатель. Получается нѣчто совершенно несуразное. Не говоря о безцѣльности такого модифицированнаго повторенія, читатель, въ сущности, остается безъ оглавленія. Поэтому, если онъ желаетъ ознакомиться напр. съ акціонерными компаніями, какъ цѣльнымъ институтомъ, выяснитъ по оглавленію, какъ этотъ институтъ систематизированъ въ книгѣ, онъ совершенно не въ состояніи сдѣлать это по оглавленію. Мало того, это оглавленіе составлено такимъ образомъ, что нельзя даже и знать, что собственно находится подѣ соотвѣтствующими словами. Такъ, мы находимъ въ оглавленіи слово „общія собранія“, но почему авторъ полагаетъ, что надо догадаться, что рѣчь идетъ объ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ компаній? Почему подѣ словомъ „раздѣльность имущества“ слѣдуетъ искать отвѣтъ на вопросъ только о степени раздѣльности имущества полного товарищества и товарищей и т. д.? Къ тому же незнанію техническихъ приѣмовъ теоретическаго изслѣдованія мы относимъ перепечатки статей изъ „Правъ“ безъ указанія источниковъ. Т. е. въ книгѣ можно найти и указанія на автора перепечатаваемой статьи, но надо много остроумія, чтобы догадаться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ простой перепечаткой, не исключая и литературныхъ ссылокъ оригинала.

Все, что относится къ теоретической части работы, носитъ совершенно такой же характеръ неумѣлой, совершенно случайной компилятивной работы, которая, не имѣя рѣшительно никакой цѣны, лишь затрудняетъ пользованіе книгой въ цѣляхъ практическихъ.

А. К.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Вашировъ, Багаутдинъ Сагаевъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 703.	Казанск. о. с.
Блюменфельдъ, Максимъ Марковъ.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 727.	Тульск. о. с.
Брижицкий, Митрофанъ Григорьевъ, с. свящ.	С. о. 30 іюня № 52. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. бол. Р. VII, ст. 469.	Елисаветградск. гор. с. с.
Букать, Казиміръ Михайловъ, кр.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 709.	Вилensk. о. с.
Ганичъ, Фаддѣй Петровъ.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 729.	Минск. о. с.
Герасимовъ, Владиміръ Стефановъ, кр.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 723.	Вятск. о. с.
Гудата, Адольфъ Адольфовъ, кр.	С. о. 30 іюня № 52. Опек. управл. надъ личн. и имущ. по слабоум. Р. VII, ст. 470.	Росіенск. с. с.
Дороговъ, Иванъ Петровъ, кр.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 722.	Витск. о. с.
Дуванъ, Аврамъ Исааковъ, куп.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 725.	Кіевск. о. с.
Емельяновъ, Александръ Александровъ, дв.	С. о. 30 іюня № 52. Опек. надъ личн. и имущ. по слабоумію. Р. VII, ст. 471.	Корочанск. дв. опека.
Зубовъ, Петръ Алексѣевъ, ум. дв.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 708.	Одесск. о. с.
Кабильджановъ, Рустамъ, ус. Андигана.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 707.	Ново-Маргелан. о. с.
Ложкинъ, Иванъ Александровъ, торг. по св.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 726.	Нижегород. о. с.
Максимовичъ, Раиса Захарьева, жена г.-м.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 724.	Кіевск. о. с.
Миршниченко, Николай Акимовъ, кр.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 704.	Кіевск. о. с.
Новеръ, Германъ Натановъ.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 732.	Варшавск. к. с.
Пестеръ, Израиль-Хаимъ (онъ же Ицекъ Пестеръ).	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 712.	Варшавск. к. с.
Поляковъ, Василій Александровъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 706.	Екатеринодарск. о. с.
Румянцевъ, Александръ Сергѣевъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 705.	Костромск. о. с.
Стрѣльцовъ, Александръ Сергѣевъ, колл. секр.	С. о. 4 іюля № 53. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшеств. Р. VII, ст. 472.	Спб. с. с.

П Р А В О.

Трембицкій, Генрихъ, куп.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 713.	Варшавск. к. с.
Фаготъ, Фишель, куп.	С. о. 4 іюля № 53. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 733.	Варшавск. к. с.
Хандорсъ, Нухимъ Вольковъ, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 702.	Житомирск. о. с.
Щипаниковъ, Михаилъ Семеновъ, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. Опек. надъ личн. и имущ. по расточит. Р. VII, ст. 463.	Осташковск. с. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Молчанова, Клавдія Васильева, куп.	С. о. 30 іюня № 52. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1909 года № 55, ст. 320), за смертью. Р. VIII, ст. 275.	Одесск. гор. с. с.
Огалева, Анисимъ Ефимовъ, торг. по св.	С. о. 30 іюня № 52. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1910 г.), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 274.	Усть-медвѣдицк. о. с.
Общество бумажной и картонной фабрики „М. Г. Киммель“.	С. о. 4 іюля № 53. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1905 г. № 34, ст. 408), окончено. Р. VIII, ст. 277.	Рижск. о. с.
Шапиро, Шмуль Янкелевъ, куп.	С. о. 4 іюня № 53. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1906 г. № 47, ст. 529), за отказ. кредит. отъ участія въ производств. безъ опред. свойств. несостоятельна. Р. VIII, ст. 277.	Рижск. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл. гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Ковалевскою, Александрою Владимировою, дв.	Ковалевскому, Николаю Николаевичу, дв.	С. с. 4 іюля № 53. У киевск. нот. Шенфельда въ 1905 г. № 13231. и у Лебдинскаго нот. Перекрестова 21 марта 1901 г. № 351. Р. IV, ст. 270.	Московск. о. с.